

ПЕРВЫЙ
КУБАНСКИЙ
«ЛЕДЯНОЙ»
ПОХОД

Белое движение в России

Сергей Волков

**Первый кубанский
(«Ледяной») поход**

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

Волков С. В.

Первый кубанский («Ледяной») поход / С. В. Волков —
«Центрполиграф», 2023 — (Белое движение в России)

ISBN 978-5-227-10001-6

Книга «Первый кубанский («Ледяной») поход» представляет собой третий том из серии, посвященной Белому движению в России, и знакомит читателя с воспоминаниями участников событий на Дону и Кубани зимой и весной 1918 г. В книге впервые с такой полнотой представлены свидетельства не только руководителей антикоммунистической борьбы, но и ее рядовых участников, позволяющие наглядно представить обстановку и атмосферу того времени, психологию и духовный облик первых добровольцев. За небольшим исключением помещенные в томе материалы в России никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость. Том снабжен предисловием и обширными комментариями, содержащими несколько сот публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-227-10001-6

© Волков С. В., 2023
© Центрполиграф, 2023

Содержание

	7
	10
А. Деникин[1]	10
И. Какурин[79]	43
Хан Р.-Б. Хаджиев[104]	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Первый кубанский («Ледяной») поход

Сост., науч. ред., предисл.

и коммент. д.и.н. С. В. Волкова

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© С. В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

* * *

Б Е Л О Е Д В И Ж Е Н И Е

Т О М 3

Предисловие

Третий том серии «Белое движение в России» посвящен легендарному 1-му Кубанскому походу Добровольческой армии, который также известен под названием «Ледяной поход». Настоящий том служит непосредственным продолжением первого и второго («Зарождение Добровольческой армии» и «Первые бои Добровольческой армии»), в которых собраны воспоминания о формировании на Дону и на Кубани добровольческих частей и их действиях до выступления в 1-й Кубанский поход.

Первый поход Добровольческой армии во главе с Лавром Георгиевичем Корниловым продолжался с 9 февраля по 30 апреля 1918 года. Оставив Ростов, армия пошла на Екатеринодар, имея целью соединиться с кубанскими белыми частями. Однако после начала похода выяснилось, что он уже оставлен Кубанским отрядом. Соединившись с последним в середине марта, армия 28–31 марта предприняла неудачную попытку взять город (при соотношении сил один к десяти в пользу красных). После смерти генерала Л. Г. Корнилова армия под командованием А. И. Деникина выступила в обратный путь на Дон, где уже началось восстание казачества.

В самом начале похода в станице Ольгинской армия, состоявшая до того из 25 отдельных частей, была реорганизована (батальоны превратились в роты, роты – во взводы) и стала включать: Сводно-Офицерский, Корниловский ударный и Партизанский полки, Особый Юнкерский батальон, 1-й легкий артиллерийский дивизион (4 батареи), Чехословацкий инженерный батальон, Техническую роту, 1-й кавалерийский дивизион полковника Гершельмана, Конный отряд полковника Глазенапа, Конный отряд подполковника Корнилова, Охранную роту штаба армии, конвой командующего армией и походный лазарет. Вскоре после соединения 14 марта 1918 года с Кубанским отрядом армия была переформирована. В 1-ю пехотную бригаду (генерал С. Л. Марков) вошли Сводно-Офицерский и Кубанский стрелковый полки, 1-я Инженерная рота, 1-я и 4-я отдельные батареи; во 2-ю (генерал А. П. Богаевский) – Корниловский и Партизанский полки, Пластунский батальон (кубанский), 2-я инженерная рота (кубанская) и 2-я, 3-я и 5-я отдельные батареи; в конную бригаду (генерал И. Г. Эрдели) – Конный и Черкесский полки, Кубанский конный дивизион (полк) и конная батарея (кубанская). После возвращения Добровольческой армии на Дон она была реорганизована и пополнилась новыми добровольцами.

Добровольческая армия вышла в 1-й Кубанский поход в числе до 4 тысяч человек (при 8 орудиях), присоединившиеся к ней кубанские части насчитывали, по разным данным, до 3,2 тысячи человек (при 8 орудиях), кроме того, к армии присоединилось несколько сот казаков из отдельных станиц, так что под Екатеринодаром она насчитывала до 6 тысяч бойцов. Вернулось из похода около 5 тысяч, из которых около 1,5 тысячи раненых. Безвозвратные потери (убито, пропало без вести и оставлено в станицах) составили, следовательно, не меньше 1,5 тысячи человек, а общее число участников похода – 7–8 тысяч.

Среди 3683 участников похода, вышедших из Ростова, было 36 генералов (в т. ч. 3 генерала от инфантерии и генерала от кавалерии и 8 генерал-лейтенантов), 190 полковников, 50 подполковников и войсковых старшин, 215 капитанов, ротмистров и есаулов, 220 штабс-капитанов, штабс-ротмистров и подьесаулов, 409 поручиков и сотников, 535 подпоручиков, кор-

нетов и хорунжих, 668 прапорщиков, 12 морских офицеров (в т. ч. 1 капитан 1-го ранга и 1 капитан 2-го ранга), 437 вольноопределяющихся, юнкеров, кадет и добровольцев и 2 гардемарина, 364 унтер-офицера (в т. ч. подпрапорщики и им равные), 235 солдат (в т. ч. ефрейторов и им равных) и 2 матроса. Кроме того – 21 врач, 25 фельдшеров и санитаров, 66 чиновников, 3 священника и 14 гражданских лиц. Из 165 женщин 15 были прапорщицами, 17 рядовыми добровольцами, 5 – врачами и фельдшерицами, 122 – сестрами милосердия и 6 – не служили в армии. Не считая женщин и гражданских лиц, всего – 2325 офицеров и 1067 добровольцев. По возрасту – старше 40 лет было около 600 человек и около 3000 моложе.

За 80 дней похода (из которых 44 дня боев) армия прошла 1050 верст. Участникам похода пришлось претерпеть тяжелые лишения, справедливо создавшие первопоходникам тот ореол мученичества, которым они были окружены впоследствии. Именно эти люди стали ядром и душой Белого движения на Юге России, из их числа выдвинулись почти все видные командиры белых частей (первопоходниками были практически все командиры батальонов и полков и большинство командиров рот Добровольческой армии), многие из них дослужились до высоких чинов.

Русский писатель Иван Шмелев сказал о походе: «Этот подвиг – уход в ледяные степи, – определяемый условным человеческим временем – 9 февраля 1918 года, – имеет бессмертный смысл – ответ Голгофской Жертвы. Этот подвиг роднится с чудеснейшими мигами человеческого мира, когда на весах Совести и Любви взвешивались явления двух порядков: тленного и нетленного, рабства и свободы, бесчестия и чести. Этот подвиг – проявление высокого русского гражданства: в подвиге этом не было ни различия классов, ни возраста, ни пола, – все было равно, едино, все было – общая жертва жизнью. Ледяной поход длится. Он вечен, как бессмертная душа в людях, – негасимая лампада, теплящаяся Господним Светом».

Для участников похода был установлен знак в виде серебряного тернового венка, пересеченного снизу вверх направо серебряным мечом рукоятью вниз, носившийся на Георгиевской ленте с розеткой национальных цветов. В общей сложности им было награждено около 5 тысяч человек. Список награжденных в единственном экземпляре хранился до Второй мировой войны у секретаря Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода полковника К. Н. Николаева и пропал после занятия Югославии советскими войсками. Сохранилось лишь несколько неполных рукописных копий (включающих около 4 тысяч человек).

В настоящем издании собраны воспоминания участников 1-го Кубанского похода, в разное время публиковавшиеся в русской эмигрантской печати. Помещены как фрагменты из книг, так и журнальные и газетные публикации. Впервые делается попытка собрать их вместе, чтобы представить картину похода с разных сторон, и впервые они представлены с такой полнотой (хотя некоторые публикации оказались пока недоступны). Почти все эти воспоминания (за исключением мемуаров генералов А. И. Деникина и А. С. Лукомского, а также книг Р. Гуля и В. Ларионова) никогда в России не публиковались.

Материалы тома сгруппированы по разделам. В первом из них собраны материалы, посвященные походу в целом или отдельным его сторонам. В остальных – воспоминания лиц, служивших в тех или иных частях: в Офицерском, Корниловском, Партизанском полках, в кубанских частях, в артиллерии и в кавалерийских частях.

Как правило, все публикации приводятся полностью (сокращению подверглись только уже публиковавшиеся в России воспоминания). Из крупных трудов взяты только главы и разделы, непосредственно относящиеся к 1-му Кубанскому походу. Кроме того, из них исключались фрагменты, заимствованные авторами из тех источников, которые самостоятельно публикуются в настоящем издании. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Во всех случаях сохранялся текст оригиналов. Исправлены лишь явные ошибки и опечатки.

Поскольку в белой армии на Юге России вплоть до ее эвакуации из Крыма использовался старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому стилю.

С. В. Волков

Раздел 1

А. Деникин¹ Первый кубанский поход²

Мы уходили.

За нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города бесшабашным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. Там остались наши раненые, которых вытаскивали из лазаретов на улицу и убивали. Там брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя...

Мы начинали поход в условиях необычайных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю. Среди них два Верховных Главнокомандующих русской армией, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники... С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключавшим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу... Уходили от темной ночи и духовного рабства в неизвестные скитания...

За синей птицей.

Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят светоч, слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе, те, кто пока еще не проснулись...

В этом был весь глубокий смысл 1-го Кубанского похода. Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все – в области духа и творимого подвига. По привольным степям Дона и Кубани ходила Добровольческая армия – малая числом, оборванная, затравленная, окруженная – как символ гонимой России и русской государственности.

На всем необъятном просторе страны оставалось только одно место, где открыто развевался трехцветный национальный флаг, – это ставка Корнилова.

¹ Деникин Антон Иванович, р. 4 декабря 1872 в д. Шпеталь Дольный Варшавской губ. Сын майора. Окончил Ловичское реальное училище (1890), Киевское пехотное юнкерское училище (1892), академию Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта, с 29 августа 1917 г. под арестом в Быхове. После освобождения 19 ноября 1917 г. участник организации Добровольческой армии, в начале января 1918 г. командующий войсками Добровольческой армии, с 30 января 1918 г. начальник 1-й Добровольческой дивизии. В 1-м Кубанском походе – заместитель генерала Л. Г. Корнилова, которого 31 марта 1918 г. сменил на посту Главнокомандующего. 26 декабря 1918 г. – 22 марта 1920 г. Главнокомандующий ВСЮР. В эмиграции в апреле – августе 1920 г. в Англии, затем до мая 1922 г. в Бельгии, с июня 1922 г. в Венгрии, с весны 1926 г. во Франции (Париж, с мая 1940 г. дер. Мимизан), с 1945 г. в США. Умер 7 августа 1947 г. в Энн-Эрборе.

² Впервые опубликовано: А. И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Париж, 1922. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. В настоящем издании публикуются главы, посвященные 1-му Кубанскому походу.

* * *

Покружив по вымершему городу, мы остановились на сборном пункте – в казармах Ростовского полка³ (генерала Боровского⁴) – в ожидании подхода войск. Еще с утра Боровский предложил ростовской молодежи, кто желает, вернуться домой: впереди тяжелый поход и полная неизвестность. Некоторые ушли, но часть к вечеру вернулась: «Все соседи знают, что мы были в армии, товарищи или прислуга выдадут...»

Долго ждем сбора частей. Разговор не клеится. Каждый занят своими мыслями, не хочется думать и говорить о завтрашнем дне. И как-то странно даже слышать доносящиеся иногда обрывки фраз – таких обыденных, таких далеких от переживаемых минут...

Двинулись наконец окраиной города. По глубокому снегу. Проехало мимо несколько всадников. Один остановился. Доложил о движении конного дивизиона. Просит Корнилова сесть на его лошадь.

– Спасибо, не надо.

Из боковых улиц показываются редкие прохожие и, увидев силуэты людей с ружьями, тотчас же исчезают в ближайших воротах. Вышли в поле, пересекаем дорогу на Новочеркасск. На дороге безнадежно застрявший автомобиль генерала Богаевского⁵. С небольшим чемоданчиком в руках он присоединяется к колонне. Появилось несколько извозчичьих пролеток. С них нерешительно сходят офицеры, по-видимому задержавшиеся в городе. Подошли с опаской к колонне и, убедившись, что свои, облегченно вздохнули:

– Ну слава те Господи! Не знаете, где 2-й батальон?

Идем молча. Ночь звездная. Корнилов, как всегда, хмурый, с внешне холодным, строгим выражением лица, скрывающим внутреннее бурное горение, с печатью того присущего ему во всем – в фигуре, взгляде, речи – достоинства, которое не покидало его в самые тяжкие дни его жизни. Таким он был полковником и Верховным Главнокомандующим; в бою 48-й дивизии и в австрийском плену, на высочайшем приеме и в кругу своих друзей, в Могилевском дворце и в Быховской тюрьме. Казалось, не было такого положения, которое могло сломить или принизить его. Это впечатление невольно возбуждало к нему глубокое уважение среди окружающих и импонировало врагам.

Вышли на дорогу в Аксайскую станицу. Невдалеке от станицы встречается квартирьер:

– Казаки держат нейтралитет и отказываются дать ночлег войскам.

Корнилов нервничает:

– Иван Павлович! Поезжайте, поговорите с этими дураками.

³ Имеется в виду сформированный в Ростове Студенческий батальон – одна из первых частей Добровольческой армии. Создан в Ростове по инициативе группы офицеров-ростовчан, бывших студентов, прежде всего поручика Дончикова, и пополнен добровольцами, записавшимися в ростовском Бюро записи добровольцев. Окончательно сформирован в составе двух рот 8 января 1918 г. Насчитывал 280 человек при 25 офицерах (после 1-го Кубанского похода из его состава осталось в живых 30–40 человек). При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11–13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Особого Юнкерского батальона. Командир – генерал-майор А. А. Боровский, помощник-полковник Назимов, командиры рот – полковник Зотов и капитан Сасионков.

⁴ Боровский Александр Александрович, р. в 1875 г. Из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1896), академию Генштаба (1903). Генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., организатор и командир Студенческого батальона. С 12 февраля 1918 г. командир Юнкерского батальона, с марта 1918 г. командир Офицерского полка, с июня 1918 г. начальник 2-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 2-го армейского корпуса, с 24 декабря 1918 г. командир Крымско-Азовского корпуса, с 22 июля 1919 г. командующий войсками Закаспийской области, затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, уволен с 29 октября 1919 г. Генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). Весной 1920 г. покинул Крым. Умер в 1938 г.

⁵ Воспоминания А. П. Богаевского публикуются ниже.

Не стоит начинать поход усмирением казачьей станицы. Романовский⁶ повернул встречные сани, пригласил меня, поехали вперед. Долгие утомительные разговоры сначала со станичным атаманом (офицер), растерянным и робким человеком; потом со станичным сбором: тупые и наглые люди, бестолковые речи. После полуторачасовых убеждений Романовского согласились впустить войска с тем, что на следующее утро мы уйдем, не ведя боя у станицы. Думаю, что решающую роль в переговорах сыграл офицер-ординарец, который отвел в сторону наиболее строптивого казака и потихоньку сказал ему:

– Вы решайте поскорее, а то сейчас подойдет Корнилов – он шутить не любит: вас повесят, а станицу спалит.

Утомленные переживаниями дня и ночным походом, добровольцы быстро разобрались по станице. Все спит. У Аксая – переправа через Дон по льду. Лед подтаял и трескается. Явился тревожный вопрос: выдержит ли артиллерию и повозки?

Оставили в Аксайской арьергард для своего прикрытия и до окончания разгрузки вагонов с запасами, которые удалось вывезти из Ростова, благополучно переправились. По бесконечному гладкому снежному полю вилась темная лента. Пестрая, словно цыганский табор: ехали повозки, груженные наспех и ценными запасами, и всяким хламом; плелись какие-то штатские люди; женщины – в городских костюмах и в легкой обуви – вязли в снегу. А вперемежку шли небольшие, словно случайно затерянные среди табора войсковые колонны – все, что осталось от великой некогда русской армии... Шли мерно, стройно. Как они одеты! Офицерские шинели, штатские пальто, гимназические фуражки; в сапогах, валенках, опорках... Ничего – под нищенским покровом живая душа. В этом – все.

Вот проехал на тележке генерал Алексеев⁷. При нем небольшой чемодан; в чемодане и под мундирами нескольких офицеров его конвоя «деньгонош» – вся наша тощая казна, около шести миллионов рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами. Бывший Верховный сам лично собирает и распределяет крохи армейского содержания.

* * *

Остановились в станице Ольгинской, где уже ночевал отряд генерала Маркова, пробившийся мимо Батайска левым берегом Дона. Корнилов приступил к реорганизации Добровольческой армии, насчитывавшей всего около 4 тысяч бойцов, путем сведения многих мелких частей.

Состав армии получился следующий:

1-й Офицерский полк⁸, под командой генерала Маркова⁹ – из трех офицерских батальонов¹⁰, Кавказского дивизиона¹¹ и Морской роты¹².

⁶ Романовский Иван Павлович, р. в 1877 г. Из дворян, сын офицера. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1897), академию Генштаба (1903). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, 8 января 1919 г. – 24 марта 1920 г. начальник штаба Главнокомандующего ВСЮР. Генерал-лейтенант. В марта 1920 г. эвакуирован в Константинополь, где убит 5 апреля 1920 г.

⁷ Алексеев Михаил Васильевич, р. в 1857 г., сын солдата сверхсрочной службы. Окончил Тверскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1876), академию Генштаба (1890). Генерал от инфантерии. С 1 апреля 1917 г. Верховный Главнокомандующий, с 30 августа до 11 сентября 1917 г. начальник штаба при главкомверхе А. Ф. Керенском. Основоположник Добровольческой армии; с декабря 1917 г. член триумвирата Донского гражданского совета, с 18 августа 1918 г. Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

⁸ Этот полк (1-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. – 1-й генерала Маркова пехотный полк) стал родоначальником так называемых Марковских частей. Сформирован 12 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 1-го, 2-го и 3-го Офицерских батальонов, Ударного дивизиона Кавказской кавалерийской дивизии, части 3-й Киевской школы прапорщиков, Ростовской офицерской и Морской рот как Сводно-Офицерский полк. Первоначально состоял из 4 рот и команды связи и подрывников при 13 пулеметах. В середине

Юнкерский батальон, под командой генерала Боровского, – из прежнего Юнкерского батальона¹³ и Ростовского полка.

марта 1918 г. в полк вторым батальоном влит Особый Юнкерский батальон (5-я и 6-я роты). С середины марта 1918 г. входил в состав 1-й бригады. Части, вошедшие в состав полка, практически полностью состоявшие из офицеров, начали 1-й Кубанский поход в составе около 1320 человек (в т. ч. Сводно-Офицерский полк около 800), под Екатеринодаром – 800, после штурма – 400 человек (по 40–100 в роте), на 13 апреля – до 600, в мае – около 500. Во время похода в полк было влито несколько сот кубанцев, и он перестал быть чисто офицерским. С начала июня 1918 г. получил наименование 1-й офицерский полк и вошел в состав 1-й пехотной дивизии. Переформирован в 9 рот (3 батальона), из которых 5-я состояла из учащейся молодежи, 6-я – из чинов гвардии, а 7-я, 8-я и 9-я были чисто офицерскими и более многочисленными (по 200 человек против 150 в других). С 13 июня 1918 г. именовался 1-й офицерский генерала Маркова полк. В августе 1918 г. из полка (ок. 800 человек) были выделены на формирование своих частей гвардейцы, grenадеры, моряки, поляки (в Польский отряд), офицеры для пластунских батальонов, 100 человек в особую роту при Ставке – всего до 400 человек. После пополнения насчитывал свыше 3000 человек. Переформирован в 3 батальона по 4 роты (по более 200 штыков, в т. ч. 7-я и 9-я чисто офицерские по 250 штыков). В конце октября, после боев у Армавира в полку было 1500 штыков (по 40–120 в роте), столько же – в середине ноября (роты по 100 штыков, офицерские – свыше 200), в конце месяца – 2000. В середине января 1919 г. в полку было до 800 штыков (по 50–80 в роте, в офицерских – по 150), в конце месяца – до 1500, в начале апреля – до 550 (по 10–35 в роте). В это время офицерские роты наполовину состояли из солдат. На 1 октября 1919 г. в полку было около 3000 человек, на 5 октября 1919 г. его боевой состав насчитывал 882 штыков при 20 пулеметах, в середине октября – около 1200 штыков. С 14 октября 1919 г. входил 1-м полком в состав Марковской (Офицерской генерала Маркова) дивизии. На 12 декабря 1919 г. имел 800 штыков и 60–100 сабель в конной сотне, в конце декабря осталось около 300 (в ротах по 4–6 человек). В середине марта 1920 г. в Крыму насчитывал около 450 штыков при 15 пулеметах (3 батальона по 3–4 роты), в начале октября в ротах было по 30–40 человек при 4–5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, полк насчитывал 400 штыков. Полк вынес на себе основную тяжесть боев, особенно в 1918 г., и провел через свои ряды десятки тысяч людей. Только одна из рот (7-я офицерская) за год существования к июню 1919 г. пропустила через свои ряды около 600 офицеров, 70 кубанских казаков и до 200 солдат. За это время она потеряла убитыми около 120 (20 % потерь), ранеными по 2 и более раз – до 300, по 1 разу – около 160, пропавшими 5–6 офицеров, 30 остались полными инвалидами, и только один офицер ни разу не был ранен (22–23 офицера воевало в ней с первого дня). Потери полка часто были весьма значительными. Части, вошедшие в состав Марковского полка, практически полностью состоявшие из офицеров, еще до 1-го Кубанского похода потеряли около 600 человек (уже под Кизитеринкой погибло около 20 офицеров, а всего при взятии Ростова в конце ноября 1917 г. выбыло около 150, в т. ч. до 40 убитых). В 1-м Кубанском походе под Выселками и Кореновской марковцы потеряли до 200 человек при 45 убитых, под Екатеринодаром – около 350 (около 80 убитыми и до 50 пропавшими), то есть 50 % состава, у ст. Медведовской – до 75 (15 убито), у Лежанки – 20 апреля – до 50 и 21-го – более 100 (15 убито), у Сосыки – около 100 человек, всего за поход – около 1175 человек (из которых около 300 убитыми и до 80 пропавшими). Во 2-м Кубанском походе 25 июня 1918 г. у Кагальницкой полк потерял 400 человек, в т. ч. около 80 убитых (по другим данным – 317, в т. ч. 31 убит), причем почти все потери пришлось на три чисто офицерские роты – 305 человек (около 65 убитых), 6 июля под Екатериновской – до 350 (в т. ч. 150 – офицерские роты), а всего за неделю – до 500. В боях под Армавиrom: 13 сентября – около 350, 14-го – до 250, 19-го – свыше 150 (из них 7-я офицерская рота до 100 при 24 убитых), 2 октября – свыше 200, 13-го – свыше 300, а всего до 2000. В начале ноября под Ставрополем – до 500, в зимних боях в Ставропольской губ. – 2200 человек. За весь же 1918 г. (не считая потери до 1-го Кубанского похода) марковские части потеряли более 10 тысяч человек. В Донбассе с начала 1919 г. за четыре месяца боев до начала мая полк потерял еще до 2000. Тяжелые потери нес он и в дальнейшем. Для чинов полка в эмиграции был установлен нагрудный знак в виде черного мальтийского креста с белой узкой каймой, в центре – черный прямоугольник с пересекающимися по диагонали линиями, окруженный серебряным терновым венком; на концах креста даты: «12», «фев», «19», «18». Командиры: генерал-лейтенант С. Л. Марков (12 февраля – середина марта 1918 г.), генерал-майор А. А. Боровский (середина марта – 20 апреля 1918 г.), полковник Н. Н. Дорошевич (20–21 апреля 1918 г.), полковник князь И. К. Хованский (21–27 апреля 1918 г.), полковник Н. С. Тимановский (27 апреля – октябрь 1918 г.), генерал-майор Н. Н. Хомаковский (октябрь 1918 г.), полковник Наркевич (врио, октябрь – 19 ноября 1918 г.), полковник В. И. Гейдеман (19–27 ноября 1918 г.), полковник А. Н. Сальников (27 ноября 1918 г. – март 1919 г.), полковник А. Н. Блейш (март 1919 г. – середина февраля 1920 г.), полковник Трусков (врио, март 1919 г.), полковник И. П. Докукин (врио, 14–21 ноября 1919 г.), полковник Д. А. Слоновский (врио, 21 ноября – 18 декабря 1919 г.), капитан (полковник) Д. А. Марченко (22 декабря 1919 г. – начало октября и с 21 октября 1920 г.), подполковник Г. А. Лебедев (октябрь 1920 г.; убит), капитан В. Коломацкий (врио, октябрь 1920 г.).

⁹ Марков Сергей Леонидович, р. в 1878 г. Из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1898), академию Генштаба (1904), Генерал-лейтенант, начальник штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с 24 декабря 1917 г., начальник штаба командующего войсками Добровольческой армии, с января 1918 г. начальник штаба 1-й Добровольческой дивизии, с 12 февраля 1918 г. командир Офицерского полка, с апреля 1918 г. командир 1-й отдельной пехотной бригады, с июня 1918 г. начальник 1-й пехотной дивизии. Убит 12 июня 1918 г. у ст. Шаблиевка.

¹⁰ Имеются в виду следующие части: 1-й Офицерский батальон. Развернут 15 декабря 1917 г. в Новочеркасске из 1-й Офицерской роты, созданной в начале декабря из кадра расформированной Сводно-Офицерской роты как 5-я Офицерская рота (13 декабря переименована в 1-ю). 19 января 1918 г. после боя у ст. Гуково из 2-й роты батальона от 35 человек осталось 7. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11–13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Сводно-Офицерского полка. Насчитывал 200 человек. Командир – подполковник Борисов. 2-й Офицерский батальон. Развернут в Ростове из переведенной из Новочеркасска 2-й Офицерской роты, созданной в начале декабря 1917 г. из кадра расформированной Сводно-Офицерской роты. В конце декабря 1917 г. переведена в Ростов и пополнена добровольцами, записавшимися в Бюро

Корниловский ударный полк¹⁴, под командой подполковника Неженцева¹⁵. В полк влиты части бывшего Георгиевского полка¹⁶ и партизанского отряда¹⁷ полковника Симановского¹⁸.

записи добровольцев в Ростове. Часть его состава (2 роты) тогда же выделена в Отряд полковника Кутепова, а 29 января 1918 г. влита в 3-й Офицерский батальон. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11–13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Сводно-Офицерского полка. Насчитывал около 240 человек. Командир – полк. Лаврентьев. 3-й Офицерский батальон. Сформирован в Ростове 29 января 1918 г. из офицерских рот, входивших в Отряд полковника Кутепова под Таганрогом (1-я и 2-я из 2-го Офицерского батальона и 3-й (Гвардейской)). При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11–13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Сводно-Офицерского полка. Насчитывал около 200 человек. Командир – полк. А. П. Кутепов.

¹¹ Имеется в виду Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии. Представлял собой регулярную часть, прибывшую в декабре 1917 г. в составе 80 человек с Кавказского фронта. В январе 1918 г. насчитывал около 120 человек. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11–13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Сводно-Офицерского полка.

¹² Морская рота. Одна из первых частей Добровольческой армии, созданных в Новочеркасске. Сформирована в начале декабря 1917 г. из добровольцев флота в числе около 50 человек (преимущественно офицеров: среди 25 ее чинов, о ком сохранились сведения, 1 капитан 2-го ранга, 4 старших лейтенанта, 7 лейтенантов, 7 мичманов, 4 гардемарина и кадета). В конце декабря переведена в Ростов и пополнена добровольцами, записавшимися в Бюро записи добровольцев в Ростове. Насчитывала 70 человек. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11–13 февраля в ст. Ольгинской вошла в состав Сводно-Офицерского полка.

¹³ Юнкерский батальон – одна из первых частей Добровольческой армии, созданных в Новочеркасске. 15 ноября 1917 г. юнкера, кадеты и учащиеся были выделены из Сводно-Офицерской роты в Юнкерскую роту (штабс-капитан В. Д. Парфенов) и переведены в лазарет № 23 на Грушевскую ул. 1-й взвод состоял из юнкеров пехотных училищ (главным образом Павловского), 2-й – артиллерийских, 3-й – морских и 4-й – из кадет и учащихся. 19 ноября, по прибытии большой партии юнкеров-артиллеристов, 2-й взвод был развернут в отдельную часть – Сводную Михайловско-Константиновскую батарею, а сама рота развернулась в батальон (две юнкерские и «кадетская» роты). Во второй половине ноября насчитывал свыше 150 человек. В начале декабря сведен в двухротный состав («юнкерская» и «кадетская»). Ко времени выступления в 1-й Кубанский поход насчитывал 120 человек. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11–13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Особого юнкерского батальона.

¹⁴ Корниловский ударный полк был создан приказом по 8-й армии (генерала Л. Г. Корнилова) 19 мая 1917 г. из добровольцев как 1-й Ударный отряд, 1 августа преобразован в полк (4 батальона). В августе 1917 г. переименован в Славянский ударный полк и включен в состав Чехословацкого корпуса. Принимал участие в октябрьских боях с большевиками в Киеве. После захвата власти большевиками члены полка группами пробрались в Добровольческую армию. Основной эшелон полка прибыл в Новочеркасск 19 декабря 1917 г., а к 1 января 1918 г. собралось 50 офицеров и до 500 солдат. На Таганрогском направлении сражалась сводная рота полка (128 штыков при 4 пулеметах), 30 января 1918 г. смененная офицерской ротой (120 человек). 11–13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода в полк были влиты Георгиевская рота и Офицерский отряд полковника Симановского. При выступлении насчитывал 1220 человек (в т. ч. 100 человек Георгиевской роты), треть его составляли офицеры. С середины марта 1918 г. входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. – 2-й пехотной дивизии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 января 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии. На 1 января 1919 г. насчитывал 1500 человек, в сентябре 1919 г. – 2900 при 120 пулеметах (3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи). На 5 октября 1919 г. имел 945 штыков при 26 пулеметах. С 12 июля 1919 г. – 1-й Корниловский ударный полк; с формированием 14 октября 1919 г. Корниловской дивизии вошел в нее тем же номером. Полк нес большие потери. Оборона Ростова в феврале 1918 г. стоила полку 100 человек. Из 18 человек командного состава (до командиров рот), вышедших в 1-й Кубанский поход, за войну погибло 13. В начале штурма Екатеринодара полк имел 1000 штыков и пополнился во время боя 650 кубанцами, после штурма осталось 67 (потери 1583 человека). Всего за поход он потерял 2229 человек (теряя в отдельных боях от 6 до 60 человек, в двух наиболее крупных – под Кореновской и переходе через р. Белую – 150 и 200). За 2-й Кубанский поход трижды сменил состав, с начала его до 1 ноября 1918 г. он потерял 2693 человека. Летом 1919 г. на базе полка образована Корниловская ударная дивизия. Для чинов корниловских частей установлен серебряный штампованный жетон (копия голубой нарукавной нашивки, носившейся на левом рукаве у плеча) – формы гербового щита, в середине которого – череп со скрещенными костями, над ним – дуговая надпись «корниловцы», внизу – скрещенные мечи рукоятью вниз, между рукоятями – пылающая граната и ниже даты «1917 г. – 18». Нагрудный знак представлял собой черный равносторонний крест с белой каймой, наложенный на серебряный терновый венец, под которым – серебряный с золотой рукоятью меч (слева снизу вверх, рукоятью вниз), в центре – голубой щит, подобный жетону, но мечи опущены вниз и дата отсутствует (все изображения – золоченые). После эвакуации Русской Армии из Крыма в Галлиполи в составе 1-го армейского корпуса из полков и конного дивизиона Корниловской дивизии был вновь сформирован Корниловский ударный полк, который после преобразования армии в РОВС до 30-х гг. представлял собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадррованную часть. Осенью 1925 г. насчитывал 1135 человек, в т. ч. 738 офицеров.

¹⁵ Неженцев Митрофан Осипович, р. в 1886 г. Сын коллежского асессора. Окончил Николаевскую гимназию, Александровское военное училище (1908), академию Генштаба (1914). Подполковник, командир 1-го ударного (Корниловского) полка. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. 19 декабря 1917 г. привел в Новочеркасск остатки полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода во главе Корниловского полка. Полковник. Убит 30 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

¹⁶ Имеется в виду Георгиевская рота. Одна из первых частей Добровольческой армии, созданных в Новочеркасске. Фор-

Партизанский полк¹⁹, под командой генерала Богаевского, – из пеших донских партизанских отрядов.

Артиллерийский дивизион, под командой полковника Икишева²⁰, – из четырех батарей по два орудия. Командиры: Миончинский²¹, Шмидт²², Ерогин²³, Третьяков²⁴.

мировалась с середины ноября 1917 г. из кадра бывшего Георгиевского полка (сформированного из Георгиевских кавалеров), насчитывая тогда 50–60 человек. С начала декабря при формировании 5 офицерских рот получила номер 1-й, с 13 декабря – снова Георгиевская. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11–13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошла в состав Корниловского ударного полка. Командир – полковник И. К. Кириенко.

¹⁷ Имеется в виду Офицерский отряд полковника Симановского – одна из первых частей Добровольческой армии. Сформирован в декабре 1917 г. в Ростове полковником В. Л. Симановским из офицеров-добровольцев. Представлял собой батальон 4-ротного состава имени генерала Корнилова. В январе – феврале 1918 г. участвовал в боях при отходе Отряда полковника Кутепова от Таганрога к Ростову. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11–13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Корниловского ударного полка.

¹⁸ Симановский Василий Лаврович, р. в Полтаве. Георгиевский кавалер. Полковник, командир 467-го пехотного полка. В Добровольческой армии в декабре 1917 г. командир офицерского отряда своего имени, затем 3-го офицерского батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода – командир батальона Корниловского полка. Убит бандитами в г. Кобеляки в конце 1918 г.

¹⁹ Этот полк в дальнейшем был известен как Алексеевский полк (в сентябре – ноябре 1918 г. Партизанский пеший казачий полк, с 27 ноября 1918 г. – Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с 10 октября 1919 г. 1-й Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с апреля 1920 г. Партизанский генерала Алексева пехотный полк). Сформирован 11–13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 3 пеших сотен – бывшие партизанские отряды полковника Краснянского, есаула Лазарева и полковника Чернецова (главным образом из донских партизан – учащейся молодежи), в полк был влит также отряд киевских юнкеров во главе с полковником Дедурой. С середины марта 1918 г., пополненный батальоном Кубанского стрелкового полка (образовавшим 2-й батальон), входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. – 2-й пехотной дивизии. Под Екатеринодаром насчитывал 800 человек, после штурма – 300, в начале 2-го Кубанского похода в июне 1918 г. – 600 (2 батальона, 6 сотен). 25 сентября 1918 г. получил имя генерала Алексева. Летом 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 1 сентября 1919 г. – 9-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. – Алексеевской (Партизанской генерала Алексева) дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1118 штыков при 28 пулеметах. 10 октября 1919 г. из него был выделен 2-й Алексеевский полк. Участвовал в десанте в начале апреля 1920 г. у Геническа. 16 апреля 1920 г. сведен в батальон и влит в 52-й пехотный Виленский полк, 14 июня восстановлен и в августе участвовал в десанте на Кубань. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 1-й бригады 7-й пехотной дивизии. Под Екатеринодаром полк потерял 500 человек, 2–3 июля у Песчанокоской – около 300, под Ставрополем только в 1-м (офицерском) батальоне осталось из около 600 лишь 30 человек. Понес также огромные потери в десанте у Геническа. Гренадерский батальон полка целиком погиб 2 августа 1920 г. при десанте на Кубань (убито и зарублено в плену более 100 человек). При отходе в Крым у с. Богдановка 15 октября 1920 г. полностью погибли все обозы, лазарет и нестроевые команды полка, а из полка осталось не больше роты. В Галлиполи в Алексеевский пехотный полк были сведены все остатки пехотных частей, кроме «цветных» и гвардейских, коренные алексеевцы составили 1-ю роту. Для чинов полка 22 декабря 1939 г. установлен нагрудный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, разделенный по горизонтали на белую (верхняя) и голубую части, в центре – золоченая буква «А» славянской вязи, внизу – дата «1917 г.». Командиры: генерал-лейтенант А. П. Богаевский (12 февраля – середина марта 1918 г.), генерал-лейтенант Б. Н. Казанович (середина марта – начало июня 1918 г.), полковник (генерал-майор) П. К. Писарев (начало июня – 15 декабря 1918 г.), полковник Е. Ф. Емельянов (врио, октябрь 1918 г.), полковник князь А. А. Гагарин (с 17 января 1919 г.), капитан (полковник) П. Г. Бузун (лето 1919 г. – ноябрь 1920 г.).

²⁰ Икишев Сергей Михеевич, р. в 1874 г. Сын коллежского асессора. Полковник 22-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 12 февраля 1918 г. командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона, летом 1919 г. заместитель начальника 6-й пехотной (затем Сводно-гренадерской) дивизии, затем командир Сводно-гренадерской артиллерийской бригады, с 15 апреля 1920 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. С апреля 1922 г. в Болгарии. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского артдивизиона в Югославии.

²¹ Миончинский Дмитрий Тимофеевич, р. 26 октября 1889 г. в Казани. Из дворян, сын генерала. Окончил Нижегородский кадетский корпус (1906), Михайловское артиллерийское училище (1909). Георгиевский кавалер. Подполковник, командир батареи 31-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с 12 декабря 1917 г.; с 14 декабря командир Юнкерской батареи, участник похода отряда Чернецова. С 12 марта 1918 г. командир Юнкерской батареи 1-го легкого добровольческого артиллерийского дивизиона, с марта 1918 г. командир 1-й отдельной легкой батареи, с 10 июля 1918 г. командир 1-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона. Полковник. Убит 16 декабря 1918 г. у с. Шишкино Ставропольской губ.

²² Имеется в виду подполковник Евгений Владимирович Шмидт. В 1-м Кубанском походе – командир 2-й отдельной батареи. Полковник. Умер 12 ноября 1952 г. в Зальцбурге (Австрия).

²³ Ерогин Лев Михайлович, сын капитана. Окончил 2-й кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1904). Подполковник, командир батареи 18-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1917 г. – январе 1918 г. командир 3-й батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В 1918 г. переименован в полковники (утвержден 6 ноября 1919 г.). Командир 2-й артиллерийской бригады, с 16 октября 1919 г. – Корниловской артиллерийской бригады; в Русской Армии на той же должности до эвакуации Крыма, с 27 октября 1920 г.

Чехословацкий инженерный батальон²⁵, под управлением штатского инженера Краля и под командой капитана Немецкого²⁶.

Конные отряды (донские партизанские отряды Краснянского²⁷, Бокова²⁸, Лазарева²⁹ и др. присоединились к нам в Ольгинской. – А. Д.):

- а) полковника Глазенапа³⁰ – из донских партизанских отрядов;
- б) полковника Гершельмана³¹ – регулярный;
- в) подполковника Корнилова³² – из бывших частей Чернецова.

Сведение частей вызвало много обиженных самолюбий смещенных начальников и на этой почве некоторое неудовольствие в частях. Приглашает меня к себе Алексеев и взволнованно говорит:

– Я не ручаюсь, что сегодня не произойдет бой между юнкерами и студентами (Ростовский полк назывался еще в начале формирования Студенческим, хотя студентов в нем было

начальник Корниловской дивизии. Галлиполиец. В апреле 1922 г., осенью 1925 г. командир Корниловского артдивизиона в Болгарии. В эмиграции в Польше, начальник отдела РОВС. Умер в 1943 г. в Варшаве.

²⁴ Третьяков Александр Николаевич р. в 1877 г. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Михайловскую артиллерийскую академию. Полковник, командир дивизиона л. – гв. Стрелковой артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 2 января 1918 г.; командир 3-й батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 марта 1918 г. командир 4-й батареи, с марта 1918 г. при штабе генерала Маркова, затем командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона, с 4 апреля 1919 г. командир 1-й артиллерийской бригады, с июня 1919 г. командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии, с июня 1919 г. начальник Алексеевской дивизии, с 16 октября 1919 г. Командир Алексеевской бригады. С 26 марта 1920 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-майор (1918 г.). Застрелен 14 октября 1920 г. у с. Днепровка.

²⁵ Чехословацкий инженерный батальон насчитывал до 250 человек. В его состав входил Русско-Галицкий взвод или рота. Расформирован летом 1918 г.

²⁶ Немецек Иван Францевич, р. в 1872 г. Капитан, помощник командира 8-го Чехословацкого легиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Полковник. Возглавлял отдел Союза Первопоходников в Праге. Полковник чехословацкой армии. Умер 6 ноября 1931 в Вимперке (Чехословакия).

²⁷ Краснянский Тихон Петрович, р. 19 июня 1876 г. в ст. Аксайской Области Войска Донского. Из казаков ст. Гундоровской. Окончил Новочеркасское военное училище (1896). Офицер с 1898 г. Полковник, командир 46-го Донского казачьего полка. В 1917 г. состоял в распоряжении Донского атамана, в декабре 1917 г. в донском партизанском отряде. В 1-м Кубанском походе командир 1-й сотни Партизанского полка. Убит 3 марта 1918 г. под ст. Выселки.

²⁸ Есаул Боков (16-го или 17-го Донского казачьего полка) в декабре 1917 г. был в партизанском отряде полковника Семилетова (в январе 1918 г. командир сотни), в феврале 1918 г. формировал добровольческий отряд в Новочеркаске. В 1-м Кубанском походе командир Баклановской сотни 1-го конного дивизиона.

²⁹ Лазарев Роман Григорьевич. Окончил Новочеркасское военное училище (1913). Есаул. В январе 1918 г. заместитель командира партизанского отряда Чернецова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Полковник (31 января 1919 г.), весной 1920 г. в Донском офицерском резерве. Расстрелян в 1920 г. в Крыму.

³⁰ Глазенап Петр Владимирович, р. 3 марта 1882 г. в Гжатске. Из дворян, сын офицера. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1903). Полковник, командир особого ударного отряда. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир кавалерийского дивизиона, с 25 марта 1918 г. командир 1-го офицерского конного полка, с июня 1918 г. командир Кубанской отдельной бригады, с 9 октября 1918 г. начальник 4-й дивизии, затем ставропольский военный губернатор, с 23 марта 1919 г. начальник Сводно-Горской конной дивизии, с 27 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР (отчислен с 8 октября 1919 г.). Генерал-майор (с 12 ноября 1918 г.). С лета 1919 г. в Северо-Западной армии; генерал-губернатор Северо-Западной области, помощник командующего, 23 ноября 1919 г. – 22 января 1920 г. командующий Северо-Западной армией. Генерал-лейтенант. Весной 1920 г. формировал 3-ю Русскую Армию в Польше и до августа 1920 г. командовал ею. В эмиграции в Будапеште, с 1922 г. в Германии, с 1925 г. в Данциге, с 1939 г. в Варшаве. С 1946 г. организатор и председатель Союза Андреевского флага. Умер 27 мая 1951 г. в Мюнхене (Германия).

³¹ Гершельман Василий Сергеевич. Полковник л. – гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Организатор и командир (18 декабря 1917 г. – 26 марта 1918 г.) 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в резерве чинов, с августа 1918 г. командир Запасного кавалерийского полка. В конце 1918 г. прислан в Крым для формирования Сводно-гвардейского кавалерийского дивизиона, командир его. Убит 20 февраля (6 марта) 1919 г. в Аскания-Нова.

³² Корнилов Аркадий Афанасьевич. Подполковник 17-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. С января 1918 г. в Донском партизанском отряде Чернецова, с 12 февраля 1918 г. командир конного отряда своего имени, сформированного из чернецовских партизан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с марта 1918 г. в 1-м конном полку. Полковник. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции во Франции. Умер 13 июня (10 июля) 1967 г. в Париже.

очень мало. – А. Д.). Юнкера считают их «социалистами»... Как можно было сливать такие несхожие по характеру части?

– Ничего, Михаил Васильевич. Все обойдется. Волнуется больше П. (П.³³ – бывший командир Юнкерского батальона. – А. Д.), чем батальон.

Спешно комплектовали конницу и обоз, покупая лошадей с большим трудом и за баснословную цену у казаков. Патронов было очень мало, снарядов не более 600–700. Для этого рода снабжения у нас оставался только один способ – брать с боя у большевиков ценою крови.

В Ольгинской разрешился наконец вопрос о дальнейшем плане нашего движения.

Корнилов склонен был двигаться в район зимовников (зимовник – усадьба – становище донских табунов. – А. Д.), в Сальский округ Донской области. Некоторые предварительные распоряжения были уже сделаны. Обеспокоенный этим, генерал Алексеев 12 февраля писал Корнилову: «Из разговоров с генералом Эльснером³⁴ и Романовским я понял, что принят план ухода отряда в зимовники, к северо-западу от станицы Великокняжеской. Считаю, что при таком решении невозможно не только продолжение нашей работы, но даже при надобности и относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасение доверивших нам свою судьбу людей. В зимовниках отряд будет очень скоро сжат с одной стороны распутившейся рекой Доном, а с другой – железной дорогой Царицын – Торговая – Тихорецкая – Батайск, причем все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать пополнения людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от общего хода событий в России.

Так как подобное решение выходит из плоскости чисто военной, а также потому, что предварительно начала какой-либо военной операции необходимо теперь же разрешить вопрос о дальнейшем существовании нашей организации и направлении ее деятельности – прошу Вас сегодня же созвать совещание из лиц, стоящих во главе организации, с их ближайшими помощниками».

На военном совете, собранном в тот же вечер, мнения разделились. Одни настаивали на движении к Екатеринодару, другие, в том числе Корнилов, склонялись к походу в зимовники.

Принято было решение идти на Кубань. Однако на другой день вечером обстановка изменилась: к командующему приехал походный атаман генерал Попов³⁵ и его начальник штаба,

³³ Имеется в виду Парфенов Василий Дмитриевич, р. в 1892 г. Из дворян. С 1914 доброволец. Произведен в офицеры за боевое отличие. Штабс-капитан л. – гв. Измайловского полка. С октября 1917 г. член тайной монархической организации. В Добровольческой армии с 4 ноября 1917 г., командир 1-й Сводно-Офицерской роты – первой части армии, с 15 ноября – в Юнкерском батальоне, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С мая 1918 г. в Астраханской армии, в начале 1919 г. снова в Добровольческой армии в Сводно-гвардейском полку, в мае 1919 г. капитан, начальник команды конных разведчиков 3-го батальона того же полка. Летом 1920 г. полковник, назначен командиром пехотного полка, но был убит по дороге к месту назначения.

³⁴ Эльснер Евгений Феликсович, р. в 1870 г. Из дворян. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1888), академию Генштаба (1895). Генерал-лейтенант, главный начальник снабжения Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., с января 1918 г. начальник снабжения армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник обоза, с лета 1918 г. по март 1919 г. представитель Добровольческой армии при атамане Всевеликого Войска Донского, в начале 1920 г. выехал в Югославию. 23 ноября 1921 г. – 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса, затем Первого русского кадетского корпуса. Умер 5 июля 1930 г. в Белой Церкви (Югославия).

³⁵ Попов Петр Харитонович, р. 10 января 1867 г. в ст. Казанской. Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Окончил Новочеркасскую гимназию, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1891), академию Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник Новочеркасского военного училища. С 30 января 1918 г. походный атаман Донского казачьего войска, возглавил Степной поход в Сальские степи, с 5 мая 1918 г. генерал-лейтенант, с 6 мая 1918 г. в отставке. В 1919 г. возглавлял Донское правительство, с конца 1919 г. – представитель Донского атамана в Новороссийске и за границей, в 1920 г. генерал для поручений при Донском атамане. Генерал от кавалерии. Эвакуирован из Новороссийска. Вышел в отставку 24 июня 1920 г., с 16 марта 1921 г. представитель атамана в Болгарии, с 4 ноября 1921 г. и. о. помощника Донского атамана. В эмиграции в Болгарии, Франции, с 1928 г. в США. В 1938 г. частью казачества избран Донским атаманом (наряду с графом Граббе), с 1938 г. снова в Европе (во Франции, Чехословакии, Болгарии, Югославии), после 1945 г. – в США. Умер 6 октября

полковник Сидорин³⁶. В донском отряде у них было 1500 бойцов, 5 орудий, 40 пулеметов. Они убедили Корнилова идти в зимовники. Наш конный авангард, стоящий у Кагальницкой, получил распоряжение свернуть на восток... Поднявшись с постели, я пошел в штаб отвести душу. Безрезультатно. Некоторое колебание, однако, посеяно: решили собрать дополнительные сведения о районе. В Ольгинской – прилив и отлив. Присоединилось несколько казачьих партизанских отрядов, прибывают офицеры, вырвавшиеся из Ростова, раненные добровольцы, бежавшие из новочеркасских лазаретов. Притворяются здоровыми, боясь, что их не возьмут в поход.

Приехал из Новочеркасска генерал Лукомский³⁷. Накануне нашего выступления из Ольгинской он вместе с генералом Ронжиным³⁸ (впоследствии главный военный прокурор Вооруженных Сил на Юге России. – А. Д.), переодетые в штатское платье, поехали в бричке прямым путем на Екатеринодар для установления связи с Кубанским атаманом и добровольческими отрядами. Но в селе Гуляй-Борисовка они были пойманы большевиками, томились под арестом и едва спаслись от расстрела.

Уехал полковник Лебедев³⁹ с небольшим отрядом «особого назначения», состоявшим при генерале Алексееве. Ему было поручено связаться с Заволжьем и Сибирью. Лебедев впоследствии пробрался в Сибирь и стал начальником штаба у адмирала Колчака; часть его спутников, по советским сообщениям, попала в тюрьмы Поволжья. Уехали вовсе, по личным побуждениям, несколько офицеров, в том числе Генерального штаба генерал Складовский и капитан Роженко⁴⁰ (быховец). Оба они в Великокняжеской были убиты большевиками исключительно за «буржуйный» вид, и тела их бросили в колодезь...

* * *

Мы шли медленно, останавливаясь на дневках в каждой станице. От Ольгинской до Егорлыцкой 88 верст – шли 6 дней. Сколачивали части, заводили обоз. При условии направления в зимовники такая медленность была вполне понятна.

1960 г. в Нью-Йорке.

³⁶ Сидорин Владимир Ильич, р. 3 февраля 1882 г. Из дворян Области Войска Донского ст. Есауловской, сын офицера. Окончил Донской кадетский корпус (1900), Николаевское инженерное училище (1902), академию Генштаба (1910). Полковник, начальник штаба корпуса. С осени 1917 г. на Дону, участник взятия Ростова, начальник полевого штаба атамана Каледина. В декабре 1917 г. – январе 1918 г. начальник штаба Северного фронта донских войск, в январе 1918 г. начальник штаба походного атамана, участник Степного похода. С 12 апреля по 9 мая 1918 г. начальник штаба Донской армии, генерал-майор (с 5 мая 1918 г.). С 12 мая 1918 г. в отставке. С 2 февраля 1919 г. командующий Донской армией, с 27 марта 1920 г. командир Донского корпуса. Генерал-лейтенант (с 2 февраля 1919 г.). Вышел в отставку 5 апреля 1920 г. В эмиграции в Болгарии, Югославии и Чехословакии. Умер 20 мая 1943 г. в Берлине.

³⁷ Воспоминания А. С. Лукомского публикуются ниже.

³⁸ Ронжин Иван Александрович, р. в 1867 г. Окончил Сибирский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1886), Военно-юридическую академию (1893). Генерал-лейтенант, член Главного военно-морского суда. В Добровольческой армии; в декабре 1917 г. – марте 1918 г. начальник судной части штаба армии, с 24 октября 1918 г. начальник судного отделения общей части Военного и Морского отдела, 1919 г. – 1920 г. Главный военный прокурор ВСЮР. С 1921 г. военный агент в Болгарии. Умер в 1928 г.

³⁹ Лебедев Дмитрий Антонович, р. в 1883 г. Окончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1903), академию Генштаба (1911). Генштаба полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., затем направлен в Сибирь. С 21 ноября 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего. Генерал-майор (1918 г.). В январе 1919 г. командир Степной группы. 23 мая – 12 августа 1919 г. начальник штаба ВГК и военный министр. 9 августа – 16 ноября 1919 г. командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 ноября 1919 г. командующий Уральской группой войск. В октябре 1922 г. начальник вооруженных сил Владивостока. Генерал-лейтенант. Умер в 1928 г. в Шанхае.

⁴⁰ Роженко Владимир Ефремович, р. в 1887 г. Из крестьян. Окончил 5-ю Санкт-Петербургскую гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1909), академию Генштаба (1914). Капитан, и. д. младшего штаб-офицера для делопроизводства и поручений особого делопроизводства управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем, член Главного комитета Союза офицеров. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Убит около ст. Великокняжеской 22 марта 1918 г.

У Хомутовской Корнилов пропускал в первый раз колонну. Как всегда – у молодых горели глаза, старики подтягивались при виде сумрачной фигуры командующего. С колонной много небоевого элемента, в том числе два брата Сувориных (А. и Б.), Н. Н. Львов, Л. В. Половцев⁴¹, Л. Н. Новосильцев⁴², генерал Кисляков⁴³, Н. П. Щетинина, два профессора Донского политехнического института и др. Члены нашего «Совета» не пошли: и Корнилов, и я в самой решительной форме отсоветовали им идти с нами в поход, который представлялся чреватый всякими неожиданностями и в котором каждый лишний человек, каждая лишняя повозка – в тягость.

Два перехода шли по невылазной грязи, в которой некоторые добровольцы буквально оставили обувь и продолжали путь босыми...

* * *

В селении Лежанка нам преградил путь большевистский отряд с артиллерией.

Был ясный слегка морозный день. Офицерский полк шел в авангарде. Старые и молодые, полковники на взводах. Никогда еще не было такой армии. Впереди – помощник командира полка полковник Тимановский⁴⁴ шел широким шагом, опираясь на палку, с неизменной трубкой в зубах, израненный много раз, с сильно поврежденными позвонками спинного хребта... Одну из рот ведет полковник Кутепов⁴⁵, бывший командир Преображенского полка. Сухой, крепкий, с откинутой на затылок фуражкой, подтянутый, краткими отрывистыми фразами отдает приказания. В рядах много безусой молодежи – беспечной и жизнерадостной. Вдоль колонны проскакал Марков, повернул голову к нам, что-то сказал, чего мы не расслышали, на ходу разнес кого-то из своих офицеров и полетел к головному отряду.

Глухой выстрел, высокий, высокий разрыв шрапнели. Началось.

Офицерский полк развернулся и пошел в наступление: спокойно, не останавливаясь, прямо на деревню. Скрылся за гребнем. Подъезжает Алексеев. Пошли с ним вперед. С гребня

⁴¹ Воспоминания Б. А. Суворина, Н. Н. Львова и Л. В. Половцова публикуются ниже.

⁴² Новосильцев Леонид Николаевич (Новосильцев), р. в 1872 г. Из дворян Калужской губ. Окончил Нижегородский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1892), Военно-юридическую академию. Подполковник, командир 19-й запасной ополченческой батареи, член Государственной Думы, председатель Главного комитета Союза офицеров. Быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В эмиграции с марта 1922 г. член ЦК Русского Народно-Монархического Союза. 10 января 1923 г. – 1 сентября 1926 г. преподаватель Первого русского кадетского корпуса. Умер 22 октября 1934 г. в Сараево (Югославия).

⁴³ Кисляков Владимир Николаевич, р. в 1875 г. Из дворян. Окончил Александровский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1895), академию Генштаба (1901). Генерал-майор, товарищ министра путей сообщения на театре военных действий. Быховец. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В 1918 г. на Украине, состоял при гетмане П. Скоропадском. В Вооруженных силах Юга России начальник эксплуатационного отдела управления путей сообщения при ставке Главнокомандующего. Генерал-лейтенант. Расстрелян большевиками при отступлении белых в 1919 г. в Полтаве.

⁴⁴ Тимановский Николай Степанович, р. в 1889 г. Полковник, командир Георгиевского батальона Ставки ВГК. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. С 12 марта 1918 г. помощник командира Сводно-Офицерского полка, начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады, с мая 1918 г. командир Марковского полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й дивизии. В начале 1919 г. направлен в Одессу, с 21 января начальник Отдельной бригады Русской Добровольческой армии в Одессе (с 27 января – Отдельной Одесской стрелковой бригады), с которой отступил в Румынию, с 18 мая по 13 июня начальник развернутой из бригады 7-й пехотной дивизии, с 2 июня 1919 г. начальник 1-й пехотной дивизии, с 10 ноября 1919 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-лейтенант (с лета 1919 г.). Умер от тифа 18 декабря 1919 г. в Ростове.

⁴⁵ Кутепов Александр Павлович, р. в 1882 г. Из дворян, сын лесничего. Окончил Архангельскую гимназию, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командующий л. – гв. Преображенским полком. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г. командир офицерской роты, с декабря 1917 г. – войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир роты Корниловского полка, затем командир того же полка, командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. Черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, затем – образованного из Добровольческой армии Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии. С 1928 г. председатель РОВСа. Похищен и убит агентами ОГПУ 26 января 1930 г. в Париже.

открывается обширная панорама. Раскинувшееся широко село опоясано линиями окопов. У самой церкви стоит большевистская батарея и беспорядочно разбрасывает снаряды вдоль дороги. Ружейный и пулеметный огонь все чаще. Наши цепи остановились и залегли: вдоль фронта болотистая, незамерзшая речка. Придется обходить.

Вправо, в обход, двинулся Корниловский полк. Вслед за ним поскакала группа всадников с развернутым трехцветным флагом...

– Корнилов!

В рядах – волнение. Все взоры обращены туда, где виднеется фигура командующего...

А вдоль большой дороги совершенно открыто юнкера подполковника Миончинского подводят орудия прямо в цепи под огнем неприятельских пулеметов; скоро огонь батареи вызвал заметное движение в рядах противника. Наступление, однако, задерживается...

Офицерский полк не выдержал долгого томления: одна из рот бросилась в холодную, липкую грязь речки и переходит вброд на другой берег. Там – смятение, и скоро все поле уже усеяно бегущими в панике людьми, мечутся повозки, скачет батарея. Офицерский полк и Корниловский, вышедший к селу с запада через плотину, преследуют.

Мы входим в село, словно вымершее. По улицам валяются трупы. Жуткая тишина. И долго еще ее безмолвие нарушает сухой треск ружейных выстрелов: ликвидируют большевиков... Много их...

Кто они? Зачем им, смертельно уставшим от четырехлетней войны, идти вновь в бой и на смерть? Бросившие турецкий фронт полк и батарея, буйная деревенская вольница, человеческая накипь Лежанки и окрестных сел, пришлый рабочий элемент, давно уже вместе с солдатчиной овладевший всеми сходами, комитетами, советами и терроризировавший всю губернию; быть может, и мирные мужики, насильно взятые советами. Никто из них не понимает смысла борьбы. И представление о нас как о врагах какое-то расплывчатое, неясное, созданное бешено растущей пропагандой и беспричинным страхом. «Кадеты»... Офицеры... Хотят повернуть к старому...

Член ростовской управы, социал-демократ (меньшевик) Попов, странствовавший как раз в эти дни по Владикавказской железной дороге, параллельно движению армии, такими словами рисовал настроение населения:

«...Чтобы не содействовать так или иначе войскам Корнилова в борьбе с революционными армиями, все взрослое мужское население уходило из своих деревень в более отдаленные села и к станциям железных дорог... «Дайте нам оружие, дабы мы могли защищаться от «кадет», – таков был общий крик всех приехавших сюда крестьян... Толпа с жадностью ловила известия с «фронта», комментировала их на тысячу ладов, слово «кадет» переходило из уст в уста. Все, что не носило серой шинели, казалось не своим; кто был одет «чисто», кто говорил «по-образованному», попадал под подозрение толпы. «Кадет» – это воплощение всего злого, что может разрушить надежды масс на лучшую жизнь; «кадет» может помешать взять в крестьянские руки землю и разделить ее; «кадет» – это злой дух, стоящий на пути всех чаяний и упований народа, а потому с ним нужно бороться, его нужно уничтожить» («Рабочее слово». 1918. № 10. – А. Д.).

Это, несомненно, преувеличенное определение враждебного отношения к «кадетам», в особенности в смысле «всеобщности» и активности его проявления, подчеркивает, однако, основную черту настроения крестьянства – его беспочвенность и сумбурность. В нем не было ни «политики», ни «Учредительного собрания», ни «республики», ни «царя»; даже земельный вопрос сам по себе здесь, в Задонье, и в особенности в привольных ставропольских степях, не имел особенной остроты. Мы, помимо своей воли, попали просто в заколдованный круг общей социальной борьбы: и здесь, и потом всюду, где ни проходила Добровольческая армия, часть населения, более обеспеченная, зажиточная, заинтересованная в восстановлении порядка и нормальных условий жизни, тайно или явно сочувствовала ей; другая, строившая свое благо-

получие – заслуженное или незаслуженное – на безвременье и безвластии, была ей враждебна. И не было возможности вырваться из этого круга, внушить им истинные цели армии. Делом? Но что может дать краю проходящая армия, вынужденная вести кровавые бои даже за право своего существования. Словом? Когда слово упирается в непроницаемую стену недоверия, страха или раболепства.

Впрочем, сход Лежанки (позднее и другие) был благоразумен – постановил пропустить «корниловскую армию». Но пришли чужие люди – красногвардейцы – и солдатские эшелоны, и цветущие села и станицы обгадились кровью и заревом пожаров...

У дома, отведенного под штаб, на площади, с двумя часовыми-добровольцами на флангах стояла шеренга пленных офицеров-артиллеристов квартировавшего в Лежанке большевистского дивизиона.

Вот она, новая трагедия русского офицерства!..

Мимо пленных через площадь проходили одна за другой добровольческие части. В глазах добровольцев презрение и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы. Лица пленных мертвенно-бледны. Только близость штаба спасает их от расправы.

Проходит генерал Алексеев. Он взволнованно и возмущенно упрекает пленных офицеров. И с его уст срывается тяжелое бранное слово. Корнилов решает участь пленных:

– Предать полковому суду.

Оправдания обычны: «Не знал о существовании Добровольческой армии...», «Не вел стрельбы...», «Заставили служить насильно, не выпускали...», «Держали под надзором семью...».

Полевой суд счел обвинение недоказанным. В сущности, не оправдал, а простил. Этот первый приговор был принят в армии спокойно, но вызвал двойное отношение к себе. Офицеры поступили в ряды нашей армии.

* * *

23 февраля мы вступили в пределы Кубанской области.

Совсем другое настроение: армию встречают приветливо, хлебом-солью. После скитаний среди равнодушной или враждебной нам стихии – душевный уют и новые надежды.

Тихая заводь привольной кубанской жизни замутилась, однако, враждой и чувством мести к тем, кто нарушил ее покой. Когда в станице Незамаевской я замешался в пестрой, праздничной, веселой толпе, там это чувство буйно рвалось наружу. Они уже сосчитались с одними или угрожали сосчитаться с другими из своих большевиков, главным образом иногородних. Придет утро, мы уйдем, а еще через день появится отряд «товарища» Сорокина⁴⁶ или Автономова⁴⁷, и начнется возмездие...

2 марта главные силы армии двинулись на станицу Журавскую, а Неженцев с Корниловским полком ударил по станции Выселки. После краткого боя, понеся небольшие потери, корниловцы лихой атакой взяли Выселки и продвинулись на несколько верст вперед к хутору Малеванному. Армия расположилась на ночлег в Журавской, а в Выселках должен был стать

⁴⁶ Сорокин Иван Лукич, р. в 1884 г. в ст. Петропавловской. Из казаков Кубанской обл. Окончил военно-фельдшерскую школу и 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915). Служил в 3-м Линейном полку Кубанского казачьего войска. Сотник. В начале 1918 г. возглавлял большевистские силы на Кубани в должности помощника командующего Юго-Восточной революционной армией. В дальнейшем был Главнокомандующим Красной Армией Северного Кавказа, но находился в напряженных отношениях с политическим руководством возникавших там «советских республик». 30 октября 1918 г. он был арестован в Ставрополе и на следующий день убит в тюрьме.

⁴⁷ Автономов Александр Исидорович, р. в 1890 г. Из казаков Кубанской области. Хорунжий. С января 1918 г. – командующий так называемой Юго-Восточной революционной армией красных, затем командовал войсками «Кубанской Советской республики». Вследствие разногласий с большевистским руководством в мае был отстранен от командования. После поездки в Москву получил назначение в 11-ю красную армию, где умер от тифа 2 февраля 1919 г.

заслоном конный дивизион полковника Гершельмана. Дивизион почему-то ушел без боя из Выселок, которые были заняты вновь крупными силами большевиков (Гершельман был отрезан за это от должности. – А. Д.). Положение создалось крайне неприятное.

Корнилов приказал генералу Богаевскому с Партизанским полком и батареей ночной атакой овладеть Выселками. Ночь была темная, на дворе сильнейший холод. В маленькой станице не хватало ни крыш, ни продовольствия для всех частей, набившихся в нее. Партизаны, голодные, усталые, до поздней ночи оставались под открытым небом. Вероятно, поэтому Богаевский отложил наступление до утра. Чуть забрезжил рассвет, потянулась колонна к Выселкам, и под редким огнем артиллерии стали разворачиваться против села отряды партизан капитана Курочкина⁴⁸, есаула Лазарева, Власова⁴⁹, полковника Краснянского. Редкие цепи шли безостановочно к окраине деревни, словно вымершей. И вдруг длинный гребень холмов, примыкавших к селу, ожил и брызнул на наступающие цепи огнем пулеметов и ружей.

Бой оказался серьезнее, чем рассчитывали. Пришлось выдвинуть новые силы. Из Малеванного направлен в обход Выселок с востока батальон корниловцев, прямо на село двинул Офицерский полк Маркова.

Скоро обозначилось наступление Корниловского батальона. Идут быстро, не останавливаясь, как на ученье, заходя большевикам в тыл. Подходят марковцы; левый фланг партизан продвинулся уже вперед – в охват. Словно электрический ток проносится по всем цепям, раскинувшимся далеко – не окинешь взглядом. Партизаны поднялись и бросились снова вперед.

Противник бежит.

В этот день мы узнали крайне неприятную новость: не так давно здесь, возле Выселок, произошел бой между большевиками и отрядом кубанских добровольцев Покровского⁵⁰. Добровольцы были разбиты и поспешно отступили в сторону Екатеринодара. Шли какие-то злобные слухи и о кубанской столице...

Пока – только слухи. И потому на завтра приказано наступать далее, на Кореновскую, в которой сосредоточилось не менее 10 тысяч красногвардейцев с бронепоездами и с большим количеством артиллерии. Большевистскими силами командовал кубанский казак, бывший фельдшер Сорокин.

Против нас был уже не тыл, а фронт екатеринодарской группы большевиков.

* * *

Под Усть-Лабой надо было спешить, так как всегда спокойный и уравновешенный Богаевский доносил, что его сильно теснят, и просил подкреплений. Корнилов двинул вперед Юнкерский батальон и Корниловский полк. Первый пошел правее на видневшуюся насыпь железной дороги из Екатеринодара, второй прямо на станицу.

Опять Корнилов в жестоком огне, и Марков горячо нападает на штаб:

⁴⁸ Курочкин Василий. Поручик. В Донской армии; в январе 1918 г. командир сотни в отряде Чернецова. Ранен 18 января 1918 г. у ст. Лихой. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. Капитан. Убит 28 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

⁴⁹ О его смерти см. публикуемые ниже воспоминания Н. В. Федорова.

⁵⁰ Покровский Виктор Леонидович р. в 1889 г. Из дворян. Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище (1908). Капитан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского авиационного отряда. В январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд, с 24 января 1918 г. полковник и командующий войсками Кубанского края, с 13 февраля командующий Кубанской армией, с 13 марта 1918 г. генерал-майор, с июня 1918 г. командир Кубанской конной бригады, июль 1918 г. – 3 января 1919 г. начальник 1-й Кубанской конной дивизии. С января 1919 г. командир 1-го конного корпуса, январь – август 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, с 2 ноября 1919 г. по 8 марта 1920 г. командующий Кавказской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В мае 1920 г. покинул Крым. В эмиграции в Болгарии. Убит 9 ноября 1922 г. в Болгарии жандармами.

– Уведите вы его, ради Бога. Я не в состоянии вести бой и чувствовать нравственную ответственность за его жизнь.

– А вы сами попробуйте, ваше превосходительство!.. – отвечает, улыбаясь, всегда веселый генерал Трухачев⁵¹.

Но охват корниловцев уже обозначился. Двинулись в атаку и с фронта, и скоро весь полк ворвался на станцию и в станицу, сбил большевиков с отвесной береговой скалы, венчавшей вход на дамбу, овладел мостом и перешел за реку Кубань.

Путь свободен.

* * *

Повсюду в области, в каждом поселке, в каждой станице, собиралась красная гвардия из иногородних (к ним примыкала часть казаков, фронтовиков), еще плохо подчинявшаяся Армавирскому центру, но следовавшая точно его политике. Объединяясь временами в волостные, районные, армейские организации, эта вооруженная сила, представлявшая недисциплинированные, хорошо вооруженные, буйные банды, будучи единственной в крае, приступила к выполнению своих местных задач: насаждению советской власти, земельному переделу, изъятию хлебных излишков, «социализации», то есть попросту ограблению зажиточного казачества и обезглавливанию его – преследованием офицерства, небольшевистской интеллигенции, священников, крепких стариков. И прежде всего – к обезоружению. Достоин удивления, с каким полным непротивлением казачьи станицы, казачьи полки и батареи отдавали свои орудия, пулеметы, ружья, которые шли отчасти на вооружение местных красногвардейских отрядов, отчасти отвозились в ближайшие центры. Когда, например, потом, в конце апреля, восстали против большевиков казаки одиннадцати станиц Ейского отдела и двинулись на Ейск, это было, по описанию Щербины⁵², в полном смысле безоружное ополчение. «У казаков было не более 10 винтовок на сотню, остальные вооружились чем могли. Одни прикрепили к длинным палкам кинжалы или заостренные полоски железа, другие сделали из железных вил что-то вроде копий, третьи вооружались острогой, а иные просто захватили лопаты и топоры».

* * *

В ночь на 8 марта наши передовые части перешли с боем на левый берег Лабы и, отбросив большевиков, обеспечили переправу армии. Первым перешел Юнкерский батальон. Боровский доносил, что юнкера смело бросились в холодную воду, хотя «малыши пускали пузыри», так как местами глубина реки превышала их рост.

Неженцев занимал еще северную окраину станицы, прикрывая ее со стороны войск, наступавших от Усть-Лабы. А внизу, под крутым скатом берега, шла лихорадочная переправа обоза. Жиденский мост был сильно перегружен; часть повозок с беженцами и ранеными спу-

⁵¹ Трухачев Сергей Михайлович, р. в 1879 г. Из дворян. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1899), академию Генштаба (1906). Генерал-майор, и. д. инспектора отдела управления дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., с января 1918 г. командир штабной роты штаба армии. В 1-м Кубанском походе с марта 1918 г. начальник строевого отдела штаба армии. С июля 1918 г. дежурный генерал штаба Добровольческой армии, с января 1919 г. дежурный генерал штаба Главнокомандующего ВСЮР. В эмиграции в Болгарии.

⁵² Щербина Федор Андреевич, р. 31 января 1849 г. Из казаков ст. Новодеревянковской Кубанской обл. Сын священника. Окончил Кавказскую духовную семинарию (1866), обучался в Петровской земледельческой академии и Новороссийском университете. Профессор Кубанского политехнического института, член Кубанской Рады и Верховного Крута Дона, Кубани и Терека, председатель Верховного суда на Кубани и финансово-бюджетной комиссии Рады. В эмиграции с 1921 г. в Чехословакии, профессор и ректор Украинского института в Праге. Историк Кубанского казачьего войска. Умер 28 октября 1936 г. в Праге.

стилась к глубоким бродам; лошади шли неохотно в студеную воду, иногда повозка опрокидывалась или, отнесенная течением в глубокое место, погружалась чуть не доверху вместе с походным скарбом или беспомощно бьющимся человеческим телом. На том берегу обоз раскинулся широким табором в ожидании «открытия пути».

Лишь к закату армия раздвинула несколько сжимавшее ее огневое кольцо и заночевала в двух хуторских поселках. Штаб – в Киселевских хуторах. Собственно, только эти два пункта находились в нашем фактическом обладании, охраняемые на небольшом расстоянии аванпостами. А дальше раздвинутое кольцо сжалось вновь.

Выступление назначено рано, но до полудня продвинулись мало, так как шедшие впереди Офицерский полк и в особенности Партизанский пробивались с трудом, отвоевывая каждую версту пути упорным боем. Задерживаться в хуторах также было небезопасно, так как вскоре у самой окраины их послышался сильный треск пулеметов... Пули жужжали между избами. Все войска втянулись в бой, и потому для прикрытия колонны с тыла в распоряжение коменданта штаба полковника Корвин-Круковского⁵³ оставлена в хуторах охранная рота из офицеров-инвалидов и конвой Корнилова. С трудом протискиваясь по запруженной улице – это части выходят на окраину. Двинулся обоз и остановился в версте. Опять по нему бьет неприятельская артиллерия – очевидно, перелеты по боевым линиям: и с фронта, и с тыла, и еще откуда-то, видимо со стороны Некрасовской.

Офицерский полк рассыпан редкими цепями, затерявшимися среди беспредельного поля и такими, казалось, слабыми в сравнении с массой большевиков. Цепи продвигаются очень медленно: мы едем вперед рысью к маленькому хуторку. Корнилов с Романовским уже на стогу. Треск пулеметов. Ранен тяжело в голову полковник Генерального штаба Патронов⁵⁴. Текинцы суетливо прячут за стог и за хату лошадей.

Отчетливо видны отдельные фигуры в цепях. Похаживает вдоль них небольшого роста коренастый человек. Шапка на затылке, руки в карманах – Кутепов, командир 3-й роты. В этот день три пули пробили его плащ, но, по счастью, не ранили. Подымаются отдельные группы прямо в рост, перетаскивают куда-то пулемет. Тихо бредут и ползут назад раненые. И не один из них вдруг валится на пашню, как срезанный, – догнала новая пуля... Офицеры поднялись, снова пошли в атаку, и темная масса впереди сначала зашевелилась на местах, потом хлынула назад.

Немедленно под прикрытием Офицерского полка главные силы и обоз двинулись влево, в направлении Филипповского. Прошли версты три, опять остановились: справа у Богаевского еще идет бой, а впереди слышна дальняя редкая перестрелка, и от Неженцева, направленного с утра на Филипповское, нет сведений – занято ли уже это село, центр большевизма и военной организации всего района...

⁵³ Корвин-Круковский Алексей Владимирович, р. 23 сентября 1872 г. Из дворян Нижегородской губ. Окончил Нижегородский Александровский институт, Казанское пехотное юнкерское училище (1894), Офицерскую стрелковую школу (1913). Полковник, командир 6-го Финляндского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В январе 1918 г. глава офицерской организации в Царицыне, с января 1918 г. комендант штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник обоза армии, с февраля до 2 сентября 1918 г. комендант штаба армии, затем комендант главной квартиры армии, с 5 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с ноября 1918 г. командующий добровольческими частями в Крыму, с 19 ноября 1918 г. начальник гарнизона Симферополя и начальник Крымской (с января 1919 г. 4-й) пехотной дивизии. С 28 мая 1919 г. в резерве чинов при штабе ВСЮР, в декабре 1919 г. – феврале 1920 г. военный комендант Новороссийска. В Русской Армии начальник 4-й пехотной дивизии. В эмиграции один из организаторов Союза Инвалидов, создатель объединения Казанского военного училища, начальник военной коллегии Лиги русских офицеров и солдат запаса. Генерал-лейтенант. Умер в 1943 г. в Белграде.

⁵⁴ Патронов Иван Федорович. Сын унтер-офицера. Окончил академию Генштаба (1911). Полковник. В Добровольческой армии с 22 декабря 1917 г. В 1-м Кубанском походе штаб-офицер для поручений при штабе армии, затем начальник этапа № 1 Добровольческой армии и ВСЮР, с 11 ноября 1919 г. штаб-офицер для поручений при Главнокомандующем ВСЮР, сотрудничал в газетах Б. А. Суворина. В Русской Армии в прикомандировании к отделу генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. В мае 1921 г. входил в состав ближайшего окружения генерала Врангеля. В эмиграции в Югославии, в 1921–1941 гг. редактор «Военного сборника» в Белграде.

Скоро и другая приятная новость: Корниловский полк после небольшой стычки овладел Филипповским, которое оставили большевики и покинули все жители.

* * *

Оставление Екатеринодара «кубанскими правительственными войсками» являлось вопросом не столько военной необходимости, сколько психологии. Еще во второй половине января после неудачного боя под Выселками Кубанский добровольческий отряд, прикрывавший Тихорецкое направление, спешно отступил к Екатеринодару. В связи с этим были отведены и другие отряды, и в двадцатых числах все вооруженные силы Кубанской республики в составе преимущественно добровольцев – офицеров и юнкеров – Черкесского полка и незначительного числа кубанских казаков стояли уже на ближайших подступах к Екатеринодару.

Еще с января в Екатеринодаре жил генерал Эрдели⁵⁵ в качестве представителя Добровольческой армии. В числе поручений, данных ему, было подготовить почву для включения Кубанского отряда в состав Добровольческой армии. При той оторванности, которая существовала тогда уже между Ростовом и Екатеринодаром, такое подчинение должно было иметь главным образом моральное значение, расширяя военно-политическую базу армии и давая идейное обоснование борьбе кубанских добровольцев. В то же время М. Федоров⁵⁶ добивался от Кубани материальной помощи для Добровольческой армии. Эти предложения встретили резко отрицательное отношение к себе среди всех кубанских правителей. Атаман Филимонов⁵⁷ то клялся в конституционной верности, то поносил Раду и правительство в дружеских беседах с Эрдели и Покровским.

При создавшихся военно-политических условиях длительная оборона Екатеринодара не имела бы действительно никакого смысла. Но 25 февраля обстановка в корне изменилась. В этот день прибыл в Екатеринодар посланный штабом Добровольческой армии и пробравшийся чудом сквозь большевистский район офицер. Он настойчиво и тщетно убеждал кубанские власти повременить с уходом ввиду того, что корниловская армия идет к Екатеринодару и теперь уже должна быть недалеко.

Ему не поверили или не хотели поверить: держали его под негласным надзором.

Вечером 28 февраля из Екатеринодара через реку Кубань на юг выступили добровольческие отряды, атаман, правительство, казаче-горская фракция Законодательной Рады, городские нотабли и много беженцев.

Сосредоточившиеся на другой день в ауле Шенджий кубанские войска были сведены в более крупные части, составив в общей сложности отряд до 2 1/2–3 тысяч штыков и сабель с артиллерией.

⁵⁵ Эрдели Иван Георгиевич, р. в 1870 г. Из дворян. Окончил Николаевский кадетский корпус (1887), Николаевское кавалерийское училище (1890), академию Генштаба (1897). Генерал от кавалерии, командующий Особой армией. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., в январе – марте 1918 г. представитель армии при Кубанском правительстве, с марта 1918 г. командир отдельной конной бригады, с июня 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 16 апреля 1919 г. Главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа), до марта 1920 г. начальник Владикавказского отряда. В эмиграции во Франции, с 1930 г. председатель Союза офицеров-участников войны во Франции, с июня 1934 г. начальник 1-го отдела РОВС. Умер 7 июля 1939 г. в Париже.

⁵⁶ Федоров Михаил Михайлович, р. в 1858 г. Член Конституционно-демократической партии, товарищ министра торговли и промышленности. Летом 1918 г. член Национального Центра в Москве, с осени 1918 г. член Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР. В эмиграции во Франции. Умер в 1946 г.

⁵⁷ Филимонов Александр Петрович, р. в 1866 г. в ст. Григорополиской Кубанской обл. Окончил Киевский кадетский корпус, Александровское военное училище, военно-юридическую академию, Московский историко-археологический институт. Полковник, атаман Лабинского отдела Кубанского казачьего войска, с 1917 г. председатель Кубанского правительства, с 12 октября 1917 г. атаман Кубанского казачьего войска (до 10 ноября 1919 г.). Генерал-лейтенант. Эвакуирован из Новоросска. Умер 4 августа 1948 г. в Осее (Югославия).

Отряд дошел до станицы Пензенской. Но в эти несколько дней похода отсутствие объединяющей политической и стратегической цели встало пред всеми настолько ярко, что не только под давлением резко обозначившегося настроения войск, но и по собственному побуждению кубанские власти сочли необходимым поставить себе ближайшей задачей соединение с Корниловым. Тем более, что к этому времени вновь были получены сведения о движении Добровольческой армии к Екатеринодару и о происходивших к востоку от него 2–4 марта боях.

Покровский двинул отряд обратно в Шенджий и 7 марта, выслав заслоны против станции Эйнем и Екатеринодарского железнодорожного моста, неожиданно с главными силами захватил Пашковскую переправу. В течение двух дней Покровский вел артиллерийскую перестрелку, не вступая в серьезный бой, и в ночь на 10-е, отчаявшись в подходе Корнилова, ушел на восток. 10-го встретил сопротивление большевиков у аула Вочепший, где бой затянулся до ночи.

Неудача поисков Добровольческой армии, непонятное метание отряда и недоверие к командованию вызвали в войсках сильный упадок духа. Аула не взяли (мы были в этот вечер всего верстах в 30 от Вочепшия), и расстроенный отряд ночью, бросая обоз, без дорог устремился по направлению к горам на станицу Калужскую. Но со стороны Калужской шло уже наступление значительных сил большевиков, поставившее Кубанский отряд в критическое положение. 11-го произошел бой, в котором утомленные несколькими днями маршей и бессонными ночами войска Покровского напрягали последние усилия, чтобы сломить упорство врага. Участь боя, которым руководил командир Кубанского стрелкового полка подполковник Туненберг⁵⁸, не раз висела на волоске. Уже в душу многих участников закрадывалось отчаяние, и гибель казалась неизбежной. Уже введены были в дело все силы, пошли вперед вооруженные наспех обозные, старики, «радяне» (члены Рады. – А. Д.) – подобие нашего «психологического подкрепления»... Артиллерия противника гремела не смолкая, цепи его пододвинулись совсем близко... Но вот Кубанский полк собрался с духом, поднялся и бросился в атаку. Большевики дрогнули, повернули назад и, преследуемые черкесской конницей, понесся большие потери, отхлынули в Калужскую.

На другой день была взята Калужская, и Кубанский отряд расположился наконец со спокойным сердцем на отдых.

14-го состоялось в ауле Шенджий свидание с Покровским. В комнату Корнилова, где, кроме хозяина, собрались генералы Алексеев, Эрдели, Романовский и я, вошел молодой человек в черкеске с генеральскими погонами – стройный, подтянутый, с каким-то холодным, металлическим выражением глаз, по-видимому несколько смущенный своим новым чином, аудиторией и предстоящим разговором. Он произнес краткое приветствие от имени кубанской власти и отряда. Корнилов ответил просто и сдержанно. Познакомились с составом и состоянием отряда, его деятельностью и перешли к самому важному вопросу о соединении.

Корнилов поставил его с исчерпывающей ясностью: полное подчинение командующему и влитие кубанских войск в состав Добровольческой армии.

Покровский скромно, но настойчиво оппонировал: кубанские власти желают иметь свою собственную армию, что соответствует конституции края; кубанские добровольцы сроднились со своими частями, привыкли к своим начальникам, и всякие перемены могут вызвать броже-

⁵⁸ Туненберг Ростислав Михайлович. Из дворян. Штабс-капитан, командир роты Киевского военного училища. В феврале – марте 1918 г. в войсках Кубанского края, с марта 1918 г. подполковник, командир Кубанского стрелкового полка, с 17 марта командир 1-го Кубанского стрелкового полка, полковник. С 9 ноября 1918 г. член комиссии по организации кубанских частей, с 19 ноября 1918 г. командир 2-й бригады 1-й дивизии с оставлением командиром полка, с 30 ноября 1918 г. в составе комиссии для рассмотрения проекта новой организации армии, с 11 марта 1919 г. командир 2-й бригады 2-й пехотной дивизии с оставлением командиром полка, с 15 июня 1919 г. генерал-майор. 26 июля 1919 г. уволен от службы. В марте 1920 г. начальник участка на Перекопе, в мае – командир бригады 34-й пехотной дивизии.

ние в войсках. Он предлагал сохранение самостоятельного Кубанского отряда и оперативное подчинение его генералу Корнилову.

Алексеев вспыхнул:

– Полноте, полковник... Извините, не знаю, как вас и величать. Войска тут ни при чем – мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием.

Корнилов сказал внушительно и резко:

– Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству.

Хотя вопрос и остался открытым, но стратегическая обстановка не допускала промедления. И потому условились, что на другой день, 15-го, наш обоз перейдет в Калужскую, где и останется временно вместе с кубанским под небольшим прикрытием. Войска же Добровольческой армии и Кубанского отряда в тот же день одновременным ударом захватят станицу Ново-Дмитриевскую, занятую крупными силами большевиков, и там фактически соединятся. Небольшой конный отряд должен был произвести демонстрацию на Эйнем.

* * *

15 марта – «Ледяной поход» – слава Маркова и Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первопоходника о минувших днях: не то были, не то сказки.

Всю ночь накануне лил дождь, не прекратившийся и утром. Армия шла по сплошным пространствам воды и жидкой грязи, по дорогам и без дорог – заплывших и пропадавших в густом тумане, стлавшемся над землею. Холодная вода пропитывала насквозь все платье, текла острыми, пронизывающими струйками за воротник. Люди шли медленно, вздрагивая от холода и тяжело волоча ноги в разбухших, налитых водою сапогах. К полудню пошли густые хлопья липкого снега, и подул ветер. Застилает глаза, нос, уши, захватывает дыхание, и лицо колет, словно острыми иглами.

Впереди перестрелка: не доходя 2–3 верст до Ново-Дмитриевской – речка, противоположный берег которой занят аванпостами большевиков. Их отбросили огнем наши передовые части, но мост оказался не то снесенным вздувшейся и бурной речкой, не то испорченным противником. Послали конных искать броды.

Колонна сгрудилась к берегу. Две-три хаты небольшого хуторка манили дымками своих труб. Я слез с лошади и с большим трудом пробрался в избу сквозь сплошное месиво человеческих тел. Живая стена больно сжимала со всех сторон; в избе стоял густой туман от дыхания сотни людей и испарений промокшей одежды, носился тошнотный, едкий запах прелой шинельной шерсти и сапог. Но по всему телу разливалась какая-то живительная теплота, отходили окоченевшие члены, было приятно и дремотно.

А снаружи ломились в окна, в двери новые толпы.

– Дайте погреться другим, совести у вас нету.

Переправу искали долго. Корнилов разослал и всех конвойных офицеров. Всадники шли по подернутому реку у берега тонкому слою льда, проваливались и иногда вместе с конем погружались в ледяную воду. Наконец марковские конные разведчики перешли реку вброд у снесенного моста. Тотчас же мелькнула белая папаха Маркова, и с того берега донесся его громкий голос:

– Всех коней к мосту, полк переправлять верхом и на крупах.

Началась томительно долгая переправа: глубина – в полкорпуса лошади, одновременно проходило не более двух; потом в поводу поворачивали коней обратно за новой очередью пехоты. Попробовали провезти орудие. Лошади шарахнулись, запутались в постромках, пова-

лились вместе с езовыми в воду и опрокинули пушку. Новая задержка. А в это время переправу начала громить неприятельская артиллерия. Одна за другой ложатся гранаты по снежному полю, падают в реку, вздымая высокие столбы пенящихся брызг. Вот одна упала прямо в костер, разведенный на берегу среди гревшейся толпы добровольцев, разметала, побила, переранила людей.

Между тем погода вновь переменилась: неожиданно грянул мороз, ветер усилился, началась снежная пурга. Люди и лошади быстро обросли ледяной корой. Казалось, все промерзло до самых костей; покوروبившаяся, будто деревянная одежда сковала тело: трудно повернуть голову, трудно поднять ногу в стремя.

Уже вечереет – пурга заглушает шум ружейной стрельбы. Не слышно, что делается впереди. Возле дороги, ведущей от переправы к Ново-Дмитриевской, в поле – брошенные орудия и повозки, безнадежно застрявшие в расплывшейся пахоте, подернутой сверху тонкой коркой льда. По дороге тянется вереница людей. Словно тени. Местами тут же на дороге лежит неподвижное тело.

– Раненый?

Долго молчит. Потом отрицательно качает головой.

– Вы подбодритесь, деревня близко, пропадете ведь здесь, в поле...

Идут и не обращают уже никакого внимания на свист пуль, которыми посыпают дорогу застрявшие где-то в стороне, в темнеющей роще, большевики. Проехал Корнилов с одним только штабом – конвой почти весь переправляет пехоту. Стемнело окончательно.

Марков, развернув против станицы Офицерский полк, оказался с ним в полном одиночестве. Покровский, который должен был атаковать станицу с юга, не подошел – счел невозможным двигать по такой дороге и в такую погоду свой отряд. Это обстоятельство спасло большевиков от окружения и стоило нам потом двух лишних боев и лишней крови. Коннице, направленной в охват вправо, не удалось перейти речку, и к ночи она вернулась к общей переправе. Батарея с поврежденными механизмами орудий застряла в поле. В пятом часу только еще начинала переходить вброд голова Партизанского полка – переправа его протянется, очевидно, до ночи...

Марков решил:

– Ну вот что. Ждать некого. В такую ночь без крыш тут все подохнем в поле. Идем в станицу!

И бросился с полком под убийственный огонь мгновенно затрещавших со всех сторон ружей и пулеметов.

Полузамерзшие, держа в онемевших руках винтовки, падая и проваливаясь в густом месиве грязи, снега и льда, офицеры бежали к станице, ворвались в нее и перемешались в рукопашной схватке с большевиками: гнали их потом до противоположной окраины, встречаемые огнем чуть не из каждого дома, где засели и грелись не ожидавшие такой стремительной атаки и не успевшие построиться красногвардейцы резервных частей.

Когда мы подъехали к окраине станицы, Офицерского полка там уже не было. У околицы толпились артиллеристы застрявшей батареи с лошадьми, спасавшиеся от стужи и стоявшие в нерешительности: по всем темным улицам станицы шла беспорядочная стрельба. Корнилов послал ординарцев разыскать Маркова и полк, но не дождался донесения и поехал с Романовским, несколькими чинами штаба и ординарцами в обычный сборный пункт – станичное правление.

Командующий армией входил туда как раз в тот момент, когда из правления в другие двери выбегала толпа большевиков, встреченная в упор огнем...

Всю ночь шла стрельба в станице; всю ночь переправлялась армия, и весь следующий день подбирали и вытаскивали из грязи повозки обоза и артиллерию. Утром большевики атаковали Ново-Дмитриевскую, но с большим уроном были отброшены. И каждый день потом

их артиллерия со стороны Григорьевской громила нашу станицу, преимущественно площадь с церковью, где, как всегда, располагался Корнилов с штабом.

В тот же день, 15-го, наш обоз переходил из аула Шенджий в станицу Калужскую, куда прибыл поздно ночью. Раненые и больные весь день лежали в ледяной воде... Смерть витала над лазаретом.

* * *

Мой бронхит свалил меня окончательно. Молодой заурядный врач, променявший свою мирную профессию на беспокойную и опасную должность ординарца генерала Маркова, милейший Г. Д. Родичев⁵⁹ выслушал меня и, найдя какие-то необыкновенные шумы, смущенно сказал:

– Дело плохо, надо сбегать за доктором...

Но 17-го приехали представители Кубани на совещание по поводу соединения армий. Пришлось подняться. Предварительно беседовал с Корниловым и Романовским. Выяснилось, что части Кубанского отряда «с оказией» прислали доложить, что они подчиняются только генералу Корнилову, и если их командование и Кубанское правительство почему-либо на это не пойдут, то все они перейдут к нам самовольно. Было решено, чтобы не создавать опасных прецедентов и не подрывать принципов дисциплины, побудить кубанские власти к мирному и добровольному соглашению.

Приехали – атаман, полковник Филимонов, генерал Покровский, председатель и товарищ председателя Законодательной Рады Рябовол и Султан-Шалим-Гирей, председатель правительства Быч – люди, которым суждено было впоследствии много времени еще играть большую роль в трагических судьбах Кубани.

Начались томительно долгие нудные разговоры, в которых одна сторона вынуждена была доказывать элементарные основы военной организации, другая в противовес выдвигала такие аргументы, как «конституция суверенной Кубани», необходимость «автономной армии» как опоры правительства и т. д. Они недоговаривали еще одного своего мотива – страха перед личностью Корнилова: как бы вместе с Кубанским отрядом он не поглотил и их призрачную власть, за которую они так цепко держались. Этот страх сквозил в каждом слове. На нас после суровой, жестокой и простой обстановки похода и боя от этого совещания вновь повеяло чем-то старым, уже, казалось, похороненным, напомнившим лето 1917 года с бесконечными дебатами революционной демократии, доканчивавшей разложение армии. Зиму в Новочеркасске и Ростове – с разговорами Донского правительства, дум и советов, подготавливавшими вступление на Дон красных войск Сиверса... А за стеною жизнь, настоящая жизнь уже напоминала о себе громким треском рвавшихся на площади и возле дома гранат.

Нелепый спор продолжался.

Корнилов заявил категорически, что он не согласен командовать «автономными» армиями и пусть в таком случае выбирают другого.

Кубанское правительство согласилось наконец на соединение армий, но устами Быча заявило, что оно устраняется от дальнейшего участия в работе и снимает с себя всякую ответственность за последствия.

⁵⁹ Родичев Гавриил Дмитриевич, р. 23 января 1889 г. в Москве. Из дворян Тверской губ., сын мирового судьи. Окончил 2-ю Московскую гимназию, учился в Московском университете. Младший военный врач. В Добровольческой армии с осени 1917 г. В 1-м Кубанском походе – в штабе генерала Маркова, затем ординарец генералов Маркова и Тимановского, с июня до ноября 1918 г. в околотке 1-го Офицерского (Марковского) полка, затем в команде конных ординарцев 1-й бригады 1-й пехотной (Марковской) дивизии. Подпоручик. Галлиполиец. В эмиграции с 1921 г. в Тырново (Болгария), с 1922 г. в Чехословакии, с 1927 г. во Французском Конго. Умер 21 апреля 1930 в Париже.

Корнилов вспыхнул и, ударяя по столу пальцем с надетым на нем перстнем – его характерный жест, сказал:

– Ну нет! Вы не смеете уклоняться. Вы обязаны работать и помогать всеми средствами командующему армией.

Жизнь настойчиво возвращала совещание к суровой действительности: задрожали стены, зазвенели стекла, возле нашего дома разорвалось несколько гранат, одна забрызгала грязью окна, другая разбила ворота...

Кубанские представители попросили разрешения переговорить между собой. Мы вышли в другую комнату и, набросав там проект договора, послали его кубанцам. В окончательной редакции протокол совещания гласил:

«1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная Рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзываются в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии».

Подписали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, Романовский, полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей.

Последние строки 3-го пункта, введенные по настоянию кубанских представителей главным образом якобы только для морального удовлетворения смещенного командующего войсками, создали впоследствии большие осложнения во взаимоотношениях между главным командованием и Кубанью.

В этот день, 17-го, после артиллерийского обстрела большевики из Григорьевской перешли опять в наступление на Ново-Дмитриевскую. Вечером проникли даже небольшими частями в самую станицу, соединившись здесь с местными иногородними. Несколько часов по улицам жужжали пули, пока, наконец, около полуночи наступление не было отбито. В ближайшие дни прибыли кубанские войска, влились в Добровольческую армию, которая после расформирования некоторых частей получила следующую организацию (Чехословацкий батальон не включался в состав бригад. – А. Д.):

1-я бригада (генерал Марков),
Офицерский полк,
1-й Кубанский стрелковый полк⁶⁰,
1-я инженерная рота⁶¹,
1-я⁶² и 4-я батареи,

⁶⁰ 1-й Кубанский стрелковый полк. Сформирован 1 марта 1918 г. в ауле Шенджий в составе Кубанского отряда как 1-й стрелковый полк, насчитывая 1200 штыков и 4 пулеметов (в т. ч. 700 офицеров, 400 юнкеров и 100 казаков) и 60 человек пулеметной прислуги; после соединения с Добровольческой армией вошел в состав ее 1-й бригады как Кубанский стрелковый полк. С начала июня 1918 г. входил в состав 1-й дивизии, с 16 января 1919 г. – 2-й пехотной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1324 штыка при 43 пулеметах. Летом 1920 г. входил в состав 1-й Сводной пехотной дивизии. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 2-й бригады 7-й пехотной дивизии. Командиры: подполковник (полковник) Р. М. Туненберг (1 марта 1918 г. – 26 июля 1919 г.), полковник Дмитриев (с 10 августа 1919 г.).

⁶¹ Впоследствии – Марковская инженерная рота (1-я Отдельная инженерная генерала Маркова рота). Образована в Добровольческой армии в середине марта 1918 г. из Технической роты как 1-я Инженерная рота. 8 декабря 1919 г. получила имя генерала С. Л. Маркова. Входила в состав 1-й бригады, с начала июня 1918 г. – 1-й дивизии, с 14 октября 1919 г. – Марковской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала 563 человека. Командир – полковник Г. М. Гротенгельм.

⁶² 1-я Офицерская батарея. Ведет происхождение от Сводной Михайловско-Константиновской батареи. С декабря 1917 г. входила 1-й батареей в 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион Добровольческой армии. При расформировании его в середине марта 1918 г., включив в свой состав 4-ю батарею дивизиона, стала именоваться 1-й отдельной батареей, приданной 1-

2-я бригада (генерал Богаевский),
Корниловский ударный полк,
Партизанский полк,
Пластунский батальон⁶³,
2-я инженерная рота⁶⁴,
2-я⁶⁵, 3-я и 5-я батареи,
Конная бригада⁶⁶ (генерал Эрдели),
1-й конный полк⁶⁷,
Кубанский полк⁶⁸ (вначале – дивизион),

й бригаде. С начала июня 1918 г. вошла в состав 1-й дивизии. С формированием 8 июля 1918 г. второй батареи, развернулась в 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион. С 7 августа 1918 г. 1-я батарея дивизиона именовалась 1-я генерала Маркова батарея. Командир – подполковник Д. Т. Миончинский.

⁶³ Первоначально – Пластунский отряд полковника Улагая. Возник как добровольческий отряд, начавший формирование 29 ноября 1917 г. и окончательно сформированный в середине января 1918 г. полковником Улагая. Действовал на левом берегу Кубани. В феврале 1918 г. насчитывал 100 человек (в т. ч. 50 конных), из которых 85 офицеров при 2 пулеметах. Вошел в состав Кубанского отряда. После соединения его с Добровольческой армией вошел в состав 1-й бригады как Пластунский батальон (Кубанский пластунский батальон). С сентября 1918 г. переименован в Особый пластунский батальон. Командир – полковник С. Г. Улагай.

⁶⁴ Первоначально – Кубанская отдельная инженерная сотня. Сформирована в январе 1918 г. в составе Отряда полковника Лесевича в основном из учащейся молодежи. Первоначально насчитывала 60 человек. Затем состояла из 4 взводов (1-й – полковник С. В. Попов, 2-й – полковник П. К. Алексеев, 3-й – капитан В. Бершов, 4-й – капитан П. Т. Казамаев; всего несколько сотен человек). В феврале 1918 г. вошла в состав Кубанского отряда. После соединения его с Добровольческой армией вошла в состав 2-й бригады как 2-я инженерная рота. Командиры: генерал-майор Е. С. Хабалов (январь 1918 г.), капитан В. Бершов (февраль 1918 г.), полковник С. В. Попов (март 1918 г.).

⁶⁵ 2-я Офицерская батарея. Сформирована в Добровольческой армии, в середине марта 1918 г. при расформировании 1-го Отдельного легкого артиллерийского дивизиона из его 2-й и 3-й батарей как 2-я отдельная батарея, приданная 2-й бригаде. С начала июня 1918 г. вошла в состав 2-й дивизии. Выделила кадр для формирования 2-й, 3-й и 4-й батарей Корниловской артиллерийской бригады, сама войдя в ее состав как 1-я генерала Корнилова батарея. Командир – полковник Л. М. Ерогин.

⁶⁶ Отдельная конная бригада 6 июня 1918 г. была переименована в 1-ю конную дивизию.

⁶⁷ Впоследствии – 1-й конный генерала Алексеева полк (1-й офицерский конный полк). Сформирован в Добровольческой армии 25 марта 1918 г. как 1-й конный (Конный, Конно-Партизанский) полк (3 эскадрона) из 1-го и 2-го (Конные отряды полковника Глазенапа и подполковника Корнилова) кавалерийских дивизионов. Состоял тогда почти исключительно из офицеров (после соединения с Кубанским отрядом офицеры и юнкера-кубанцы составили 2-ю офицерскую сотню во главе с полковником Рашпилем) и понес огромные потери в знаменитой конной атаке под Екатеринодаром (в одной только сотне Рашпиля убито 32 офицера). С мая – июня 1918 г. входил в состав 1-й дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 14 февраля 1919 г. – 1-й конный генерала Алексеева полк. С 27 мая 1919 г. входил в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал также 2 эскадрона 10-го драгунского Новгородского и 2 эскадрона 10-го уланского Одесского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 196 сабель при 16 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. 30 декабря 1919 г. при сведении ее в Сводную кавалерийскую бригаду сведен в дивизион. По прибытии в Крым дивизион полка вошел в 1-й кавалерийский полк, а 8 августа 1920 г. преобразован в конный дивизион 6-й пехотной дивизии под названием Отдельного конного генерала Алексеева дивизиона. Чины полка носили белые с красным околышем фуражки и красные с белой выпушкой погоны. Для чинов полка установлен нагрудный знак в виде черного равнобедренного креста с широкой белой каймой, на который слева снизу направо наложен серебряный меч рукоятью (золоченой) вниз; на крест навешен серебряный терновый венок, в центре – золоченая буква «А» славянской вязи, на верхней стороне креста – белая дата «1917 г.». Командиры: полковник К. Корсун (июнь – сентябрь 1918 г.), полковник В. П. Глиндский (сентябрь – ноябрь 1918 г.), полковник (генерал-майор) А. П. Колосовский (ноябрь 1918 г. – 21 марта 1919 г.), полковник Сабуров (7 апреля – осень 1919 г.).

⁶⁸ Впоследствии – Корниловский конный полк (1-й Кубанский конный полк). Сформирован как Кубанский конный дивизион, в который после соединения 14 марта 1918 г. Кубанского отряда с Добровольческой армией была сведена кубанская кавалерия. Входил в состав Конной бригады, с 6 июня 1918 г. – 1-й конной дивизии как 1-й Кубанский конный полк. На начало июня 1918 г. насчитывал 510 сабель при 4 пулеметах. С 4 августа 1918 г. получил наименование Корниловского, а 14 сентября – знамя, пожалованное в 1803 г. Черноморскому войску. К апрелю 1919 г. имел около 400 человек (200 сабель), на 5 октября 1919 г. – 334 сабли при 21 пулемете. Летом – осенью 1919 г. был придан 3-й Кубанской казачьей дивизии. В апреле 1920 г. капитулировал под Адлером. Вновь образован в Крыму из собравшихся там чинов полка 7 июля 1920 г. и вошел в состав 1-й Кубанской казачьей дивизии. На 27 октября 1920 г. имел 300 сабель, 16 пулеметов. Награжден серебряными трубами орд. Св. Николая Чудотворца. После эвакуации Крыма на о. Лемнос вошел в состав 3-го Сводно-Кубанского полка. Командиры: подполковник А. А. Корнилов, полковник Г. Я. Косинов (апрель – май 1918 г.), полковник В. Г. Науменко (27 июня – 12 августа 1918 г.), войсковой старшина Ермоленко (12 августа – 7 сентября 1918 г.), полковник Федоренко (7–17 сентября 1918 г.; убит), войсковой старшина (полковник) Н. Г. Бабиев (17 сентября 1918 г. – 26 января 1919 г.), есаул (в. ст.) Ф. И. Елисеев (февраль – 18 июня 1919 г.), полковник Головин (с 18 июня 1919 г.), в. ст. В. Безладный (апрель 1920 г.),

Черкесский полк⁶⁹,
Конная батарея.

Общая численность армии возросла до 6 тысяч бойцов. Вместе с тем почти удвоился наш обоз.

* * *

Атака Екатеринодара решена.

В двадцатых числах бригада генерала Богаевского после кровопролитного боя захватила Григорьевскую и Смоленскую. Эрдели с конницей пошел к Елисаветинской. 24-го перед рассветом генерал Марков должен был внезапным ударом овладеть Георгие-Афипской станицей и станцией, где был центр закубанских отрядов, гарнизон свыше 5 тысяч человек с артиллерией и бронепоездами и склад боевых припасов.

Неожиданным нападение не вышло: выступление почему-то сильно замешкалось, и, когда голова колонны была в расстоянии менее версты от станицы, как-то сразу рассвело. Большевики увидели перед собою на ровном открытом поле не успевшую развернуться компактную массу пехоты, артиллерии, конных и после минутного замешательства открыли по ней убийственный огонь, в котором принял участие и показавшийся за поворотом бронированный поезд. Корнилов со штабом в это время обгонял колонну и едва успел отъехать в сторону. Ружейной пулей ранило в ногу навывлет генерала Романовского, который, однако, остался с Корниловым. По всему полю заматались люди, орудия... По счастью, впереди по заливным лугам проходила высокая насыпь железной дороги, и Марков успел развернуть и скрыть за ней свои части.

В таком положении колонне Маркова пришлось простоять несколько часов. Впереди – окраина станицы, опоясанная протекавшей в совершенно отвесных берегах речкой Шелш с единственным через нее мостом.

Наступление замерло.

Корнилов послал приказание бригаде Богаевского ускорить движение от Смоленской в глубокий обход Георгие-Афипской с запада. Сам переехал на это направление.

Во второй половине дня корниловцы и партизаны, прорезав железную дорогу, вышли в тыл большевикам и после краткого горячего боя ворвались в станицу и на станцию. С востока вошел и Марков. Началось истребление метавшихся по всей станице остатков большевиков, не успевших прорваться к Екатеринодару. На станции, в числе прочей добычи, нашли и драгоценные для нас снаряды – до 700 штук.

Полки, как всегда, соперничали в доблести, не омраченной ревнивым чувством. Когда Корнилов благодарил командира Партизанского полка генерала Казановича⁷⁰ за взятие станицы, он ответил:

– Никак нет, Ваше Высокопревосходительство. Всем успехом мы обязаны Митрофану Осиповичу (подполковник Неженцев, командир Корниловского полка. – А. Д.) и его полку...

25 марта подтянулся обоз, и пополудни армия двинулась дальше на северо-запад, подорвав железнодорожный мост и выслав отряд для демонстрации против Екатеринодара. Шли

полковник Макеев (октябрь 1920 г.).

⁶⁹ Впоследствии – 1-й Черкесский конный полк. Сформирован в Добровольческой армии 1 марта 1918 г. в ауле Шенджий в составе Кубанского отряда как Черкесский конный полк. Состоял из кубанских черкесов, с января 1918 г. боровшихся с большевиками. Насчитывал 600 человек. После соединения с Добровольческой армией вошел в состав ее конной бригады. С 4 ноября 1918 г. именовался 1-й Черкесский конный полк. Входил в состав 1-й конной дивизии, с 7 декабря 1918 г. – Черкесской конной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 662 сабли. Командиры: полковник Султан-Келеч-Гирей (1 марта – 11 декабря 1918 г.), ротмистр К. К. Улагай (с 11 декабря 1918 г.).

⁷⁰ Воспоминания Б. И. Казановича публикуются ниже.

вначале вдоль полотна. Скоро, однако, приостановились: подъехал бронированный поезд и эшелон большевиков, с которым наш авангард вел бой до темноты. Колонна свернула в сторону и продолжала путь уже темной ночью. Опять без дорог, сбиваясь и путаясь среди сплошного моря воды, залившей луга и дороги, скрывшей канавы, ямы, обрывы, в которые проваливались люди и повозки. Ночь казалась такой бесконечно долгой и таким желанным – рассвет...

Пройдя 32 версты, колонна остановилась в ауле Панахес, откуда после небольшого отдыха 2-я бригада генерала Богаевского двинулась дальше, к Елисаветинской переправе, находившейся в десяти верстах и уже захваченной Эрдели.

* * *

К 27 марта на правом берегу Кубани была уже конница Эрдели и 2-я бригада Богаевского. Бригада Маркова прикрывала обоз.

Утром 28-го Богаевский двинулся на Екатеринодар. Партизанскому полку приказано было атаковать западную окраину города, Корниловскому – Черноморский вокзал (севернее города). Еще левее шла конница Эрдели в охват города с севера и северо-востока; она должна была преградить большевикам пути по Черноморской и Владикавказской железным дорогам и поднять казаков станицы Пашковской.

Корниловцы, не получив почему-то своевременно приказа, задержались, и Казанович – этот несравненный таран для лобовых ударов – атаковал ферму и прилегающие хутора один и после горячего боя взял их. Ненадолго – большевики подвели крупные резервы, при содействии сильного артиллерийского огня перешли в контратаку и вновь овладели фермой. Но слева подходили уже корниловцы, опрокидывая большевиков; кубанские пластуны полковника Улагая поддерживали партизан и вместе с ними снова ворвались на ферму, закрепив ее за нами окончательно. В этот день пало много храбрых; в числе других ранены генерал Казанович, полковник Улагай⁷¹, партизан есаул Лазарев...

Перед вечером получено было донесение, что войска правого крыла под начальством полковника Писарева⁷² (партизаны, пластуны и подошедший батальон Кубанского стрелкового полка) после жестокого боя овладели предместьем города с кожевенным заводом и идут дальше.

Утром 29-го нас разбудил треск неприятельских снарядов, в большом числе рвавшихся в районе фермы. В течение трех дней с тех пор батареи большевиков перекрестным огнем осыпали ферму и рощу. Расположение штаба становилось тем более рискованным, что ферма стояла у скрещения дорог – большой и береговой, по которым все время сновали люди и повозки, поддерживавшие сообщение с боевой линией. Но вблизи жилья не было, а Корнилов

⁷¹ Улагай Сергей Георгиевич, р. в 1875 г. Сын офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления генерала Корнилова. С конца 1917 г. командир отряда Кубанских войск, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 22 июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор. Затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 ноября 1919 г. в распоряжении командующего Добровольческой армией; в марте 1920 г. командующий Кубанской армией, с 5 июля 1920 г. командующий Группой войск особого назначения, в августе 1920 г. руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919 г.). В эмиграции в Югославии. В годы Второй мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

⁷² Писарев Петр Константинович, р. 30 декабря 1874 г. на Дону. Из дворян Области Войска Донского. Окончил Техническое училище, Новочеркасское военное училище (1898). Полковник, командир 42-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 1-го батальона Партизанского полка. Летом 1918 г. генерал-майор, осенью 1918 г. командир Алексеевского полка, с августа 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, затем начальник 6-й пехотной дивизии, в сентябре – октябре 1919 г. – Сводно-гренадерской дивизии, затем командир 1-го Сводного корпуса в Кавказской армии. В Русской Армии командующий Севастопольской крепостью, командир Сводно-казачьего корпуса, командир 3-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командир 1-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант. В эмиграции председатель Союза Первопоходников. Умер 22 декабря 1967 г. в Шелль (Франция).

не хотел отдаляться от войск. Романовский указал командующему на безрассудность подвергаться такой опасности, но, видимо, не очень настойчиво, больше по обязанности, так как и сам лично относился ко всякой опасности с полнейшим равнодушием.

И штаб остался на ферме.

За ночь, оказалось, боевая линия не продвинулась. Писарев дошел до ручья, отделявшего от предместья артиллерийские казармы, обнесенные кругом земляным валом, представлявшим прекрасное оборонительное сооружение, и дальше продвинуться не мог. Атаки повторены были и ночью, и под утро не оставившим строя раненым Казановичем, вызвали лишь тяжелые потери (ранен был и полковник Писарев), но успехом не увенчались. Казанович предпринимал более «солидную» артиллерийскую подготовку. На нашем языке это означало лишних 15–20 снарядов...

Неженцев оставался в прежнем положении, встретив упорное сопротивление и будучи не в силах преодолеть жестокий огонь противника. Корниловский полк, ослабленный сильно предшествовавшими боями, таял. В его ряды на пополнение влили две-три сотни мобилизованных кубанских казаков, по большей части не обученных, которые, попадая сразу в самое пекло оглушительного боя, терялись и нервничали. Неженцев страдал за полк, ставил на чашу весов последнюю гирию – свое моральное обаяние, и второй день уже безотлучно сидел возле цепей на кургане, вокруг которого неустанно сыпались пули и рвали в клочья человеческое тело вражеские гранаты.

Только у Эрдели дело шло, по-видимому, успешно: конница его заняла Сады (северное предместье Екатеринодара со сплошными садами. – А. Д.), пересекла железную дорогу и направилась к Пашковской.

Ввиду сосредоточения всей бригады Маркова решено было разобрать перемешанные части и вечером в 5 часов повторить атаку всем фронтом: Маркову – на артиллерийские казармы, Богаевскому – против Черноморского вокзала.

Батарея полковника Третьякова редким огнем подготавливает штурм казарм. Цепи наши лежат словно вросшие в землю; нельзя поднять головы, чтобы тотчас же не задела одна из тысяч летящих кругом пуль. В глубокой канаве – Марков с Тимановским, штабом (три человека) и командой разведчиков. Он ходит нервными шагами, нетерпеливо ждет начала атаки. Приказ отдан, но части медлят...

– Ну, видимо, без нас дело не обойдется.

Вскочил на насыпь и бросился к цепям.

– Друзья, в атаку, вперед!

Ожило поле, поднялись добровольцы, и все живое бросилось к смертоносному валу – храбрые и робкие, падая, подымаясь, оставляя за собою на взрыхленном снарядами поле, на камнях мостовой судорожно подергивавшиеся и мертвенно неподвижные тела...

Артиллерийские казармы взяты. Когда известие об этом дошло до левого фланга, Неженцев отдал приказ атаковать. Со своего кургана, на котором Бог хранил его целые сутки, он видел, как цепь поднималась и опять залегала. Связанный незримыми нитями с теми, что лежали внизу, он чувствовал, что наступил предел человеческому дерзанию и что пришла пора пустить в дело «последний резерв». Сошел с холма, перебежал в овраг и поднял цепи:

– Корниловцы, вперед!

Голос застрял в горле. Ударил в голову пуля. Он упал. Потом поднялся, сделал несколько шагов и повалился опять, убитый наповал второй пулей.

Не стало Митрофана Осиповича Неженцева!..

Потрясенные смертью командира, потеряв раненым помощника Неженцева, полковника Индейкина, и убитым командира Партизанского батальона, капитана Курочкина, перемешанные цепи корниловцев, партизан и елисаветинских казаков схлынули обратно в овраг и окопы.

А к роковому холму подходил последний батальон резерва (2-й батальон партизан, перешедший с правого фланга. – А. Д.), и генерал Казанович с рукой на перевязи, преодолевая боль перебитого плеча, повел его в атаку. Под бешеным огнем, увлекая за собой и елисаветинцев, он опрокинул передовые цепи большевиков и уже в темноте по пятам бежавших двинулся к городу.

К ночи в штабе армии положение фронта определялось следующим образом. Бригада Маркова закрепляется в районе артиллерийских казарм. С партизанами Казановича связь потеряна, и о судьбе их ничего не известно. Корниловский полк, весьма расстроенный, занимает прежние позиции. Конница Эрдели отходит к Садам.

Утром 30-го, ко всеобщему сожалению, мы узнали, что успех боя был уже почти обеспечен и только ряд роковых случайностей вырвал его из наших рук.

Шел четвертый день непрерывного боя. Противник проявлял упорство, доселе небывалое. Силы его везде, на всех участках боевой линии, разительно превышали наши. Какова их действительная численность, не знали ни мы, ни, вероятно, большевистское командование. Разведка штаба определяла в боевой линии до 18 тысяч бойцов при 2–3 бронепоездах, 2–4 гаубицах и 8–10 легких орудиях. Но отряды пополнялись, сменялись, прибывали новые со всех сторон. Позднее в екатеринодарских «Известиях» мы прочли, что защита Екатеринодара обошлась большевикам в 15 тысяч человек, в том числе 10 тысяч ранеными, которыми забиты были все лазареты, все санитарные поезда, непрерывно эвакуируемые на Тихорецкую и Кавказскую.

Как бы то ни было, ясно почувствовалось, что темп атаки сильно ослабел.

В этот день генерал Корнилов собрал военный совет впервые после Ольгинской, где решалось направление движения Добровольческой армии. Я думаю, что на этот шаг побудило его не столько желание выслушать мнение начальников относительно плана военных действий, который был им предreshен, сколько надежда вселить в них убеждение в необходимости решительного штурма Екатеринодара.

Собрались в тесной комнатке Корнилова генералы Алексеев, Романовский, Марков, Богаевский, я и Кубанский атаман полковник Филимонов. Во время беседы выяснилась печальная картина положения армии.

Противник во много раз превосходит нас силами и обладает неистощимыми запасами снарядов и патронов.

Наши войска понесли тяжелые потери, в особенности в командном составе. Части перемешаны и до крайности утомлены физически и морально четырехдневным боем. Офицерский полк еще сохранился, Кубанский стрелковый сильно потрепан, из Партизанского осталось не более 300 штыков, еще меньше в Корниловском (командиром его был назначен полковник Кутепов. – А. Д.). Замечается редкое для добровольцев явление – утечка из боевой линии в тыл. Казаки расходятся по своим станицам. Конница, по-видимому, ничего серьезного сделать не может.

Снарядов нет, патронов нет.

Число раненых в лазарете перевалило за полторы тысячи.

Настроение у всех членов совещания тяжелое. Опустили глаза. Один только Марков, склонив голову на плечо Романовского, заснул и тихо похрапывает. Кто-то толкнул его.

– Извините, ваше высокопревосходительство, разморило – двое суток не ложился...

Корнилов не старался внести успокоительную ноту в нарисованную картину общего положения и не возражал. За ночь он весь как-то осунулся, на лбу легла глубокая складка, придававшая его лицу суровое, страдальческое выражение. Глухим голосом, но резко и отчетливо он сказал:

– Положение действительно тяжелое, и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

Все генералы, кроме Алексеева, ответили отрицательно.

Мы чувствовали, что первый порыв прошел, что настал предел человеческих сил и об Екатеринодар мы разобьемся; неудача штурма вызовет катастрофу. Даже взятие Екатеринодара, вызвав новые большие потери, привело бы армию, еще сильную в поле, к полному распылению ее слабых частей для охраны и защиты большого города. И вместе с тем мы знали, что штурм все-таки состоится, что он решен бесповоротно.

Наступило тяжелое молчание. Его прервал Алексеев:

– Я полагаю, что лучше будет отложить штурм до послезавтра. За сутки войска несколько отдохнут, за ночь можно будет произвести перегруппировку на участке Корниловского полка, быть может, станичники подойдут еще на пополнение.

На мой взгляд, такое половинчатое решение, в сущности лишь прикрытое колебание, не сулило существенных выгод: сомнительный отдых в боевых цепях, трата последних патронов и возможность контратаки противника. Отдаляя решительный час, оно сглаживало лишь психологическую остроту данного момента. Корнилов сразу согласился:

– Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете первого апреля.

Участники совета разошлись сумрачные. Люди, близкие к Маркову, рассказывали потом, что, вернувшись в свой штаб, он сказал:

– Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем.

После совещания мы остались с Корниловым вдвоем.

– Лавр Георгиевич, почему вы так непреклонны в этом вопросе?

– Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

– Этого вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся.

– Вы выведете...

* * *

В этот день, как и в предыдущие, артиллерия противника долго громила ферму, берег и рошу. Вдоль берега по дороге сновали взад и вперед люди и повозки. Шли из екатеринодарского предместья раненые – группами и поодиночке. Я сидел на берегу и вступал в разговоры с ними. Осведомленность их обыкновенно невелика – в пределах своей роты, батальона, понятие об общем положении подчас фантастическое, но о настроении частей дают представление довольно определенное: есть усталость и сомнение, но нет уныния – значит, далеко еще не все потеряно. С левого фланга по большой дороге проходят люди более подавленные и более пессимистически определяют положение; они, кроме того, голодны и промерзли.

Неожиданная встреча: идет с беспомощно повисшей рукой – перебита кость – штабс-капитан Бетлинг⁷³. Спаситель «бердичевской группы генералов», начальник юнкерского кара-

⁷³ Имеется в виду Бетлинг Виктор Эдуардович, штабс-капитан 2-й Житомирской школы прапорщиков. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. После 1-го Кубанского похода он был командиром Особой офицерской роты при Ставке Главнокомандующего ВСЮР. Умер от тифа 22 февраля 1919 г.

ула в памятную ночь 27 августа. Притерпелось или пересиливает боль, но лицо веселое. Усадил его на скамейку, поговорили.

И этот храбрый офицер о штурме говорил в тот день как-то нерешительно:

– От красногвардейцев, когда идешь в атаку, просто в глазах рябит. Но это ничего. Если бы немного патронов, а главное – хоть немножко больше артиллерийского огня. Ведь казармы брали после какого-нибудь десятка гранат...

Как бы то ни было, там – в окопах, в оврагах екатеринодарских огородов, в артиллерийских казармах – люди живут своей жизнью, не отдают себе ясного отчета о грозности общего положения, страдают и слепо верят.

Верят в Корнилова.

А ведь вера творит чудеса!..

С раннего утра 31-го, как обычно, начался артиллерийский обстрел всего района фермы. Корнилова снова просили переместить штаб, но он ответил:

– Теперь уже не стоит, завтра штурм.

Перебросились с Корниловым несколькими незначительными фразами – я не чувствовал тогда, что они будут последними.

Я вышел к восточному краю усадьбы взглянуть на поле боя. Там тихо, в цепях не слышно огня, не заметно движения. Сел на берегу возле фермы. Весеннее солнце стало ярче и теплее, дышит паром земля, внизу под отвесным обрывом тихо и лениво течет Кубань. Через головы то и дело проносятся со свистом гранаты, бороздят гладь воды, вздымают столбы брызг, играющих разноцветными переливами на солнце, и отбрасывают от места падения в стороны широкие круги.

Подсели два-три офицера. Но разговор не вяжется, хочется побыть одному. В душе – тягостное чувство, навеянное вчерашней беседой с Корниловым. Нельзя допустить непоправимого... Завтра мы с Романовским, которому я передал разговор с командующим, будем неотступно возле него...

Был восьмой час. Глухой удар в роще: разметались кони, зашевелились люди. Другой совсем рядом – сухой и резкий...

Прошло несколько минут.

– Ваше превосходительство! Генерал Корнилов...

Предо мной стоит адъютант командующего подпоручик Долинский⁷⁴ с перекошенным лицом и от сдавившей горло судороги не может произнести больше ни слова.

Не нужно. Все понятно.

Генерал Корнилов был один в своей комнате, когда неприятельская граната пробила стену возле окна и ударилась об пол под столом, за которым он сидел. Силой взрыва его подбросило, по-видимому, кверху и ударило об печку. В момент разрыва гранаты в дверях появился Долинский, которого отшвырнуло в сторону. Когда затем Казанович и Долинский вошли первыми в комнату, она была наполнена дымом, а на полу лежал генерал Корнилов, покрытый обломками штукатурки и пылью. Он еще дышал... Кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого правого бедра.

Долинский не закончил еще своей фразы, как к обрыву подошел Романовский и несколько офицеров, принесли носилки и поставили возле меня. Он лежал на них беспомощно и недвижимо с закрытыми глазами, с лицом, на котором как будто застыло выражение последних тяжелых дум и последней боли. Я наклонился к нему. Дыхание становилось все тише, тише и угасло.

⁷⁴ Долинский Виктор Иванович. Поручик, адъютант генерала Л. Г. Корнилова до августа 1917 г. и в 1-м Кубанском походе. Затем в Сибири, адъютант атамана Семенова. В эмиграции в США. Умер 27 декабря 1967 г. во Флориде (по другим сведениям, в Медине, Пенсильвания).

Сдерживая рыдание, я приник к холодеющей руке почившего вождя.

Рок – неумолимый и беспощадный. Щадил долго жизнь человека, глядевшего сотни раз в глаза смерти. Поразил его и душу армии в часы ее наибольшего томления.

Неприятельская граната попала в дом только одна, только в комнату Корнилова, когда он был в ней, и убила только его одного. Мистический покров предвечной тайны покрыл пути и свершения неведомой воли.

Вначале смерть Главнокомандующего хотели скрыть от армии до вечера. Напрасные старания: весть разнеслась словно по внушению. Казалось, что самый воздух напоен чем-то жутким и тревожным и что там, в окопах, еще не знают, но уже чувствуют, что свершилось роковое.

Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собою шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Ползли слухи, один другого тревожнее, о новых большевистских силах, окружающих армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели.

– Конец всему!

В этой фразе, которая срывалась с уст не только малодушных, но и многих твердых людей, соединились все разнородные чувства и побуждения их: беспредельная горечь потери, сожаление о погибшем, казалось, деле и у иных – животный страх за свою собственную жизнь.

Корабль как будто шел ко дну, и в моральных низах армии уже злоеющим шепотом говорили о том, как его покинуть.

Было или казалось только, но многие верили, что враг знал уже о роковом событии. Чудилось им за боевой линией какое-то необычайное оживление, а в атаках и передвижениях большевиков видели подтверждение своих догадок. Словно таинственные флюиды перенесли дыхание нашей скорби в окопы врагов, вызвав в них злорадство и смелость.

* * *

«В тот же день 2 апреля, – говорится в описании «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков»⁷⁵, – Добровольческая армия оставила колонию Гначбау, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики в предшестве разъездов Темрюкского полка. Большевики первым делом бросились искать якобы «зарытые кадетами кассы и драгоценности». При этих розысках они натолкнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны, и тут же большевики, увидев на одном из трупов погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Общей уверенности не могла поколебать оставшаяся в Гначбау по нездоровью сестра милосердия Добровольческой армии, которая, по предъявлении ей большевиками трупа для опознания, хотя и признала в нем генерала Корнилова, но стала уверять, что это не он. Труп полковника Неженцева был обратно зарыт в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринбург.

В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на Соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами – ругали генерала Корнилова. Отдельные увещания из толпы не

⁷⁵ Речь идет об Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России, которая была образована 4 апреля 1919 г. Комиссия руководствовалась Уставом уголовного судопроизводства 1914 года и имела право вызывать и допрашивать потерпевших и свидетелей, производить осмотры, обыски, выемки освидетельствования и другие следственные действия, а протоколы, составленные комиссией, имели силу следственных актов. Дела комиссии публиковались отдельными выпусками. Несколько десятков их было переиздано в книге: Красный террор в годы Гражданской войны (по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков). Ред. – составитель Ю. Г. Фельштинский. Лондон, 1992.

тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогли – настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель. Один из представителей советской власти Золотарев появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез тело Корнилова. Но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а темрюкцами. Появились фотографы; с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая раздиралась на части и обрывки разбрасывались кругом. Несколько человек оказались на дереве и стали поднимать труп. Но веревка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела...

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские бойни, где, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти, прибывших на это зрелище на автомобилях...

В один день не удалось закончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растаптывали ногами и потом опять жгли...

Через несколько дней после расправы с трупом по городу двигалась какая-то шутовская ряженная процессия, ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать «похороны Корнилова». Останавливаясь у подъездов, ряженные звонили и требовали денег «на помин души Корнилова».

* * *

Жизнь шла своим чередом, не позволяла предаваться унынию и от горестных мыслей о тяжелой утрате возвращала к суровой действительности.

В тот момент, когда от берега Кубани понесли носилки с прахом командующего, его начальник штаба обратился ко мне:

- Вы примете командование армией?
- Да.

Не было ни минуты колебания. Официально по званию «помощника командующего армией» мне надлежало заменить убитого. Морально я не имел права уклониться от тяжелой ноши, выпавшей на мою долю в ту минуту, когда армии грозила гибель. Но только временно – здесь, на поле боя...

Поэтому, когда мне дали на подпись краткое сообщение о событии, адресованное в Елисаветинскую генералу Алексееву, с приглашением прибыть на ферму, я придал записке форму рапорта, предпослав фразу: «Доношу, что...» Этим я признавал за Алексеевым естественное право его на возглавление организации и, следовательно, на назначение постоянного заместителя павшему командующему.

Штаб перешел в конец рощи, где расположился на перекрестке дорог, под открытым небом, в ожидании генерала Алексеева и Кубанского атамана полковника Филимонова.

Приехал Алексеев и обратился ко мне:

- Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите вам Бог!
- Мы обменялись крепким рукопожатием.

Вместе с Романовским Алексеев обсуждал проект приказа, причем оба остановились в нерешительности на одной технической детали: неписаная конституция добровольческой власти не знала иного определения ее, как термином «командующий армией». От чьего же имени

отдавать приказ, как официально определить положение Алексева? Романовский разрешил вопрос просто:

– Подпишите «генерал от инфантерии»... и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексейев.

Приказ гласил:

«§ 1

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 ч. 30 м. 31 сего марта убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову, нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

§ 2

В командование армией вступить генералу Деникину».

* * *

В темную ночь армия уходила от Екатеринодара в неизвестное.

На походе я узнал, что из станицы Елисаветинской не удалось вывезти всех раненых. Начальник обоза доложил, что окрестности были уже заняты противником, перевозочных средств одной Елисаветинской не хватало, и пришлось оставить в ней 64 тяжело раненных⁷⁶ из числа безнадежных и тех, которые, безусловно, не в состоянии были бы вынести предстоящие форсированные марши. С ранеными оставлены врач, сестра и денежные средства.

2 апреля нам предстояло прорваться через линию Черноморской железной дороги – я наметил для этого станцию Медведовскую. Обозы были готовы с утра, и выступление предположено с таким расчетом, чтобы подойти к железной дороге в темноте. Но около полудня неожиданно со стороны Ново-Величковской обнаружилось наступление крупного отряда большевиков, и скоро колония с ее скученным добровольческим населением подверглась жестокому обстрелу десятка орудий; в то же время большевистская пехота начала охватывать нас с востока, стремясь запереть в излучине реки.

При таких условиях о скрытности движения и перехода через железную дорогу не могло быть и речи. И я решился на крайнее средство – отсидеться в Гначбау до темноты, с тем чтобы под покровом ночи скрыть свой марш и от гначбауского, и от медведовского противника. Обоз

⁷⁶ По свидетельству очевидца – одного из оставленных – В. Иванова (чьи воспоминания публикуются ниже), их было значительно больше.

приказал сократить до минимума: изъять все лишние войсковые повозки, бросить лишние орудия, унеся затворы, испортив лафеты, так как для оставшихся 30 снарядов достаточно было и четырех орудий; беженцам оставить по повозке на 6 человек, остальные порубить. В голову обоза поставить лазарет.

Части 2-й бригады выдвинулись за окраину, залегли и приостановили наступление противника. Но артиллерийский обстрел колонии продолжался с исключительной силой.

Этот день останется в памяти первопоходников навсегда. В первый раз за три войны мне пришлось увидеть панику. Когда люди, прижатые к реке и потерявшие надежду на спасение, теряли всякий критерий реальной обстановки и находились во власти самых нелепых, самых фантастических слухов. Когда обнажались худшие инстинкты, эгоизм, недоверие и подозрительность друг к другу, к начальству, одной части к другой. Главным образом в многочисленном населении обоза. В войсковых частях было лучше, но и там создалось очень нервное настроение. Вероятно, среди малодушного элемента шли разные разговоры, потому что в продолжении пяти-шести часов в штаб приходили вести одна другой тревожнее. Получаю, например, донесение, что один из полка конницы решил отделиться от армии и прорываться отдельно... Что организуется много конных партий, предполагающих распылиться... Входит бледный ротмистр Шапрон⁷⁷, адъютант Алексеева, и трагическим шепотом докладывает, что в двух полках решили спастись ценою выдачи большевикам старших начальников и добровольческой казны... Предусмотрено какое-то участие в этом деле Баткина... Что сводный офицерский эскадрон прибыл добровольно для охраны генерала Алексеева. От всякой охраны лично я отказался, но много позднее узнал, что тревожные слухи дошли до штаба 1-й бригады и полковник Тимановский (начальник штаба у Маркова. – А. Д.) придвинул незаметно к штабу армии «на всякий случай» офицерскую часть.

Люди теряли самообладание, и надо было спасать их помимо их собственной воли. Мы с Иваном Павловичем, который сохранял, как всегда, невозмутимое спокойствие, успокаивали волнующихся, спорили с сановными беженцами, добивавшимися права следовать чуть ли не с авангардом, и ждали с нетерпением наступления все примиряющих сумерек. Часовая стрелка в этот день, как всегда в таких случаях, передвигалась с необычайной медленностью...

Перед самым закатом приказал начать движение колонны на север, по Старо-Величковской дороге. Движение замечено было противником, и лошину, где проходит дорога, большевики начали обстреливать ураганным огнем. Но уже спускалась ночь, огонь стал беспорядочнее, голова колонны круто свернула вправо и пошла на северо-восток по дороге на Медведовскую.

Вырвались!

* * *

Еще во время остановки в Ильинской пришли хорошие вести с двух сторон.

Из кубанской станицы Прочноокопской – наиболее твердой и всегда враждебно относившейся к большевизму – явились посланцы с просьбой идти к ним, в Лабинский отдел. Они рассказывали, что, невзирая на неудачу, постигшую недавно восставших, вся тайная организация, охватывающая Лабинский, Баталпашинский, частью Майкопский и Кавказский отделы, сохранилась, что оружие спрятано, закопано в землю, что, наконец, сделаны все приготовления

⁷⁷ Шапрон дю Ларрэ Алексей Генрихович, р. в 1883 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Штабс-ротмистр л. – гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с 2 ноября 1917 г., адъютант генерала М. В. Алексеева до сентября 1918 г., затем – адъютант генерала Деникина. С 30 декабря 1918 г. начальник политической части, член Главного комитета общества Белого Креста. 17 июля – 23 ноября 1919 г. командир 2-го конного полка, с января 1920 г. генерал-майор, генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР. Был женат на дочери Л. Г. Корнилова. 22 марта 1920 г. выехал в Константинополь. В эмиграции в Бельгии. Умер 10 июня 1947 г. в Брюсселе.

ния к захвату города Армавира, где имеются в изобилии в большевистских складах оружие и боевые припасы.

В то же время до нас доносились настойчивые слухи с Дона, что казачество там встало поголовно и что даже столица донская – Новочеркасск – в руках восставших.

Армия воспрянула духом окончательно.

Обозные стратеги волновались больше всех, роптали на долгую остановку и рвались дальше – к полуоткрывшимся окнам, в которых вдруг мелькнул свет. Но военно-политическая обстановка оставалась для штаба все еще далеко не ясной. Нужно было убедиться в серьезности всех этих сведений, чтобы решить, куда идти. От этого зависела дальнейшая судьба армии.

С этой целью на Дон, в станицу Егорлыцкую, был послан с разъездом полковник Генерального штаба Барцевич⁷⁸. Одновременно, по просьбе Кубанского правительства и генерала Покровского, в его распоряжение предоставлен был отряд в составе до четырех кубанских и черкесских сотен, который должен был составить ядро восставших лабинцев. Отряд стал сосредоточиваться к югу, в станице Расшеватской, в ожидании решения общего плана операции.

Барцевич выехал из Ильинской, в несколько дней сделал лихой пробег в 200 верст (туда и обратно) и вернулся в Успенскую с сотней донских казаков в восторженном настроении.

– Дон восстал. Задонские станицы ополчились поголовно, свергли советскую власть, восстановили командование и дисциплину и ведут отчаянную борьбу с большевиками. Бьют челом Добровольческой армии, просят забыть старое и поскорее прийти на помощь.

⁷⁸ Барцевич Владимир Петрович. Из потомственных почетных граждан. Окончил академию Генштаба (1913). Подполковник. В Добровольческой армии с 19 января 1918 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник отдела формирований штаба армии; с декабря 1919 г. полковник, начальник штаба 4-й конной дивизии Донской армии; в Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции входил в состав ближайшего окружения генерала Врангеля. Убит в 1922 г.

И. Какурин⁷⁹

Первый кубанский генерала Корнилова поход⁸⁰

Дон переживал новую драму в своей истории. В Новочеркасске остались Донской атаман генерал Назаров, правительство и войсковой Круг. Большевики, оккупировав территорию донских казаков и заняв 12 февраля Новочеркасск, умертвили независимость Дона и задушили его свободу. Этот всегда спокойный и патриархальный город захлестнула кровавая волна произвола и красного террора. Атаман генерал Назаров и до 600 донских офицеров были расстреляны, члены Круга посажены в тюрьмы, на Новочеркасск была наложена контрибуция в 5 миллионов рублей. Часть золотого запаса Государственного казначейства осталась в городе и досталась красным. В Ростове также шел красный террор и массовые расстрелы офицеров...

Пустынны и мрачны были ростовские неосвященные улицы. Вдали, на Темернике и в районе вокзала, слышны были выстрелы. Колонна двигалась на Нахичевань и дальше, на станцию Аксайскую. В арьергарде шел Первый офицерский батальон. По выходе из Нахичевани дорога стала тяжелой: местами снежные заносы преграждали путь. Этот первый переход в 25 верст для большинства юношей был чрезмерно тяжел; многие из них вышли в поход прямо из караулов, после бессонной 24-часовой службы; другие, утомленные физически, не имели возможности подкрепить свои силы перед выступлением, короче говоря, были очень голодны. Дул холодный ветер, снег скользил под ногами, тяжелая сумка и винтовка оттягивали плечи, патронташи давили грудь и не давали свободно вздохнуть, а идти нужно было быстро, не отставая от своих. После 4-часового марша люди устали, продрогли и проголодались.

10 февраля рано утром началась переправа частей через Дон, на котором лед уже местами начал таять и трещал. Генерал Корнилов со своим конвоем, верхом, переехал Дон и, оставившись на другом берегу, пропускал проходившие части, здороваясь с ними. Проходит пехота: офицерские батальоны, Корниловский полк, Юнкерский и Студенческий батальоны, донские партизанские отряды полковника Краснянского, есаула Лазарева, чернецовцы капитана Курочкина. Самых юных солдат армии генерал благодарит за их первый такой для них тяжелый ночной переход. Орудия снимаются с передков и перекатываются руками, лошади переводятся отдельно, снаряды перевозятся на подводах. С высокого берега от Аксайской в это ясное, слегка морозное утро далеко видна бескрайняя белая степь, по которой ползет бесконечная черная лента людей и повозок. Дон остался позади. На душе стало спокойнее. После полудня вся армия сосредоточилась в станице Ольгинской, расположившись на широких квартирах. Красные не преследовали армию, лишь два их аэроплана пролетели над колонной на большой высоте и сбросили несколько бомб, разорвавшихся в стороне от дороги. Сторожевое охранение было выставлено во все стороны, а в станицу Хомутовскую выслан сильный конный разъезд.

11 февраля красные со стороны Нахичевани дали несколько орудийных выстрелов, да их небольшая конная часть атаковала партизанский отряд сотника Грекова, но была им отбита с потерей для отряда одного убитого и трех раненых. В станице Ольгинской армия оставалась четыре дня.

⁷⁹ Какурин Иван Иванович р. в 1896 г. Из казаков ст. Казанской Области Войска Донского. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1917). Хорунжий. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Затем в Донской армии; с 1918 г. сотник л. – гв. Казачьего полка. Ранен 22 февраля и в июле 1919 г.; 1920 г. подесаул, старший офицер пулеметной команды л. – гв. Казачьего полка. Есаул (3 сентября 1920 г.). В эмиграции служил в Русском Корпусе. С начала 1950-х гг. в США. Умер 19 ноября 1975 г. в Нью-Йорке или в Бэльторе (США).

⁸⁰ Приводится по книге: Иван Какурин. Первый Кубанский Генерала Корнилова поход. 9 февраля 1918 г. – 9 февраля 1968 г. Издание Музея л. – гв. Казачьего Его Величества полка. Париж, 1967. Исключены эпизоды, заимствованные автором из других источников, публикуемых в настоящем издании.

Всего в армии было бойцов до 4000, из коих 1200–1300 донцов, влившихся после оставления Новочеркасска мощной группой в Добровольческую армию, пополнив последнюю в станице Ольгинский и в станице Кагальницкой на треть боевого ее состава. А с двумястами ранеными и небоевым элементом – около 4500 человек, 8 орудий, 700 снарядов и десятка два пулеметов.

В отношении Партизанского полка нужно сказать еще следующее: 3 февраля 1918 года в Ростов, в штаб Добровольческой армии, выехали из Новочеркасска три офицера лейб-казака: есаул Я. Рыковский⁸¹ и подьесаулы Н. Плеве⁸² и Ф. Рыковский⁸³. Они зачислены были в донской партизанский отряд полковника Краснянского, численностью в 120 штыков, состоявший на три четверти из донских офицеров и на четверть – из юнкеров, кадет и гимназистов и разделенный на два взвода. Есаул Я. Рыковский был назначен командиром 1-го взвода, а подьесаул Плеве – его помощником. Подьесаул Ф. Рыковский, как прибывший с лошастью, был зачислен ординарцем отряда, причем вторым конным ординарцем был корнет А. Жеребков⁸⁴, внук коренного лейб-казака и сам впоследствии офицер полка. 9 февраля из Ростова, в составе Добровольческой армии, выступило четыре донских партизанских отряда, носившие названия по фамилиям их начальников: отряды Краснянского, Лазарева, Грекова и Чернецова⁸⁵. Последнего уже не было в живых, но отряд сохранил имя своего доблестного начальника. Командиром Чернецовского отряда был сподвижник Чернецова капитан Курочкин. В станице Ольгинской эти отряды были сведены в Партизанский полк, численностью в 600 штыков, под командой генерала Богаевского. Отряды стали именоваться сотнями, сохранив свои названия: 1-я сотня Краснянского, 2-я – Лазарева, 3-я – Чернецова. Отряд сотника Грекова сохранился и далее как отдельная единица, но вскоре он был расформирован и влит в воинские соединения армии.

13 февраля группа лейб-казаков, пришедших с подступов Новочеркасска в Ольгинскую, а именно: подьесаул С. Краснов⁸⁶, хорунжие Н. Ляхов⁸⁷, братья С.⁸⁸ и Г.⁸⁹ Чекуновы, подхо-

⁸¹ Рыковский Яков Федорович. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Усть-Белокалитвенской. Есаул л. – гв. Казачьего полка. Донской партизан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, затем командир взвода гвардейской сотни в 1-м офицерском конном полку. Убит 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

⁸² Плеве Николай Павлович. Из дворян, сын офицера. Подьесаул л. – гв. Казачьего полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, затем в 1-м офицерском конном полку. Убит 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

⁸³ Рыковский Федор Федорович, брат Я. Ф. Рыковского, р. в 1896 г. Офицер с 1914 г. Подьесаул л. – гв. Казачьего полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, в 1-м офицерском конном полку. После похода до сентября 1918 г. командир сотни в своем (л. – гв. Казачьем) полку Донской армии, есаул. Ранен в 1919 г., в 1920 г. командир конвойной сотни штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос: начальник хозяйственной части л. – гв. Казачьего полка. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Полковник.

⁸⁴ Жеребков Алексей Михайлович, р. в 1897 г. в Санкт-Петербурге. Корнет. В январе 1918 г. в войсках атамана Каледина. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Сотник, с апреля 1919 г. подьесаул л. – гв. Казачьего полка, адъютант Донского атамана. Ранен в сентябре 1920 г. Есаул (с сентября 1920 г.). В эмиграции во Франции. Покончил самоубийством 15 сентября 1932 г. в Ницце (Франция).

⁸⁵ Чернецов Василий Михайлович, р. в 1880 г. Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской Области Войска Донского. Окончил Каменское реальное училище (1907), Новочеркасское казачье юнкерское училище (1909). Есаул, командир сводной казачьей партизанской сотни при 4-й Донской казачьей дивизии, комендант Макеевских рудников. В ноябре 1917 г. организатор и командир партизанского отряда своего имени. С января 1918 г. полковник. Захвачен в плен и убит 30 января 1918 г. под Глубокой.

⁸⁶ Краснов Семен Николаевич, р. в 1893 г. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Урюпинской (племянник Донского атамана Петра Николаевича Краснова). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1913). Подьесаул л. – гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане, в феврале 1918 г. начальник пулеметной команды бронепоезда. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, затем командир 1-й сотни в своем (л. – гв. Казачьем) полку Донской армии; с 1918 г. есаул, затем войсковой старшина, с 28 октября 1920 г. полковник. Был на о. Лемнос. В годы Второй мировой войны – в антисоветских казачьих формированиях. Генерал-майор. Выдан в 1945 г. в Лиепю и казнен 19 января 1947 г. в Москве.

⁸⁷ Ляхов Николай Дмитриевич, р. в 1897 г. Из казаков ст. Раздорской Области Войска Донского. Окончил 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1917 г.). Хорунжий л. – гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. Ранен 31 марта 1918 г. После похода – в своем (л. – гв. Казачьем) полку Донской армии; с 1918 г. сотник, с 1920 г. подьесаул. В

рунжий Г. Мигулин⁹⁰ и казак Харламов, присоединились к однополчанам, состоявшим уже в Добровольческой армии. Подъесаул С. Краснов, привезший с собою пулемет, был назначен командиром пулеметного взвода и был подчинен командиру 1-го взвода есаулу Я. Рыковскому. Номерами при пулемете состояли хорунжие Н. Ляхов и братья С. и Г. Чекуновы, подхорунжий Мигулин и казак Харламов. От прибывших добровольцев узнали об обстановке в Новочеркасске и выступлении двухтысячного отряда донцов походного атамана генерал Попова, двинувшегося в Сальский округ. Кроме вышеупомянутых лейб-казаков, в состав Партизанского полка вошли следующие офицеры Войска Донского, впоследствии офицеры лейб-гвардии Казачьего полка: хорунжие И. Какурин, И. Усачев⁹¹ и Л. Упорников⁹²; прапорщики О. Балабин⁹³, К. Солтысов⁹⁴ и В. Скалозубов⁹⁵. Получилась уже внушительная лейб-казацкая группа в 16 бойцов, принявшая активное участие в походе генерала Корнилова.

При Партизанском полку был очень хороший перевязочный отряд, включенный в состав полка вместе с отрядом Чернецова, при котором он был сформирован. Этот отряд давал возможность возить своих раненых при полку. Ни один из раненых в походе партизан не был оставлен на милость красным в Елизаветинской, Гначбау и Дядьковской. Здесь будет уместно упомянуть, что в первом Кубанском походе приняла участие в качестве сестры милосердия сестра лейб-казаков братьев Рыковских, Ольга Федоровна⁹⁶, впоследствии супруга лейб-казака полковника К. Р. Поздеева⁹⁷.

эмиграции адъютант Главнокомандующего генерала Врангеля. Есаул. Умер 30 апреля 1962 г. в Англии.

⁸⁸ Чекунов Сергей Акимович (1-й). Из казаков ст. Раздорской Области Войска Донского. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1917). Хорунжий л. – гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода – в своем (л. – гв. Казачьем) полку Донской армии; с 1918 г. сотник. Ранен в мае и сентябре 1919 г., эвакуирован за границу, с 1920 г. исключен из списков полка.

⁸⁹ Чекунов Григорий Акимович (2-й), брат С. А. Чекунова, р. в 1898 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1917). Хорунжий л. – гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода – в своем (л. – гв. Казачьем) полку Донской армии; с 1918 г. сотник. Ранен в мае и декабре 1919 г. Подъесаул. Эвакуирован за границу.

⁹⁰ Мигулин Григорий Петрович, р. в 1888 г. Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской Области Войска Донского. Подхорунжий л. – гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода – в 1-й сотне своего (л. – гв. Казачьего) полка Донской армии. С 1920 г. хорунжий в том же полку. Ранен в августе и октябре 1920 г. Сотник (с 3 сентября 1920 г.). Умер 9 августа 1992 г. в Рио-де-Жанейро (Бразилия).

⁹¹ Усачев Иван Куприянович. Офицер с 1917 г. Хорунжий Донского казачьего войска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода – в л. – гв. Казачьем полку Донской армии. Сотник (с 1918 г.). Убит 11 августа 1919 г. у д. Морозовки.

⁹² Упорников Лев Алексеевич, р. в 1898 г. Хорунжий Донского казачьего войска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода – в сотне конвоя Донского атамана, с 1920 г. в 3-й сотне л. – гв. Казачьего полка. Ранен в августе 1920 г. С 27 апреля 1920 г. сотник, с 14 августа 1920 г. подъесаул. Был на о. Лемнос. Умер 14 сентября 1979 г. в Марбурге (Германия).

⁹³ Балабин Олег Александрович, р. в 1899 г. в Новочеркасске. Сын офицера ВВД. Окончил Тифлисское военное училище (1917 г.). Прапорщик Донского казачьего войска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода – в партизанском отряде полковника Мамонтова, с конца 1918 г. – хорунжий в л. – гв. Казачьем полку. Ранен 22 февраля 1919 г. Есаул. Дважды тяжело ранен, инвалид. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Капитан югославской армии, затем в Австралии, атаман казачьей станицы в Мельбурне. Умер 23 августа 1963 г. в Мельбурне.

⁹⁴ Солтысов Константин Константинович. Прапорщик Донского казачьего войска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода – сотник л. – гв. Казачьего полка в Донской армии. Умер после ранения 19 марта 1919 г. у хут. Семимаячного.

⁹⁵ Скалозубов Вячеслав Николаевич. Прапорщик Донского казачьего войска. Чернецовец. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, затем в 1-м конном полку. После похода – хорунжий л. – гв. Казачьего полка в Донской армии.

⁹⁶ Она скончалась в 1984 г. в Париже.

⁹⁷ Поздеев Константин Ростиславович, р. 22 октября 1887 г. Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус (1905), Михайловское артиллерийское училище (1908). Есаул л. – гв. Казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с 1 апреля 1918 г. – участник освобождения Новочеркасска, затем помощник командира в своем полку, с 10 мая 1918 г. войсковой старшина, с 5 марта 1920 г. командир л. – гв. Казачьего полка. Ранен в августе и

12 февраля на втором заседании военного совета генерал Корнилов решил двигаться на Кубань, на Екатеринодар. В тот же день утром из Новочеркасска выступила на станицу Богаевскую Баклановская конная сотня, численностью в 50 шашек, под командой есаула Власова. В состав этой сотни вошел и автор этого очерка, впоследствии переведенный в команду офицеров-ординарцев при штабе генерала Богаевского.

13 февраля в Ольгинскую к генералу Корнилову прибыл в сопровождении своего начальника штаба походный атаман генерал Попов. Генерал Корнилов предложил ему присоединиться к Добровольческой армии, но генерал Попов отказался, мотивировав отказ настроем своего отряда, не желавшего покидать Дон, в чаянии в его степях выждать пробуждение донского казачества.

14 февраля утром подъем и выступление в дальнейший путь. Тяжело идти по густой, липкой черноземной грязи, особенно авангарду. К вечеру, пройдя 20 верст, армия втянулась в станицу Хомутовскую, куда уже раньше были высланы квартиреры, и расположилась на ночлег.

15 февраля в прежнем порядке, по такой же тяжелой дороге, пройдя 20 верст, армия пришла вечером в станицу Кагальницкую, где и расположилась на ночлег, выставив охранение.

16 февраля во время дневки в конный дивизион полковника Глазенапа влились: донская сотня имени генерала Бакланова, под командой есаула Власова, и сотня есаула Бокова и несколько добровольцев донских казаков. После этого пополнения в дивизионе полковника Глазенапа насчитывалось около 300 шашек. В Кагальницкой армия простояла два дня, не тревожимая противником.

17 февраля армия совершила переход в 27 верст по вязкой грязи в станицу Мечетинскую. Конный дивизион полковника Глазенапа оставлен на сутки в станице Кагальницкой.

18 февраля – дневка в станице Мечетинской.

19 февраля – переход в 26 верст в последнюю донскую станицу Егорлыцкую. Конный дивизион полковника Глазенапа между Мечетинской и Егорлыцкой устроил засаду большому красному отряду, шедшему по пятам армии, и нанес ему такие тяжелые потери, что отряд красной гвардии в расстройстве повернул назад.

20 февраля – дневка. Принято окончательное решение двигаться на Кубань. Отряд походного атамана генерала Попова в это время подходил к станице Великокняжеской. За минувшие дни потеплело и дороги подсохли, что весьма радовало добровольцев.

21 февраля утром Добровольческая армия выступила из Егорлыцкой на село Лежанка Ставропольской губернии, находящееся в 22 верстах южнее. В авангарде шел Офицерский полк с батареями. Противник, увидев идущую в воде цепь, открыл по ней огонь. Генерал Марков с одной из рот атакует мост. Красные не выдерживают атаки и стремительно бегут в село, преследуемые нашим огнем. В этом бою ярко сказался недостаток у нас конницы: ни хорошей разведки, ни энергичного преследования противника не было. И в других боях мы это чувствовали.

В этот день генерал Корнилов выслал к походному атаману генералу Попову офицерский разъезд из офицеров 6-го Донского казачьего полка в 15 шашек под командой подполковника Ряснянского⁹⁸ с новым предложением о соединении с Добровольческой армией. Подполковник Ряснянский настиг отряд походного атамана в станице Великокняжеской и поручение передал, но генерал Попов вновь категорически отказался покинуть Донскую область.

октябре 1919 г., августе и октябре 1920 г. Генерал-майор (с 4 октября 1920 г.). В эмиграции заместитель (на декабрь 1924 г.) и затем председатель полкового объединения, представитель Донского атамана при РОВС, на ноябрь 1951 г. помощник председателя объединения л. – гв. Казачьего полка и представитель в Гвардейском объединении от 3-й гвардейской кавалерийской дивизии, член правления Союза Георгиевских кавалеров. На декабрь 1963 г. председатель Гвардейского объединения. Умер 2 января 1981 г. в Курбева (погребен в Сент-Женевьев-де-Буа).

⁹⁸ Воспоминания С. Н. Ряснянского публикуются ниже.

22 февраля армия отдыхала в селе Лежанка, наполовину оставленном жителями. Убитые офицеры с воинскими почестями были погребены на местном кладбище. Генералы Алексеев и Корнилов проводили их до места вечного упокоения.

23 февраля утром армия выступила из Лежанки на станицу Плосскую Кубанской области. Конный дивизион полковника Глазенапа несколько раньше был выслан в направлении на селение Белая Глина Ставропольской губернии для отвлечения внимания противника от истинного направления движения главных сил. В арьергарде шел Офицерский полк с батареей. Установилась теплая погода, дорога была сухая и идти было легко. Совершив 20-верстный переход, армия остановилась на ночлег в первой кубанской станице Плосской, разместившись там по квартирам. Сразу же всех поразила резкая противоположность тому, что было в Лежанке: станица не была оставлена жителями и казаки встретили добровольцев приветливо и радушно.

24 февраля армия двинулась дальше в западном направлении, имея в арьергарде Офицерский полк с батареей. Сделав в хуторе Ново-Ивановском двухчасовой привал, армия перешла на ночлег в станицу Незамаевскую, пройдя за день 26 верст. В Незамаевской отношение к добровольцам было радужное. Эта станица первой из кубанских станиц дала армии пополнение – две сотни добровольцев, одну пешую и одну конную. Генералы Алексеев и Корнилов почти в каждой станице держали речи на станичных сборах.

25 февраля в 6 часов утра армия выступила из станицы Незамаевской на станицу Веселую. В арьергарде шел Чехословацкий батальон. Неожиданно на него наскочило два эскадрона красной конницы, но батальон не растерялся, развернулся против неприятеля, а один из пулеметчиков своим метким огнем нанес большие потери красным и они быстро повернули обратно. Пройдя всего лишь 15 верст, армия остановилась в станице Веселой и расположилась по квартирам. Около 10 часов вечера армия двинулась дальше, имея в авангарде Офицерский полк, Юнкерский батальон, Техническую роту и батарею, под общим начальством генерала Маркова.

Предстояло ночью перейти линию Владикавказской железной дороги между важными железнодорожными узлами Тихорецкая и Сосыка. Обе станции были заняты крупными отрядами красных, между ними – курсантами бронепоезда, а на станциях стояли эшелоны, готовые к переброске в угрожаемый пункт. Поэтому нужно было перейти железную дорогу ночью и как можно скорее. Перед выступлением все были предупреждены о цели движения; запрещены разговоры, курение; приняты всевозможные меры предосторожности. Чтобы ввести противника в заблуждение, колонна двигалась сначала на запад, на станицу Павловскую, но, пройдя верст десять, у хутора Упорный авангард круто свернул на юг. Наш обоз в темноте случайно оторвался от общей колонны, подошел почти на 3 версты к станице Павловской, занятой противником, и только счастливая случайность спасла его от гибели. В полной тишине шли всю ночь. Руки немели от винтовок, ноги наливались тяжестью, глаза слипались, одолевал сон, но шли и шли безостановочно в эту холодную, сырую ночь. По пути прошли по топкой гати, и около двух часов драгоценного времени нам пришлось потерять, чтобы сделать настил для провоза орудий и обоза по этой мягкой соломенной плотине, среди зарослей камыша. Прошли мост через реку Тихонькая.

26 февраля в предрассветном сумраке авангард вошел в станицу Новолеушковскую и, не задерживаясь в ней, продолжал путь, но уже в западном направлении и, пройдя еще 5–6 верст, в ясное солнечное утро вышел на железнодорожный переезд, пропуская мимо себя армию и походный лазарет. Однако переход армией железной дороги не прошел спокойно: с севера, со стороны станции Сосыки, подошел бронепоезд красных и начал обстрел переезда. Оказалось, что линия железной дороги была подорвана слишком близко, но бронепоезд скоро отогнала наша батарея, выехав на версту вперед. Когда прошли последние части, тронулся за ними и Офицерский полк с батареей. Только ночью арьергард вошел в станицу Старолеушковскую,

где армия, сделав в течение 37 часов с шестичасовым перерывом переход в 60 верст, расположилась на ночлег.

27 февраля при отличной теплой погоде и по хорошей дороге армия спокойно перешла в станицу Иркиевскую, находящуюся в 20 верстах южнее, и здесь расположилась на ночлег.

28 февраля дневка в Иркиевской прошла спокойно. Добровольцы отдохнули и, кто мог, починили сапоги и одежду. Здесь от местных жителей слышали темные слухи, что Кубанский атаман и правительство с верными ему казаками уже покинули Екатеринодар, который и занят красными.

1 марта утром армия двинулась на станицу Березанскую, находящуюся в 18 верстах южнее. В авангарде шел Корниловский полк с батареей, Офицерский полк шел в голове главных сил. В ясный солнечный день, после полудня авангард спокойно подходил к станице Березанской, но неожиданно был встречен с большого расстояния сильным ружейным и пулеметным огнем из вырытых вокруг станицы окопов. Здесь нас впервые встретили с оружием в руках кубанские казаки. Бой был краток: огонь артиллерии и быстро наступавшие цепи корниловцев и Офицерского полка заставили красных сначала одиночками, а затем и всей своей массой подняться и бежать из окопов, бросая пулеметы и винтовки. Конный дивизион обошел станицу и преследовал противника до станицы Журавской, находящейся в 12 верстах южнее, и занял ее. Офицерский полк после небольшого привала в Березанской также перешел в Журавскую, пройдя за день до 30 верст и проведя бой. Потери в бою были ничтожны. Остальные части армии остались на ночлег в Березанской.

2 марта вся армия перешла в станицу Журавскую, выделив Корниловский полк и конный дивизион полковника Гершельмана для занятия станции Выселки, находящейся в 10 верстах восточнее на линии железной дороги Тихорецкая – Екатеринодар. При подходе Корниловского полка к Выселкам противник открыл артиллерийский огонь. Стремительной атакой батальона корниловцев, поддержанных огнем нашей батареи, станция была взята. Кроме пленных, захватили пулеметы, немного снарядов, большую партию сахара и в одном из вагонов дамское белье. Передав взятую станцию конному дивизиону полковника Гершельмана, корниловцы перешли на ночлег в хутор Малеванный, находящийся в нескольких верстах от станции Выселки. Дивизион полковника Гершельмана не выставил должной охраны и не подорвал железнодорожное полотно в сторону Тихорецкой, стоял беспечно, и этим воспользовались красные. Неожиданно подошедший бронепоезд красных выбил наших конников с потерями со станции, а подвезенная в эшелонах красная пехота и матросский отряд заняли станцию, поселок и каменное здание паровой мельницы. Создалась угроза нашему флангу. Генерал Корнилов приказал генералу Богаевскому восстановить положение и на рассвете атаковать и взять станцию и селение Выселки. Генерал Богаевский отдал распоряжение о сборе своего Партизанского полка к трем часам ночи. Ночь была темная и холодная. Разбросанные по многим хатам и сараям партизаны, только что разбуженные, немедленно же засыпали опять мертвым сном, а многих и найти было невозможно в эту темную ночь. Наконец, после больших усилий, с помощью старших офицеров удалось собрать почти весь Партизанский полк, кроме сотни есаула Лазарева, который еще не прибыл на сборный пункт. Дождаться его уже было невозможно: было уже около 4 часов утра 3 марта, и ночная тьма стала редеть. До станицы было около 10 верст – три часа ходу. Двинулись...

Тихое, холодное, морозное утро. Невыспавшиеся, голодные, полусонные партизаны сумрачно шагали по дороге. В голове шла 1-я сотня полковника Краснянского и 1-й взвод лейб-казака есаула Я. Ф. Рыковского. Орудия батареи шумом колес обнаруживали наше движение. Стало уже светло, когда партизаны подходили к цели. На горизонте начали вырисовываться постройки станции и селения Выселки.

Партизаны начали разворачиваться в боевой порядок. Справа развернулись стрелковые цепи чернецовцев, слева – краснянцы и без выстрела двинулись вперед. Батарея стала на пози-

цию и едва успела выпустить первую гранату по железной дороге станции, как там отчетливо и звонко раздался звук кавалерийской трубы, игравшей тревогу и сбор, и вслед за этим жидкие цепи партизан были встречены жестоким ружейным огнем из крайних построек и окопов и пулеметным во фланг из обширного каменного здания паровой мельницы. Открыл огонь и красный бронепоезд. В это время над горизонтом показалось солнце; его яркие лучи били партизанам прямо в глаза, крайне затрудняя прицелку. Неприятель расстреливал партизан на выбор. Один за другим падают убитые и раненые. Легло много чернецовцев, которые вначале даже ворвались в селение, но потом вынуждены были отойти; не выдержали поредевшие цепи, подались назад и залегли. Началась перестрелка в крайне невыгодных для партизан условиях: на открытом поле, солнце в глаза; противник хорошо укрыт, а у партизан за отсутствием лопат нет никаких укрытий. А в это же время против левого фланга краснянцев появился красный пулемет с прикрытием, который жестоким огнем начал осыпать всю нашу цепь. Часть партизан повернулась к нему и завязала с ним перестрелку. В резерве осталась еще сотня есаула Лазарева, уже подошедшая в это время к полю сражения. В случае контратаки противника этих сил не хватит для ее отражения, но помощь была уже близка: сзади, по обе стороны дороги, быстрым шагом, не ложась, двигались стрелковые цепи Офицерского полка с генералом Марковым и батареей; за ними вдали – конная группа с национальным флагом, – то был генерал Корнилов со штабом. На горизонте, со стороны хутора Малеванного, быстро идет густая стрелковая цепь, заходя во фланг и тыл красным: очевидно – корниловцы. Противник растерялся и стал разбрасывать свой огонь. Есаулу Лазареву с его сотней приказано усилить краснянцев слева и атаковать противника во фланг, а боевой части перейти в атаку одновременно с Офицерским полком. Стройно повел свою сотню есаул Лазарев; офицерские роты ускорили движение на гребень. Едва поднявшись на него, они столкнулись с наступавшими густыми цепями противника. С дистанции в 50 шагов партизаны ринулись в штыки. Местами произошел короткий рукопашный бой; красные были опрокинуты. Расстояние быстро увеличивалось; офицерские и партизанские цепи, продолжая наступление, преследовали противника огнем, но, встреченные огнем многих пулеметов из построек поселка, залегли.

Тем временем красные с помощью резервов снова перешли в наступление. Блеснули клинки шашек, и лава донцов в 40 шашек с гиком бросилась в атаку на матросов; короткие залпы противника, и казаки врубались в наступавших матросов. Генерал Марков воспользовался замешательством противника и бросился бегом с цепью в атаку, поддержанную всеми остальными частями, а батареи привели к молчанию пулеметы, установленные в здании мельницы, и принудили бронепоезд уйти в сторону Тихорецкой. Генерал Корнилов в решающий момент атаки станции был с цепями.

Станция и поселок Выселки были нами взяты и противник разбит, но красные, в составе коих были матросы (около 150 человек, погибли почти все), казаки станицы Суворовской и солдаты 39-й пехотной дивизии проявили на этот раз большое упорство, известную организованность и нанесли добровольческим частям, особенно Партизанскому полку, тяжелые потери. Смертельно ранен был полковник Краснянский (на другой день он умер), убит есаул Власов, ранен есаул Лазарев; больше 80 партизан выбыло из строя, среди них убитых – почти половина, в том числе несколько мальчиков-кадет Донского корпуса. Из первого взвода есаула Я. Рыковского в 50 человек выбыло 13 бойцов. После боя командиром краснянцев был назначен полковник Писарев. На станции был захвачен специальный поезд-мастерская для исправления железнодорожного полотна; его облили керосином и сожгли.

Стало известно об отряде кубанских добровольцев полковника Покровского; несколько дней тому назад здесь, в Выселках, эти части потерпели неудачу в бою с красными, понесли большие потери и отошли к Екатеринодару и, по словам прибывшего из Екатеринодара офицера, будто бы даже оставили Екатеринодар и двинулись на юг, в горы. Офицерский полк, техническая рота и батарея расположились на ночлег в Выселках и в близлежащей станице Суво-

ровской. Партизанский и Корниловский полки со взятием Выселок ушли на ночлег в станицу Журавскую. Перед заходом солнца тела есаула Власова и 33 убитых партизан были преданы земле на местном кладбище. Армия шла по кубанским степям, оставляя на своем пути безымянные могилы...

4 марта на рассвете армия выступила на станицу Кореновскую, находящуюся в 15 верстах южнее. В авангарде шел Юнкерский батальон с батареей, в арьергарде – Партизанский полк с батареей. Красная армия Северного Кавказа под командованием бывшего фельдшера, кубанского казака Сорокина решила остановить движение Добровольческой армии на Екатеринодар и сосредоточила у станицы Кореновской на заранее укрепленной позиции до 10 тысяч бойцов с многочисленной артиллерией и двумя бронепоездами, то есть силы противника в четыре раза превышали боевую силу Добровольческой армии. Качественно вся эта масса была на большой высоте, хорошо руководима, упорна и активна. Меткость стрельбы красной артиллерии и двух бронепоездов была такой же, как и в офицерских батареях. Среди красных было много матросов и кубанские казаки Суворовской станицы.

Для боя развернулись все части Добровольческой армии. В обход станицы справа были двинуты Партизанский полк и Юнкерский батальон с батареей. С фронта наступали корниловцы, а на левом фланге – Офицерский полк с батареей. Задачей Офицерского полка было взятие массивного железнодорожного моста через реку Бейсужек и затем железнодорожной станции Станичная. Бой начался с утра, и в течение дня несколько раз назревал кризис. Атаки корниловцев и Офицерского полка чередовались с контратаками красных, массами наступавших на наши редкие цепи. Положение спасают то самоотверженные пулеметчики, все перераненные, но открывавшие меткий огонь в 100 шагах от противника, то образовавшийся в другом месте прорыв затыкается «резервом» из 10–12 легко раненных юнкеров, возвращающихся после перевязки в строй. Особенно тяжелые потери наносил добровольческим частям бронепоезд красных, который так и не удалось окончательно подбить: снаряды были все израсходованы; в артиллерийском парке оставалось к концу боя всего 30 шрапнелей.

Генерал Корнилов все время находился в буфере огня. Генерал Марков, полковник Неженцев, генерал Казанович лично водили в атаку свои части. Наступил критический момент боя. Генерал Корнилов прислал генералу Богаевскому приказание атаковать станицу с запада. Обоз с сотнями раненых с уходом Партизанского полка был оставлен без прикрытия. Наконец, около 3–4 часов дня наш правый фланг, Партизанский полк и Юнкерский батальон перешли в атаку, охватывая станицу справа и выходя ей в тыл. Офицерский полк, а затем и наиболее пострадавший Корниловский поддерживают атаку, и красные бросаются назад, ища спасения в камышах реки Бейсужек и переходя ее вброд. Противник толпами бежал на станицу Станичная и левее в лесок, и только с подходом 3-й роты и после того, как по бронепоезду и станции открыла с тыла огонь и 2-я батарея, бронепоезд ушел и 3-я рота ворвалась на станцию. После отбития сильной контратаки красных последние отошли. Станица и станция были взяты.

При выходе из Кореновской на дорогу, ведущую в станицу Усть-Лабинскую, генерал Богаевский с конвоем и ординарцами наткнулись на отходившую цепь красных, которые, увидев нас, стали втыкать винтовки штыками в землю и поднимать руки вверх. Увидя это, генерал Богаевский скомандовал: «Конница вперед!» Когда же жиденькая лава в 20 всадников, в рядах которой находился и пишущий эти строки, поскакала к ним, то противник моментально выхватил винтовки и встретил лаву огнем почти в упор: к счастью, обошлось без потерь. Пришлось поспешно ретироваться и укрыться за ближайшие амбары, находящиеся на окраине станицы. Красные отошли к ближайшему леску, недалеко от железнодорожной линии. Вскоре со стороны Екатеринодара появился другой бронепоезд, сопровождаемый цепями красных. В это время станция была уже захвачена Офицерским полком, который разбирался в захваченной на станции добыче. Появление с тыла другого бронепоезда грозило Офицерскому полку тяжелыми потерями и последствиями. К счастью, бронепоезд, не доходя версты до станции, оста-

новился и, послав несколько снарядов, сам попал под огонь нашей 2-й батареи и вышедших на юго-западную окраину станицы и далее к железной дороге корниловцев и Юнкерского батальона, и бронепоезд пошел назад вместе с цепями прикрытия и исчез с горизонта. Стрельба смолкла. Наступили сумерки. Противник побежден, но не разбит, как был разбит под Лежанкой и Выселками. Он отошел, сохранив порядок, и отошел он на каких-нибудь пять верст на станицу Платнировскую. На железнодорожной станции был захвачен целый состав, в котором оказались около 600 снарядов, ружейные патроны, много пулеметов, медикаменты, белье и продовольствие. На двух платформах в двух больших котлах был приготовлен для красных борщ, который использовали Офицерский полк и шедшая с ним батарея.

В этом бою добровольцы понесли тяжелые потери, особенно корниловцы и Офицерский полк; в общем наши потери выразились в 100 убитых и до 400 раненых. Во время боя при временных отходах наших цепей было видно, как красные прикалывали штыками наших раненых; видя это, некоторые раненые, имевшие револьверы, тут же стрелялись. Это особенно озлобляло и ожесточало добровольцев, и они рвались отомстить за красный террор. За два боя у Выселок и Кореновской походный лазарет армии увеличился почти на 200 подвод, на которых разместили новых раненых. Упорство противника стоило ему огромных потерь. Тела полковника Краснянского и убитых добровольцев были преданы земле на местном кладбище. Черные кресты да насыпи братских могил без слов говорили о великом тернистом пути первопоходников. Наши потери были несколько пополнены прибывшими в армию тремя сотнями кубанских казаков из станицы Брюховецкой.

5 марта – дневка в Кореновской; от нее до Екатеринодара 70 верст. В этот день было точно выяснено, что Кубанское правительство и отряд полковника Покровского с Кубанским атаманом полковником Филимоновым покинул Екатеринодар и ушел на юг за Кубань, но куда точно, не было известно. Теперь мы поняли, что обозначали виденные нами в последние ночи вспышки на горизонте, точно зарницы, и отдаленный гром днем: то уходили с боем кубанцы за Кубань. Это известие и доклад генералу Корнилову командирами полков о больших потерях и крайнем утомлении добровольцев понудили генерала Корнилова свернуть с прямого направления и идти в обход Екатеринодара на станицу Усть-Лабинскую. Цель – не Екатеринодар, а соединение с Кубанским отрядом полковника Покровского.

С утра красный бронепоезд несколько раз приближался к Кореновской и издали ее обстреливал. В направлении на станицу Платнировскую были видны цепи красных, занимавших позиции, а далеко сзади – дымки паровозов, очевидно подвозивших подкрепления. Бой под Выселками и Кореновской и уход Кубанского отряда полковника Покровского в аулы показали, что надежды генерала Корнилова, что кубанские казаки восстанут при приближении Добровольческой армии, не оправдались.

С наступлением темноты, в полной тишине, армия, имея в авангарде Корниловский полк, Юнкерский батальон и Чехословацкий с батареей, выступила на юг на станицу Усть-Лабинскую, находящуюся в 30 верстах к юго-востоку. В арьергарде шел Партизанский полк, насчитывавший в это время в своих рядах до 400 штыков. К арьергарду присоединилась 4-я рота Офицерского полка, бывшая в охране, а также и батарея. Обойдя станицу Раздольную, колонна армии вышла на большой тракт на станицу Усть-Лабинскую.

6 марта. Армия шла спокойно всю ночь, и только рассвело, как партизанам пришлось отбиваться от преследующих армию красных сорокинцев. Генерал Корнилов избрал рискованный путь. Добровольческая армия вошла в «железный треугольник», образуемый железнодорожными линиями, соединяющими Екатеринодар, Кавказскую и Тихорецкую. Эти вершины треугольника были крупными базами противника; между ними курсировали бронепоезда. Там находились сильные гарнизоны и стояли эшелоны, готовые к переброске в угрожаемый пункт. Прямо перед армией, пересекая тракт, лежит железнодорожная линия, связывающая Екатеринодар с Кавказской. Далеко белеют дымки паровозов, спешно подвозящих и справа и слева

эшелоны пехоты и артиллерии на помощь усть-лабинским большевикам. Налево – болото. Сзади насеждает Платнировский отряд сорокинцев, преследующий армию. Направо – железная дорога на Екатеринодар.

К рассвету прошли половину пути. Утро принесло неприятность: погода изменилась к худшему, подул холодный ветер, небо покрылось тучами, стал накрапывать мелкий дождь, как вдруг тишину нарушил треск ружейной пальбы. Это красные из Платнировской догнали колонну армии и стали наседать на Партизанский полк, шедший с батареей и 4-й ротой Офицерского полка в арьергарде. Однако после решительного отпора противник стал осторожнее и не слишком напирал, но зато не давал нам покоя своей артиллерией. Перелетавшие снаряды падали и около походного лазарета. Партизаны сдерживали наседавших преследователей. Останавливаясь, быстро рассыпаясь в цепь и отстреливаясь и снова собираясь в колонну, арьергард дошел до хуторов, верстах в четырех от Усть-Лабинской. Здесь партизанам пришлось остановиться и принять бой по всем правилам. Двигаться вперед уже было невозможно, так как окраина станицы, железнодорожная насыпь и каменный мост через реку Кубань были заняты крупными силами противника, занимавшего свежеврытые окопы. С ними уже вступил в бой авангард под командой генерала Маркова. Наше положение было серьезное – во что бы то ни стало мы должны были пробиться через станицу и перейти каменный мост через глубоководную, с крутыми берегами реку Кубань. Сзади энергично наседали Сорокин со значительными силами. Обоз с 500 ранеными попал между двух огней. Жуткое было ожидание для несчастных раненых и всего состава обоза. Все знали, какая ужасная участь грозила им в случае победы красных. Стоять приходилось на совершенно открытом поле, где не было никаких укрытий, и лавировать между фонтанами из земли от падающих гранат. Санитарный обоз нес потери от артиллерийского огня. Положение арьергарда становилось все труднее: партизаны еле сдерживали наседающих сорокинцев.

Корниловцы, шедшие в авангарде, быстро сломили сопротивление противника, захватили каменный мост через Кубань и увлеклись преследованием противника вдоль реки, не оставив заслона в сторону железнодорожной линии на Кавказскую. И вот, когда все слабые силы добровольцев были разбросаны на значительном пространстве в разных концах станицы, внезапно появился со стороны Кавказской эшелон красных. Поезд остановился верстах в двух, красные моментально разгрузились в поле, выкатили на руках 4 орудия, установили их на позицию и повели наступление на станицу. За головным эшелоном красных подошел бронепоезд, и на площади, где остановился штаб генерала Корнилова и часть обоза, стали рваться шестидюймовые снаряды. Осколком шрапнели был убит донец сотник Козьма Хохлачев. Генерал Корнилов отдал приказ: на площади поставить батарею, Корниловскому полку возвратиться назад, а Офицерскому полку повернуть против подошедших от Кавказской. 1-я батарея в течение трех четвертей часа, пока собирались другие части, удерживала противника. Контратаками подошедших частей противник был отброшен. Батарея принудила красную батарею к молчанию и подбила неприятельский бронепоезд. Красные, понеся большие потери, поспешно погрузились в поезд и исчезли с горизонта.

Путь через станицу и переправа через Кубань со слегка испорченным мостом свободны. Спешно проходят вперед походный лазарет, а за ним Партизанский полк с батареей. Армия еще раз выскочила из окружения, в данном случае полного.

Только ночью армия, пройдя еще 10 верст, втянулась в станицу Некрасовскую, совершив за сутки 46-верстный переход и проведя серьезный бой.

7 марта во время дневки противник обстреливал станицу Некрасовскую ружейным и артиллерийским огнем. Больше всего снарядов падало на площадь у церкви, где обычно в доме священника помещался генерал Корнилов со своим штабом. На совещании у генерала Корнилова было решено глубокой ночью с 7-го на 8 марта форсировать реку Лабу переходом вброд,

так как мост через реку был испорчен красными. Начать эту операцию выпало Юнкерскому батальону.

8 марта. Красные отходили. Перепрыгивая с одной подводы на другую, поставленные рядом поперек реки, партизаны генерала Богаевского быстро перешли на противоположный берег Лабы и, перетащив батарею, энергично повели наступление на хутора, занятые красными, и сбили их. Противник отходил. Инженерная рота быстро навела мост, но для переправы артиллерии и санитарного обоза пришлось использовать слабый паром, и армия двинулась прямо на юг. Этим ясным солнечным утром вдали на горизонте были видны туманные синие горы Кавказского хребта. Мы вошли в местность, населенную вперемежку казаками, черкесами и иногородними крестьянами; последние отличались особой революционностью и ненавистью к казакам и к нам, добровольцам. Хутора мы находили почти пустыми. Население перебежало к красным, окружавшим нас, которые рассказывали всяческие ужасы о насилиях, якобы творимых нашими войсками, и население часто принимало самое деятельное участие в борьбе против нас, добровольцев. Эти хутора один за другим стали загораться. Их поджигали шедшие в авангарде кубанские казаки, мстя за их совместные с красными выступления против казаков и добровольцев. Это было жуткое зрелище. На ночлег армия остановилась в нескольких, близко один от другого расположенных хуторах Киселевских, находящихся в 20 верстах от Некрасовской. Противник находился в непосредственной близости.

9 марта. В этот день армия оказалась в наиболее тесном тактическом окружении, имея свой фронт всего лишь версты в две, а глубину своей колонны версты в четыре. Едва стало светать, колонна армии двинулась дальше на хутора Филипповские, находящиеся в 15 верстах южнее. Она вклинилась в расположение противника, в то же время преследуемая его частями из Некрасовской. Многочисленные хутора, пересеченная местность с небольшими рощами – все это затрудняло движение армии и давало прикрытие красным, которые хорошо это использовали и обстреливали ружейным и пулеметным огнем не только строевые части, но и походный лазарет с ранеными, который двигался в центре колонны, охраняемый со всех сторон. Хутор Филипповский защищался значительными новыми силами красных, засевших в окопах по гребню перед хутором. Офицерский и Корниловский полки с фронта, а Партизанский – в обход, не останавливаясь, пошли в атаку на окопы. Особенно ожесточенный бой был у партизан, туда была направлена из резерва 4-я офицерская рота. Красные, подпустив к окопам Офицерский полк шагов на 200, когда уже можно было различать даже их лица, вдруг стремительно очистили окопы и бросились в ближайший большой Княжевский лес, где и укрылись. Во время этой атаки генерал Корнилов, как всегда, находился вблизи наших стрелковых цепей. Пули все время посвистывали вокруг. Положение походного лазарета и обоза создавалось очень опасным, но с ними был оставлен генерал Марков с батареей, которая вела огонь на все стороны. Хутор Филипповский был взят почти пустым: все жители бежали. За минувший бой Офицерский полк потерял около 50 человек; немалые потери понесли и другие части.

Армия расположилась на ночлег в этом большом хуторе, выставив сторожевое охранение. Конница продвинулась дальше и заняла село Царский Дар. Ночью со стороны Екатеринодара доносился отдаленный гул артиллерийской стрельбы, а на темном небе слабо мерцали зарницы.

10 марта. Ночь прошла беспокойно, были две тревоги; красные наступали, но были отброшены. С раннего утра противник повел наступление на хутор Филипповский с тыла, со стороны пройденных нами накануне хуторов. Армия в это время выступала из хуторов на запад, имея в авангарде Корниловский полк и Чехословацкий батальон, еще накануне занявший переправу с мостом через реку Белую. Колонна армии двинулась по дороге на станцию Рязанскую. Партизанский полк, а в составе его и взвод есаула Я. Рыковского со всеми лейб-казаками сегодня в главных силах, за походным лазаретом. Дорога в двух-трех верстах от хутора поднималась на невысокий гребень, уже занятый крупными силами противника; лес в стороне – также занят им. Едва часть походного лазарета перешла по мосту на противопо-

ложную сторону реки, как с гребня правого берега долины по нему открыл огонь противник с дистанции в 800 шагов. Корниловцы с чехословаками перешли против него в наступление и несколько оттеснили его, но удержаться не смогли вследствие огромного превосходства сил противника и стали медленно отходить, залегли, начав окапываться. В тылу, в арьергарде тоже было тяжело: Юнкерский батальон, Техническая рота и конный дивизион с трудом сдерживали наседавших с тыла преследователей. Походный лазарет и обоз, сбившись в кучу и прижавшись к крутому скату правого берега долины, переживали тяжкие часы, так как снаряды красных все время падали среди них, взрывая огромные черные фонтаны земли, и разбили несколько подвод. Один снаряд разрывается вблизи экипажа генерала Алексеева и убивает его кучера-австрийца. Есть раненые и в обозе.

Несчастные раненые доходили до полного отчаяния, и многие из них уже спрашивали друг друга, не пора ли застрелиться. Положение впереди становилось все хуже. Уже начинают отходить чехословаки, расстреляв все свои патроны. К ним поскакал конвой генерала Корнилова и снабдил их патронами; чехословаки остановились, залегли; текинцы легли рядом, и цепь вновь открыла огонь. Наступление красных приостановлено. По приказанию генерала Корнилова офицеров и добровольцев, шедших с обозом и по наружному виду способных носить оружие, отводят в сторону, раздают им винтовки и патроны, и 120 человек с полковником во главе идут к высотам.

Уже начинает колебаться Корниловский полк. Мечется из части в часть горячий полковник Неженцев, видит, что трудно устоять против подавляющей силы, и шлет к генералу Корнилову ординарца с просьбой о подкреплении. Партизанский полк выдвигается вперед и усиливает левый фланг корниловцев, но и эта помощь не изменила положение. Из арьергарда срочно вызывается и Офицерский полк и вступает в бой. Три полка переходят в массивное наступление, и фронт красных, неся большие потери, покатился назад и исчез с горизонта. Техническая рота в спешном порядке зажгла мост через реку Белую, и наступление противника с тыла остановилось на линии реки. В арьергарде находился Юнкерский батальон с батареей и конный дивизион. Весь тяжелый бой окончился во второй половине дня. Армия сворачивается в походную колонну и уже беспрепятственно движется на станицу Рязанскую.

Говорили, будто бы от Кубанского отряда полковника Покровского к генералу Корнилову прибыл разъезд для связи, — следовательно, нужно ожидать скорого с ним соединения. Прибывший разъезд сообщил, что отряд ведет бой верстах в 50 к западу от нас. С запада доносился отдаленный гул артиллерийской стрельбы.

Авангард и главные силы с походным лазаретом, под начальством генерала Маркова, прошли дальше на запад, минуя Рязанскую, на аул Габукай. В станице Рязанской на ночлег остался только штаб армии и арьергард — Партизанский полк генерала Богаевского.

Что же касается реорганизаций конницы, и в частности лейб-казаков, то произошло следующее. Еще до соединения с Кубанским отрядом полковника Покровского генерал Корнилов, ощущая большую нужду в коннице, после боя под Кореновской, где у противника было захвачено небольшое количество лошадей, приказал посадить на них в первую очередь из рядов пехоты офицеров конных полков, поручив это сделать полковнику Гершельману. Осуществилась затаенная мечта лейб-казаков: во время дневки в Рязанской они получили трофейных лошадей. Конный взвод есаула Я. Рыковского, в составе всех девяти лейб-казаков и 25 кубанских казаков Брюховецкой станицы, вошел в состав конного дивизиона полковника Гершельмана.

11 марта. Армия медленно, рывками двигалась по сильно пересеченной местности. Глинистую лесную дорогу часто пересекают ручьи и речки. Перекинутые через них шаткие мосты на высоте 5–6 сажен ненадежны. Перешли реку Пишиш. В 2 часа ночи остановились в ауле Габукай, где отдохнули 4 часа и выпались. Габукай совершенно пуст, большевики вырезали часть населения, а оставшиеся ушли в горы. Красные разграбили сакли, даже ульи разрубили

топорами, чтобы достать из них мед. На рассвете колонна армии двинулась дальше, на аул Гатлукай, где сделали привал на полчаса. Перед вечером пошли в аул Понежукай и расположились на ночлег по квартирам, выставив пехотное охранение, кавалерийские заставы и выслав разъезды.

12 марта. Ночь прошла спокойно. В ауле – мир; с высоких минаретов слышатся голоса муэдзинов, призывающих правоверных к молитве. Женщины с закрытыми чадрой лицами хлопчут по хозяйству. С наступлением темноты назначено выступление на аул Вочепший. Противник выступил из Рязанской по стопам армии и подошел к аулу еще засветло. Юнкерский батальон отбил их атаку. В назначенный час, когда уже стемнело, батальон стал сниматься с позиции, и как раз в это время красные атаквали снова. Едва не погибло одно орудие 1-й батареи, сорвавшееся с шаткого мостика и вырученное контратакой батальона; противник отброшен. Моросил дождь. Пропустив Юнкерский батальон, Офицерский полк с батареей пошел в арьергарде.

13 марта шли медленно всю ночь. Около полудня отряд генерала Маркова остановился на трехчасовой привал в ауле Вочепший. Дальнейший путь. В прикрытии – техническая рота, которая ведет перестрелку с наседающим с тыла противником. Как-то внезапно на нее налетел неприятельский грузовик, вооруженный пулеметами. Рота отбилась, но понесла потери, в их числе 5 без вести пропавших офицеров. Поздней ночью, проделав за сутки до 30 верст, отряд генерала Маркова пришел в аул Шенджий, где уже сосредоточились все остальные силы армии, и расположился на ночлег. Мы прошли в два дня около 80 верст по ужасным, размытым дождями лесным дорогам, чтобы скорее соединиться с Кубанским отрядом полковника Покровского. Для несчастных раненых это было тяжким мучением; для многих из них, при отсутствии перевязочного материала, хорошего ночлега и покоя, этот крестный путь окончился смертью.

14 марта. В ауле Шенджий произошла долгожданная встреча с генералом Покровским, прибывшим из станицы Калужской на свидание с генералом Корниловым.

15 марта из аула Шенджий рано утром выступили боевые части армии на станицу Ново-Дмитриевскую, находящуюся в 30 верстах южнее, а походный лазарет и обоз двинулись с прикрытием в другом направлении, на станицу Калужскую. Прикрывать походный лазарет пришлось конному дивизиону; другой конный дивизион получил специальное задание: произвести демонстрацию в направлении железнодорожной станции Эйнем, находящейся вблизи Екатеринодара. День был пасмурный, накрапывал мелкий, холодный дождик, низкие облака неслись, гонимые сильным, пронизывающим норд-остом. Становилось все холодней и холодней. Тщетно кутались добровольцы в свои жиденькие шинели. Дождь промочил насквозь их одежду, промокли ветхие сапоги и ноги. Так прошли половину пути. Норд-ост усиливался, его порывы сливались в сплошную бурю. Дождь превратился в ледяные иглы, больно бившие по лицу. Верхняя одежда смерзлась, покрылась тонкой ледяной корой и связывала движения рук и ног; полы шинелей ломались, как тонкое дерево. Лошади также покрылись тонкой ледяной корой и еле передвигали ноги. Добровольцы замерзли на открытых отрогах Кавказа...

Наконец вместо ледяных иголок стал падать снег. Крупные пушистые хлопья его падали гуще и гуще, и все стал затмевать степной буран. Грязное, черное поле быстро покрылось белой пеленой. С трудом можно было различать спину впереди идущего соратника. Дороги не видно. Колонна идет в белую кружащуюся мглу. В авангарде армии – Офицерский полк с батареей. Орудийные кони едва тянут орудия и зарядные ящики. Падают от изнеможения лошади, их заменяет резервными. Но при каждой остановке колеса орудий и зарядных ящиков вмерзают в землю; орудия сдвигают совместными усилиями лошадей и людей. У орудий и зарядных ящиков уже не колеса, а какие-то сплошные ледяные диски. Неимоверно тяжело идти людям. Медленно тащится колонна. Вдруг где-то очень близко впереди раздалось несколько выстрелов, заглушенных ветром. Колонна остановилась. Еще и еще... Через

несколько минут, показавшихся вечностью, к голове колонны спереди привели нескольких пленных. Это была снята красная застава, стоявшая в какой-то придорожной усадьбе; часть людей заставы погибла, а оставшиеся в живых стояли перед колонной, подведенные к генералу Корнилову. Затем конные черкесы и текинцы и пленные с генералом Марковым ушли обратно, скрывшись в пурге. Колонна двинулась. Погода снова стала меняться: стихал ветер, и снег падал густыми хлопьями, как будто стало теплее, но кругом по-прежнему не видно ни зги. Вот и придорожная усадьба, но колонна прошла мимо. Время подходило к 17 часам. Об отряде генерала Покровского сведений нет, и посланные разъезды не нашли никого, кроме неприятельских дозоров. Оказалось, что около полудня отряд генерала Покровского, испугавшись бурана, неожиданно повернул назад и к вечеру возвратился в Калужскую. Такой поступок генерала Покровского весьма разгневал генерала Корнилова, и последний через пару дней отстранил генерала Покровского от командования отрядом.

Вдруг колонна остановилась: она уперлась в реку Черную, окаймляющую станицу Ново-Дмитриевскую. Маленькая речка после дождей и снегопада набухла, вышла из берегов и превратилась в грязный, бурный поток, снесший деревянный настил моста. Таким образом, переход реки вброд стал весьма затруднительным. Генерал Марков приказывает пленным войти в воду и исследовать брод. Барахтаясь и спотыкаясь, переходят они по грудь в ледяной воде на противоположный берег.

«Посадить пехоту на круп лошадей, и марш вперед!» – командует генерал Марков. Для переправы пехоты мобилизованы все верховые, а последних было весьма мало, так как вся наша конница ушла как прикрытие походного лазарета и обоза и для производства демонстрации в направлении железнодорожной станции Эйнем. Да и каждая лошадь после 3–4 рейсов в ледяной воде выше брюха с двумя всадниками на спине решительно отказывалась от работы. Один за другим офицеры с общей помощью взбираются на круп, и всадники, преодолевая упрямство своих лошадей, переправляют пехоту на противоположный берег. Пишущий эти строки также переправил на своем коне нескольких бойцов. Офицеры не могут без посторонней помощи взобраться на круп: вся одежда их покрыта ледяной корой, стесняющей движения рук и ног. Их подсаживают и поочередно переправляют на другой берег, там они скатываются с лошадей. Спешившиеся помогают спуститься следующим. Переправа идет медленно. Попытка соорудить новый мост из бревен и плетней усадьбы не удалась: было глубоко, и бурное течение сносило все. Переправившиеся офицеры карабкаются на довольно крутой обледенелый берег, скользят, падают. Руки коченеют от холодной как лед винтовки. Вытянувшейся толпой идут они к еще невидимой в темноте станице, находящейся в двух верстах от моста и переправы. Генерал Марков, оставив у переправы полковника Тимановского, вскочил на коня и поскакал к станице, обгоняя людей и торопя их.

Добровольцы, вошедшие в станицу, вступили в рукопашный бой с красными, которые, надеясь на погоду, совсем не ожидали нашего прихода. Три офицерские роты распространяются по станице веером. По улицам раздавались редкие выстрелы; действовали главным образом штыки. На одной из улиц на идущих офицеров налетает красная 4-орудийная батарея. Ей кричат «Стой!», в ответ следуют выстрелы. Результат: батарея остановлена, весь ее людской состав уничтожен. Офицеры шли дальше. Где-то влево раздались глухие орудийные выстрелы. Это два орудия противника, стоявшие на позиции значительно левее направления, по которому шли в станицу части Офицерского полка, открыли огонь. Их снаряды рвались в районе переправы, и одна граната угодила прямо в костер, убив 4 и ранив 22 добровольца, гревшихся вокруг него. К счастью, стрелявшие орудия быстро прекратили огонь. Оказалось, что по этим орудиям противника открыли огонь подошедшая 4-я рота Офицерского полка и одно орудие нашей батареи. Первый выстрел – и оно остановилось в положении полного отката, и никакими усилиями его нельзя было подать вперед, замерзло масло в компрессоре. Произведенный нами орудийный выстрел был единственным за весь бой. Но видимо, и он сделал свое

дело, так как орудия красных прекратили стрельбу. Генерал Корнилов со штабом въехал в станицу вместе с передовыми частями. В это время переправа частей была в полном разгаре, и не столько на крупах лошадей, сколько пешим порядком. Вслед за Офицерским полком стали немедленно переправляться Корниловский и Партизанский полки, но с переправой батареи и боевого обоза произошла задержка. Благодаря длительной остановке не только колеса орудий, зарядных ящиков и подвод вмерзли в землю, но и лошади, окончательно промерзшие, уже не были в силах сдвинуть свой груз с места. Чтобы спасти лошадей, было приказано выпрячь их и отвести в станицу, а орудия, зарядные ящики и подводы оставить на переправе до утра, до того времени, когда будет приведен в порядок мост. Всю ночь подтягивались отставшие части, располагаясь где попало на ночлег. Время приближалось к полуночи. Порыв Офицерского полка слабел. Есть предел как силам физическим, так и моральным. Пройдена и занята лишь незначительная часть станицы, но противник (установлено, что в станице Ново-Дмитриевской в это время находилась и часть солдат 491-го пехотного Варнавинского полка. – И. К.) уже не оказывал никакого сопротивления. Невольная остановка перемешавшихся групп бойцов разных взводов и рот. Страдало тело от холода, от мокрой одежды и обуви. Тянуло к теплу, которое было вот тут, рядом. Группы офицеров стали заходить в дома и были уже не в силах оставить их...

Всю ночь Техническая рота и Юнкерский батальон работали на реставрировании моста. К утру вода в речке спала настолько, что открыла весь мост, что облегчило его починку. В станицу ушел Юнкерский батальон и расположился в домах на ближайшей окраине. Трудно представить себе, что перенесли за минувший день и ночь добровольцы, но сознание величия и важности дела, на которое они пошли, побороло все. В тепле, согревшись горячим чаем, они ожили...

16 марта с рассветом вошли в станицу остальные части армии, которые провели ночь перед переправой через реку Черную в очень тяжелых условиях. Весь день ушел на сушку одежды, белья, обуви, на очищение станицы от остатков красных, даже не знавших, что станица ночью была занята добровольцами. Орудия, оставленные за мостом и вмерзшие в землю, вывезли на волах. Утром генерал Марков собрал командиров рот Офицерского полка, батареи и других начальников. Офицерский полк потерял лишь 2 офицеров убитыми и 10 ранеными. Батарея потеряла 3 ранеными. Красные сосредоточили в станице до трех тысяч штыков и много орудий. С трех сторон станицы они вырыли окопы. Противник понес огромные потери убитыми. Добровольцами захвачено 8 орудий, снаряды, госпиталь и комиссары. А на позиции стояли брошенные те два орудия красных, которые ночью обстреливали переправу. Окопы были залиты водой.

Победа имела бы несравненно больший результат, если бы конница Кубанского отряда генерала Покровского выполнила данное ей задание, а не повернула бы назад, испугавшись непогоды. Штаб армии расположился в доме священника, а на площади, где-то в углу ее стояло несколько виселиц. В станице Ново-Дмитриевской мы провели целую неделю с 15-го по 23 марта, но отдых был неполный.

17 марта из станицы Калужской приехал Кубанский атаман с членами Кубанского правительства. В этот день у генерала Корнилова было совещание с Кубанским атаманом полковником Филимоновым, командующим отрядом генералом Покровским и членами Кубанского правительства. Члены правительства Кубанского края настаивали на сохранении самостоятельного Кубанского отряда. Это совещание шло в то время, когда на южной окраине станицы разгорался бой с наступавшим противником и когда в районе штаба рвались неприятельские снаряды. Это повлияло на представителей Кубанского края, и вскоре был подписан протокол совещания. Кубанский правительственный отряд перешел в полное подчинение генералу Корнилову. Генерал Покровский остался не у дел. Наступавшие красные частично ворвались в станицу, но на улицах они были смяты и в беспорядке, уже под покровом темноты, бежали в свое

исходное положение. Из Калужской же перешел и походный лазарет. От раненых и персонала мы узнали об отчаянной трагедии, пережитой ими за время похода и особенно в день 15 марта, день «Ледяного похода», из аула Шенджий в станицу Калужскую, и затем 17 марта, когда их везли из Калужской в Ново-Дмитриевскую. Пришлось трястись по непролазной грязи, испытывать боли после каждой минутной остановки от рывков уставших лошадей. Многие раненые умерли от заражения крови. В походе не могло быть хирургического вмешательства, не хватало медицинских средств, даже просто бинтов для перевязок, даже при полной жертвенности сестер милосердия, давно разорвавших на бинты запас своего белья. Все, что доставалось ими у казаков, быстро иссякло. О сестрах милосердия все говорили с необычайным восторгом и глубокой благодарностью. Немало раненых в походе покончили с жизнью самоубийством. В Ново-Дмитриевской раненые в первый раз были размещены по домам в хороших условиях и нетревожимые пробыли в них пять суток. Но и тут смерть не оставляла их. (Из донских кадет-чернецовцев следует упомянуть участников похода Сергея Воронина, впоследствии сотника л. – гв. Казачьего Его Величества полка, и Владимира Полякова, сотника л. – гв. 6-й Донской казачьей Его Величества батареи, ныне благополучно здравствующих. – И. К.)

В походном лазарете и раненые, и медицинский персонал нередко находились в сфере артиллерийского и ружейного огня противника. Много сестер в походе заплатили жизнью за свой подвиг, многие были ранены. Я упомяну лишь некоторых из убитых и раненых сестер – уроженцев Новочеркасска: убиты – Вавочка Грекова у Екатеринодара и Ольга Горшкова у Горькой Балки; ранена Домна Сулацкая и другие. Эти чудные, светлые женщины и девушки – сестры милосердия – снискали к себе всеобщую любовь и уважение как своим самоотверженным уходом за ранеными и больными, так и своею доблестью и пренебрежением к смерти. Одна из них, сестра лейб-казаков братьев Рыковских, Ольга Федоровна, в расцвете своей юности приняла участие в походе генерала Корнилова сестрой милосердия, доблестно переносила все тяготы похода и боевой страды.

18 марта утром неприятель повел наступление с двух сторон, от станицы Григорьевской и Георгие-Афипской, и снова был отбит Партизанским полком, корниловцами и Юнкерским батальоном. В последующие дни красные больше не наступали, и добровольцы отдохнули и привели себя в порядок, особенно нуждаясь в починке обуви. Сапоги приходилось снимать с убитых и пленных, так как купить их было невозможно, а для починки не было времени.

19 марта прибыл из Калужской Кубанский отряд и влился в Добровольческую армию. Добровольцы узнали о силе этого отряда – он почти удваивал мощность Добровольческой армии. В Кубанском отряде числилось до 2500 человек пехоты, 800 человек конницы, 12 орудий, 24 пулемета и одна радиостанция, а с ранеными, гражданскими лицами и обозом – до 400 человек. Таким образом, состав Добровольческой армии увеличился до 6000 бойцов, 16 орудий, около 50 пулеметов и радиостанций, а с ранеными, обозом и гражданскими лицами – до 9000 человек. В походном лазарете было до 700 человек раненых.

Когда произошло соединение с Кубанским отрядом, лейб-казаки, к обоюдной радости, увидели среди конницы генерала Эрдели кадр конвоя Его Величества, в составе которого находились полковник Рашпиль⁹⁹, есаулы Ветер¹⁰⁰ и Галушкин¹⁰¹. При встрече лейб-казаки и гвар-

⁹⁹ Рашпиль Георгий Антонович. Из дворян Кубанской обл. Полковник. В начале 1918 г. в Кубанских частях. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанского конного дивизиона. Убит 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

¹⁰⁰ Есаул Собственного Его Императорского Величества конвоя Иван Андреевич Ветер (впоследствии полковник) был женат на сестре Г. А. Рашпиля Нине.

¹⁰¹ Галушкин Николай Васильевич, р. в 1893 г. в Санкт-Петербурге. Из казаков ст. Темнолесской Кубанской обл. Сын офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1913). Есаул Собственного Его Императорского Величества конвоя. Впоследствии войсковой старшина, помощник командира дивизиона Собственного Его Императорского Величества конвоя до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе дивизиона л. – гв. Кубанской и Терской казачьих сотен в Югославии. В эмиграции в Югославии, помощник командира 3-го Сводно-Кубанского полка; служил в Русском Корпусе. Полковник. Умер 6 июля 1964 г. в Лос-Анджелесе (США).

дейские кубанские казаки решают соединиться вместе. Генерал Корнилов пошел навстречу ходатайству полковника Рашпиля, и с его согласия была организована отдельная гвардейская казачья сотня под командой полковника Рашпиля в конном отряде генерала Эрдели. Состав сотни был следующий: лейб-казачий взвод есаула Я. Рыковского, 2-й взвод – офицеры и казаки конвоя Его Величества, 3-й и 4-й взводы – казаки Варшавского кубанского дивизиона – всего около 100 шашек. К сожалению, как увидим из дальнейшего, бытие этой сводной сотни оказалось кратковременным.

Во исполнение намеченного плана наступления на Екатеринодар 2-й бригаде генерала Богаевского было приказано выбить красных из станиц Григорьевской и Смоленской, откуда они могли ударить во фланг и тыл армии при ее наступлении на Георгие-Афипскую.

22 марта поздно вечером генерал Богаевский с бригадой выступил на станицу Григорьевскую, находящуюся в 10–12 верстах южнее. В авангарде шел Корниловский полк. Дорога была тяжелая: грязь по щиколотку, с кусками льда, порой лужи. Люди и лошади измучились, вытаскивая орудия, завязавшие в липкой грязи. Перед рассветом корниловцы вступили в бой. С окраины станицы, где у красных были окопы, противник встретил их жестоким ружейным и пулеметным огнем. Только ночь спасла корниловцев от огромных потерь, так как они наступали по ровному полю без всяких укрытий. Пули красных долетали до резерва в ближайший тыл и ранили людей. На перевязочном пункте около штаба генерала Богаевского один раненый офицер был ранен вторично, а третьей пулей убит. Одна пуля попала в адъютанта командира бригады корнета Жеребкова, лежавшего на бурке рядом с генералом Богаевским, но только контузила его. Одна пуля задела коня пишущего эти строки, когда я лежал на бурке рядом с офицерами-ординарцами штаба бригады, держа лошадь рукой за чумбур. Вдруг конь сильно рванулся и помчался в ночную тьму. Только через 10 дней я нашел моего боевого друга в немецкой колонии Гначбау. Корниловцы по липкой грязи атаковали окопы противника и после упорного сопротивления, понеся большие потери, сбили его и заняли станицу. Корниловцы в этом ночном бою потеряли до 60 человек убитыми и ранеными. Противник отошел к станице Смоленской, до которой было всего около трех верст. Ввиду крайней усталости войск – тяжелого ночного перехода по липкой грязи, бессонной ночи и кровопролитного боя, – людям был дан отдых до полудня.

23 марта, отдохнув в Григорьевской, 2-я бригада в полдень перешла в наступление на Смоленскую, имея в авангарде Партизанский полк с батареей. Противник, заняв возвышенную окраину станицы, укрепился и встретил партизан жестоким ружейным и пулеметным огнем. Генерал Казанович сам был в стрелковых цепях, ободряя наступавших партизан. Только с большими усилиями и потерями удалось сломить сопротивление красных и взять станицу, в которой бригада и расположилась на ночлег, выставив охранение. Ночью генерал Богаевский получил приказание генерала Корнилова выступить с рассветом и одновременно с бригадой генерала Маркова атаковать с тыла и взять станицу Георгие-Афипскую.

24 марта с рассветом генерал Богаевский с бригадой двинулся на Георгие-Афипскую и, пройдя версты три, неожиданно попал под жестокий огонь с левого фланга. Оказалось, что пехотная колонна красных шла от станицы Северной к Смоленской и, увидя нас, перешла в наступление. Меткий огонь нашей батареи и переход в атаку партизан заставили красных ретироваться. Мы продолжали путь, попали еще раз под меткий огонь артиллерии противника. Наши передовые части в отдельной усадьбе захватили десяток матросов, бывших в сторожевой заставе, и немедленно их расстреляли. Зверские подвиги матросов хорошо были известны всем, и потому этим негодяям пощады не было.

Бригаде генерала Маркова было приказано внезапным налетом перед рассветом атаковать и взять Георгие-Афипскую железнодорожную станцию и станицу, где находился центр закубанских красных отрядов. Бригаде генерала Богаевского приказано было поддержать эту атаку обходом противника слева и в тыл, а конной бригаде генерала Эрдели, обойдя Георг-

гие-Афипскую, стремительным ударом захватить паромную переправу через реку Кубань у станицы Елизаветинской и самую станицу. Наступление 1-й бригады почему-то задержалось, и, когда она подходила к Георгие-Афипской, проделав ночной 20-верстный переход по густой грязи и лужам в низинах, стало уже светло. До станицы оставалось еще до двух верст.

Вдруг сильнейший пулеметный огонь с бронепоезда обрушился на бригаду. Огонь, открытый красными, по своей силе превышал силу любого предыдущего боя. Положение добровольцев – отчаянное. Генерал Марков приказывает батарее отогнать бронепоезд, стоящий у станицы. Первый же снаряд батареи лег на насыпи под вагоном бронепоезда; второй попадает в здание, в склад снарядов, и следует сильный взрыв снарядов. Красные вдруг вскочили и бросились бежать через железнодорожную насыпь. Бронепоезд немедленно дал задний ход в сторону Екатеринодара, вслед за ранее ушедшим и не вернувшимся назад, потому что там к железной дороге подходили 5-я и 6-я офицерские роты. Мгновенно рванулись вперед цепи бригады. Цепь Офицерского полка, поднявшись на полотно правее станицы, увидела далеко убежавшего противника. Оказалось, что 2-я бригада смелой атакой с тыла взяла уже западную половину станицы. Как только 2-я бригада генерала Богаевского захватила западную половину станицы и станцию, с востока ворвалась в нее и бригада генерала Маркова, пользуясь тем, что растерявшиеся красные стали метаться по станице и оставили оборону массивного моста, через который и вошла 1-я бригада. Последний взрыв пулеметного и ружейного огня был в двух верстах от станицы в сторону Екатеринодара: отходивший второй бронепоезд красных, оказавшийся вооруженным лишь многочисленными пулеметами, попал под огонь 5-й роты с дистанции 200–300 шагов. Вдруг паровоз окутался густым облаком пара, и поезд вскоре остановился – бронебойные пули повредили сухопарник. Юнкера быстро атаковали, захватили поезд и уничтожили задержавшихся на нем матросов. Бой кончился. Наступала ночь.

В станицу Георгие-Афипскую вступали 2-я и 1-я бригады и сейчас же санитарный обоз из Ново-Дмитриевской, где он в тревоге оставался до конца боя за Георгие-Афипскую. Вся станица оказалась забитой пришедшей армией. Во многие дома свозили раненых. Генерал Богаевский собрал после боя на площади у железнодорожной станции свою бригаду для встречи генерала Корнилова, приехавшего благодарить ее за решительную атаку и взятие станицы. Только к вечеру все части и обоз расположились на ночлег.

В этом бою Офицерский полк понес большие потери: до 150 человек. Немалые потери понес и Кубанский стрелковый полк. Станцию и станицу оборонял отряд красных, численностью до 5000 человек с двумя бронепоездами. Среди захваченных трофеев особенную ценность имели около 700 снарядов, которые находились в соседнем со взорванным зданием. Наступила ночь. Генерал Марков, взяв батальон кубанцев и роту Офицерского полка, повел их вдоль железной дороги на Екатеринодар, где и выставил сторожевое охранение на берегу реки Кубани в степи.

25 марта. Ночь прошла спокойно. После полудня штаб армии, 2-я бригада и походный лазарет выступили на аул Панахес, находящийся в 30 верстах севернее. Конная бригада генерала Эрдели с батареей была выслана еще накануне в обход Георгие-Афипской для захвата паромной переправы через Кубань у станицы Елизаветинской. Форсированным 90-верстным переходом конница генерала Эрдели, а в составе ее и лейб-казаки взвода есаула Я. Рыковского, захватили ночью переправу. 1-й бригаде было приказано остаться в Георгие-Афипской, выставить заслоны в сторону Екатеринодара и Новороссийска и взорвать железнодорожные мосты и полотно. 2-я бригада и походный лазарет сначала двигались вдоль полотна железной дороги, но потом пришлось свернуть в сторону, так как дальнейшему движению мешал своим огнем подошедший красный бронепоезд. Двинулись дальше уже ночью напрямик, без дорог. Нам пришлось идти по плавням реки Кубани, затопившей на много верст свой левый берег; пришлось почти все время идти по воде, сбиваясь с дороги, попадая в ямы и канавы. Этот переход был чрезвычайно труден. До наступления темноты идти было легче, но в темную безлунную

ночь пробираться среди кустарников и попадать в глубокие протоки было мучительно. Лошади походного лазарета и обоза выбивались из сил; часть подвод даже была брошена. Стоны раненых, крики возчиков, хлюпанье грязи и воды наполняли воздух. Глубокой ночью 2-я бригада и походный лазарет вошли в аул Панахес и расположились на ночлег.

26 марта. Отдохнув несколько часов в ауле Панахес, мы прошли 10 верст дальше и утром начали переправу на пароме, который мог поднять не более 50 человек, или 16 всадников, или 4 запряженные повозки. Часть лошадей была переправлена вплавь в сопровождении лодок. С помощью еще другого парома и нескольких рыбацких лодок конница и 2-я бригада к вечеру переправились на противоположный берег и заняли без боя станицу Елизаветинскую. Жители обширной, богатой станицы встретили нас спокойно. Корниловский полк выставил сторожевое охранение в сторону Екатеринодара. В этот день утром 1-я бригада оставила станицу Георгие-Афипскую и к вечеру пришла в аул Панахес, прикрывала переправу походного лазарета и обоза от возможного нападения красных с тыла. Огромным табором на левом берегу Кубани стоял лазарет и обоз. Раненые терпеливо ждали своей очереди, но в обозе с беженцами нервничали и старались попасть на паром вне очереди. У переправы генерал Марков наводил порядок. Переправа через Кубань была трудна технически и чрезвычайно смела по замыслу и выполнению. Всего нужно было переправить 9 тысяч человек, 4 тысячи лошадей и более 500 орудий, зарядных ящиков и подвод. Красные могли угрожать переправе как с тыла, со стороны Георгие-Афипской, так и с фронта от Екатеринодара в направлении на Елизаветинскую. К счастью, переправа, шедшая непрерывно днем и ночью трое суток, прошла спокойно, за исключением небольшой перестрелки 27 марта. Все же для охраны многочисленных раненых и остального обоза у переправы оставлена была вся 1-я пехотная бригада генерала Маркова; он нервничал, боялся, что Екатеринодар будет взят без него и его бригады, торопил переправу и наводил порядок в походном поселке, образовавшемся у переправы. Генерал Корнилов оставил треть своих боевых сил на другом берегу Кубани. Это было вопреки стратегическому правилу сосредоточения всех сил в кулак для нанесения сокрушительного удара, но во имя человеколюбия, ради защиты раненых и незащищенных беженцев в обозе от зверской расправы красных, могущих напасть на обоз с тыла.

27 марта. Ночь прошла спокойно. После полудня красные перешли в наступление со стороны Екатеринодара на станицу Елизаветинскую, обстреливая ее и переправу усиленным артиллерийским огнем. Генералу Богаевскому приказано отбросить противника. Красные сильно наседали на сторожевое охранение корниловцев. Уже полковник Неженцев ввел в бой весь свой полк. Ему на помощь двинулся Партизанский полк. Генерал Казанович смело повел партизан в наступление и после упорного боя у кирпичного завода, на полпути от Екатеринодара, сбил и отбросил противника до предместья города – фермы Экономического общества, в трех верстах от Екатеринодара. С наступлением темноты 2-я бригада возвратилась на ночлег в станицу, оставив на высоте кирпичного завода сторожевое охранение. Походный лазарет и обоз спокойно продолжали переправу. Этот успешный бой и дошедшие до штаба армии сведения о панике в городе и о будто бы начавшейся эвакуации красных побудили генерала Корнилова поспешить с нанесением решительного удара, и, отдав распоряжение о переброске из бригады генерала Маркова Кубанского пластунского батальона полковника Улагая, он решил на следующий день штурмовать Екатеринодар. Ночью генерал Богаевский получил приказ: вместе с конницей генерала Эрдели атаковать утром и взять город.

28 марта утром 2-я бригада, усиленная кубанскими пластунами и конницей, перешла в наступление на Екатеринодар. Генерал Казанович с Партизанским полком получил приказание атаковать город с западной стороны, полковник Неженцев с корниловцами – черноморский вокзал. Генерал Эрдели с конницей должен был обойти город со стороны предместья «Сады» и атаковать его с севера. Чрезвычайно затрудняли штурм города ничтожное количество артиллерии с весьма ограниченным количеством снарядов, каменные постройки и сосредоточен-

ные противником превосходные силы. И против таких сил у нас было не более 4000 бойцов, не считая конницы. Армия не могла ввести в бой сразу все свои силы, задержанные переправой через Кубань. Сельскохозяйственная ферма и отдельные ближайшие к ней маленькие хуторки были прочно заняты красными. Генерал Казанович с Партизанским полком и Кубанским пластунским батальоном полковника Улагая повел на них решительную атаку и к полудню выбил их, заняв ферму и продвинувшись вперед к окраине Екатеринодара. После полудня приехал на ферму генерал Корнилов со своим штабом и разместился в доме, в котором было шесть больших комнат, разделенных коридором. Одну комнату занял генерал Корнилов, в другой была устроена перевязочная, в третьей помещался телефон. Остальные комнаты были заняты чинами штаба. Генерал Богаевский со своими офицерами и ординарцами помещался около рощи биваком. Корниловский полк повел наступление левее партизан на Черноморский вокзал и линию железной дороги, по которой курсировали красные бронепоезда, а конная бригада генерала Эрдели в это время совершила 100-верстный рейд в глубокий тыл противника, обойдя город со стороны предместья «Сады». Ей было приказано зайти в охват города с севера, северо-востока, взорвать железнодорожные пути по Черноморской, Тихорецкой и Владикавказской линиям. Задача эта была выполнена только частично, и гарнизон Екатеринодара непрерывно пополнялся по этим железнодорожным веткам и людьми и боеприпасами. В этом рейде участвовали все лейб-казаки взвода есаула Я. Рыковского. Во время боя 28 марта 2-я бригада понесла тяжелые потери: генерал Казанович был ранен в плечо, но остался в строю; ранены: есаул Лазарев, полковник Писарев и Улагай. Перед казармами наступление, уже в сумерках, остановилось под сильным огнем противника, занимавшего отличную позицию. Левый фланг бригады оказался загнутым назад, так как встретил упорное сопротивление из «Садов» и с линии Черноморской железной дороги, на которой курсировали бронепоезда противника. Красные прочно заняли окраины Екатеринодара, вырыли окопы и засели в них.

29 марта с утра шла непрерывная перестрелка; красные стали осыпая ферму градом снарядов. Генерал Богаевский несколько раз переменял место своего бивака. Генерал Романовский несколько раз докладывал генералу Корнилову о неудобствах управления армией при таких условиях; но генерал Корнилов его не послушал, не желая уходить далеко от войск, а помещения ближе не было. По сведениям, полученным впоследствии, красных было в это время в Екатеринодаре до 28 000 человек с 2–3 бронепоездами, 20–25 орудиями с огромным запасом снарядов и патронов. После полудня подтянулись с переправы и все части 1-й бригады генерала Маркова и влились в боевую линию. Санитарный обоз с небольшим прикрытием был оставлен в Елизаветинской.

Генерал Корнилов решил повторить в 5 часов дня атаку на Екатеринодар всем фронтом. Она удалась только на правом фланге. 1-я бригада генерала Маркова после упорного боя овладела артиллерийскими казармами и начала закрепляться там. Атака артиллерийских казарм стоила Офицерскому полку огромных потерь – до 200 человек. А на левом фланге 2-я бригада, понесшая тяжелые потери, не могла сбить противника и отошла на свои позиции. Убиты были командир Корниловского полка полковник Неженцев и его заместитель, в командование полком вступил полковник Кутепов. Убит командир 1-го батальона Партизанского полка, сподвижник Чернецова, капитан Курочкин. Конная бригада генерала Эрдели, совершив рейд в тыл противника, отходила к «Садам». В ночь на 30 марта генералу Казановичу со вторым батальоном партизан, численностью в 250 штыков при двух пулеметах, удалось прорваться в город, и он дошел до Сенной площади, но, не поддержанный соседями, оказался отрезанным красными, занявшими западную окраину города со стороны Черноморского вокзала, и на обратном пути ему пришлось пробиваться через линию красных в свое исходное положение. К утру 30 марта в боевом составе армии осталось во 2-й бригаде в обоих полках едва по 300 штыков, а в 1-й бригаде всего около 1200 штыков. Конница хотя и сохранилась, но не могла

оказать существенной помощи. Везде противник оказывал упорное сопротивление и вводил в бой свежие силы. Их огонь не ослабевал.

30 марта. День прошел в перестрелке. Противник обстрелял наши позиции огнем ружейным, пулеметным, артиллерийским и бронепоездами в районе «Садов». Добровольческая армия в боях предыдущих двух дней понесла тяжкие потери. В лазаретах в Елизаветинской находилось 1500 раненых (четверть всего боевого состава армии). Ощущался острый недостаток в снарядах и патронах. За три дня 28, 29 и 30 марта удалось овладеть лишь частью предместья города, фермой, кирпичным и кожевенным заводами и артиллерийскими казармами.

Вечером в доме фермы состоялся военный совет, на котором, кроме генерала Корнилова, приняли участие генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Марков, Богаевский и Кубанский атаман полковник Филимонов. Несмотря на понесенные громадные потери, особенно в командном составе, и несмотря на выяснившееся громадное численное и техническое превосходство противника, генерал Корнилов не отказывался от конечного штурма города, но, во внимание к крайнему утомлению войск, перенес его, по предложению генерала Алексеева, на утро 1 апреля, но судьба не дала ему провести в жизнь свой приказ. Силы противника, в это время сосредоточенные в Екатеринодаре, нужно исчислять между 25 и 40 тысячами. В районе артиллерийских казарм наблюдается усиленная активность противника. Ночью красные атаковали артиллерийские казармы и захватили несколько крайних зданий. Генерал Марков с офицерскими ротами переходит в контратаку. Их встречает жестокий огонь, разрывы ручных гранат. Офицеры залегают, они прижаты к земле; отползают раненые, их много; многие лежат неподвижно. Продолжение атаки невозможно, кое-как по цепи передается приказание «отползать». В Офицерском полку огромные потери. В «зоне смерти» лежат убитые и десятки раненых. Подобрать их невозможно: красные стреляют из окон зданий. Рассветало... К их ружейным выстрелам присоединились орудийные, но молчит артиллерия добровольцев.

К вечеру 30 марта конница генерала Эрдели возвратилась из рейда в глубокий обход Екатеринодара и втянулась в «Сады». Там и ночевали, кто в летних домах огородников, а кто под плетнями и навесами. Выставлено сторожевое охранение.

31 марта. А вот и последний день боя под Екатеринодаром. День теплый, весенний, солнечный, но солнца не видно – сплошное облако пыли, песка, густого черного дыма висит над добровольцами. Лица черные, закопченные, на зубах песок; шум, грохот, звенит в ушах. Человеческого голоса не слышно в двух шагах. Поляна кипит взрывами снарядов. Штаб армии во все дни штурма находился на ферме в трех верстах от окраины города и все время был под артиллерийским обстрелом. С раннего утра, как обычно, начался артиллерийский обстрел фермы. Генерала Корнилова просили переменить место расположения штаба, но он ответил: «Теперь уже не стоит, завтра – штурм» – и остался в домике. Около семи с половиной часов утра несколько снарядов разорвались над фермой; один из них целиком влетел в комнату, где сидел генерал Корнилов. Раздался страшный грохот и удар точно молнии, от которого задрожал весь дом. Когда бросились туда, то нашли генерала Корнилова лежащим на полу с закрытыми глазами. Кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого осколком правого бедра. Он еще дышал. Его положили на носилки и вынесли на берег Кубани. На его лице застыло выражение боли. Прошло несколько томительных минут. Генерал Корнилов скончался. Советская граната лишила русскую контрреволюцию ее общепризнанного вождя. Слепой случай поставил под вопрос дальнейшую судьбу начатой генералом Корниловым вооруженной борьбы. Теряя генерала Корнилова, русская контрреволюция теряла будущего российского правителя. С арены борьбы 31 марта 1918 года сошла самая крупная и яркая фигура не признавшей большевиков России...

Сообщение о гибели генерала Корнилова потрясло всю армию. Впечатление, произведенное ею на армию, было так велико, что продолжение штурма становилось невозможным.

В сердцах храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Ползли слухи один тревожнее другого о новых неприятельских силах, окружающих армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели. Смерть генерала Корнилова решила участь штурма.

В командование остатками армии в этот тяжелый момент вступил генерал Деникин. Нового вождя мало кто знал, вокруг его имени не было ореола генерала Корнилова.

В это время положение армии в тактическом отношении резко ухудшилось: на участке, занимаемом конницей генерала Эрдели у «Садов», обнаружилось движение большой пехотной колонны красных, шедших друг за другом гуськом на юг, в охват левого фланга корниловцев и в тыл всей нашей линии фронта, и стремившихся отрезать армию от ее тыла – Елизаветинской, где находился лазарет с 1500 ранеными добровольцами и генерал Алексеев. Опасность полного и непоправимого уничтожения нависла над остатками армии и над массой раненых. Перед лицом такой угрозы генерал Эрдели решил бросить всю свою конницу в атаку, чтобы преградить противнику путь на юг и уничтожить его живую силу. В это время конная бригада стояла у «Садов» фронтом на восток. Полки 1-й Офицерский конный и только что сформированный полк из молодых кубанских казаков елизаветинцев и марьянцев стояли в резервных колоннах в укрытии от противника за скирдами соломы и отдельными курениями. На невысоком холмике видно было начальство: генерал Эрдели со штабом, командиры полков и их ординарцы. Но вот начальство спустилось с холмика. От командиров полков прискакали к сотням ординарцы с приказанием: «Приготовиться к атаке в конном строю; подтянуть подпруги, осмотреть холодное оружие и выбросить лишнее барахло!» Командиры сотен в двух словах объяснили всадникам создавшееся положение. Всадники оставили свои кожухи и бурки под скирдами и в строй стали налегке. Опять команда: «По коням, садись!» – и всадники начали выравниваться. На правом фланге построился 1-й эскадрон, состоявший из офицеров регулярной кавалерии, левее его – Донская имени генерала Бакланова казачья сотня, численностью до 50 шашек, с их черным значком и эмблемой – белым черепом и скрещенными костями, еще левее Кубанская гвардейская сотня с лейб-казачьим взводом есаула Я. Рыковского, еще левее – Кубанская офицерская сотня. Левее выстроился пятисотенный Кубанский полк из молодых казаков елизаветинцев и марьянцев. Эскадрон и сотни сразу же построили двухшереножный развернутый фронт. Точно не могу сказать, куда был направлен в это время Черкесский конный полк. При этом построении Кубанская офицерская сотня высунулась из-за закрытия и со стороны красных затакали довольно редкие выстрелы и пули посвистывали над головами. До неприятеля в этот момент было шагов с тысячу. Бронепоезда с линии Черноморской железной дороги дали 2–3 орудийных выстрела, не причинившие коннице вреда, и, задымив, ушли в сторону Екатеринодара. Командир гвардейской сотни полковник Рашпиль выехал вперед на установленную дистанцию, повернулся в седле и, указывая в сторону противника, скомандовал: «Сотня, в атаку, шашки вон, рысью марш!» Блестнули клинки шашек, и сотни и эскадрон двинулись в атаку на нерасстроенную пехоту. Первое время сотня шла по твердому грунту. Всадники быстрой рысью сближались с неприятелем, и видно было, как одиночные люди и небольшие группы противника, двигавшиеся по возвышенности к югу, останавливались и поворачивали фронт на запад, против атакующих. Огонь противника был редким, но пули уже находили жертвы в рядах сотни. Пройдя рысью шагов 300–400, полковник Рашпиль перевел сотню в намет. На правом фланге вместе с гвардейской сотней шли в атаку лейб-казаки. Впереди их на белом арабе неся есаул Я. Рыковский, немного сзади на вороном жеребце подъесаул Н. Плеве, а дальше хорунжий Н. Ляхов, подхорунжий Г. Мигулин, казак Харламов и весь взвод. И только всадники перешли в намет, как вдруг очутились на вспаханном, размякшем от талого снега и дождей поле, и лошади стали сбавлять аллюр. Красные цепи открыли шквальный огонь. Всадники продолжали скакать, но уже на взмыленных, тяжело дышавших лошадях. С расстояния 400 шагов красные открыли огонь залпами. Здесь уже можно было видеть, как падали лошади и валились с них всадники. А немного впереди, еще 100–150 шагов, сотня напоро-

ласть на топкое, низинное болото; уставшие лошади с трудом, где «собачьей рысью», а где и шагом двигались вперед по этому болоту. Красные были в двух шеренгах; передняя шеренга опустилась для стрельбы с колена, а задняя стоя, и с дистанции прямого прицела атакующие были встречены залпами пехотного огня. Противник не проявлял никакой нервности, так как это была только что прибывшая с Кавказского фронта настоящая строевая часть, пополненная мобилизованными закубанскими пластунами, резко выделявшимися в цепи своими рыжими и черными мохнатыми шапками. Красные продолжали расстреливать теперь уже частым огнем. Тут, собственно, и погибла гвардейская сотня и эскадрон. Простреленный в обе ноги и грудь, падает есаул Я. Рыковский, за ним подъесаул Н. Плеве и полковник Рашпиль. Был ранен в шею хорунжий Н. Ляхов. Под ним, как и под подхорунжим Г. Мигулиным и казаком Харламовым, были убиты лошади. Ранены кубанцы подъесаулы Чигрин и Помазанов. Эскадрон потерял убитыми корнета Ветрова и прапорщика баронессу де Бодэ¹⁰². Баклановцы потеряли есаула Дронова и других. В общем, конница понесла тяжкие потери: убито 32 человека. Атака захлебнулась. Сотни были отведены назад в исходное положение. Тела погибших и раненых не было возможности вывезти. Казаки елизаветинцы и марьянцы не дошли в атаке до «Садов», а «благоразумно задержались» у разных закрытий. Так печально и трагически окончилась эта отчаянная атака. Всадники доскакали до противника и рубили его, хотя и не все. Но главное, конница выполнила данное ей задание: не дала красным выйти во фланг и тыл нашей пехоте, оставшейся без патронов и снарядов и прижатой к берегу многоводной Кубани. Вероятно, красные ожидали повторной конной атаки. Один вид видневшейся массы нашей конницы лишил их моральной стойкости. Совершился психологический перелом. Разбитый морально красный отряд приостановил обходное движение и отошел со злополучной поляны, обильно политой кровью, к Черноморской железнодорожной станции. Добровольческая армия пережила один из самых критических моментов своего существования. Успех был куплен ценою крупных потерь, но достигнутый результат компенсировал тяжкие потери. Потери конницы генерала Эрдели были так велики, что она должна была оставить район «Садов» и отойти к главным силам. Гвардейская сотня и взвод лейб-казаков, потеряв три четверти своих лошадей и четверть состава своих людей, прекратили свое существование как отдельные единицы, и остаток людей влился в состав 1-го Конного полка полковника Глазенапа. Незаменимую потерю понесла семья лейб-казаков в лице есаула Якова Федоровича Рыковского и подъесаула Николая Павловича Плеве, запечатлевших подвиг своею смертью. (Тела есаула Я. Рыковского и подъесаула Н. Плеве, уже после взятия Добровольческой армией Екатеринодара во время Второго Кубанского похода, то есть через 4 месяца, были извлечены из братской могилы и перевезены однополчанами в Новочеркасск, где и торжественно преданы земле на городском кладбище. В конной атаке 31 марта у «Садов» не приняли участия находившиеся на излечении в походном лазарете подъесаулы С. Краснов и Ф. Рыковский, а также и хорунжие братья С. и Г. Чекуновы. – И. К.) Незаменимые потери понесли и другие конные части. При том тяжком нравственном и физическом состоянии, в коем находилась армия после пятидневных тяжких боев и смерти генерала Корнилова, продолжать атаку Екатеринодара с нашими ничтожными силами было невозможно, и генерал Деникин решил, ради спасения армии, с наступлением темноты снять осаду города и большими форсированными переходами вывести из-под удара екатеринодарской группы красных войск Сорокина.

В ночь на 1 апреля от Екатеринодара в полной тишине потянулись быстрым маршем куда-то на север уцелевшие остатки армии, а из станицы Елизаветинской вышел огромный обоз с 1500 ранеными и подводой, на которой везли два гроба с телами генерала Корнилова и полковника Неженцева. Обоз растянулся на несколько верст. 64 тяжело раненных добровольца при

¹⁰² Баронесса София де Бодэ была одной из девушек, окончивших Александровское военное училище (1917). Участница октябрьских боев в Москве и 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убита 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

враче и сестрах милосердия были оставлены в станице в надежде, что красные их не тронут. Большая часть раненых и медицинский персонал были с невероятной жестокостью перебиты отрядом матросов, вступившим утром 1 апреля в Елизаветинскую.

В арьергарде шла бригада генерала Богаевского с батареей. Редкой цепью по бокам подвод шли измученные физически и морально подавленные добровольцы. На заре находившиеся в походном лазарете больные подъесаул С. Краснов и Ф. Рыковский узнали о незаменимой потере в семье лейб-казаков. Генерал Эрдели им лично сообщил о доблестной смерти есаула Я. Рыковского и подъесаула Н. Плеве. На просьбу обоих разрешить им с разъездом вернуться к месту атаки и взять тела генерал Эрдели ответил: «Нельзя, родные, смотрите...», и как бы в подтверждение его слов со стороны красных из окраины города раздался орудийный выстрел, и первая шрапнель разорвалась над хвостом обоза.

С рассветом из станицы Андреевской красные повели наступление на голову колонны, стремясь преградить ей путь. Генерал Марков, шедший в авангарде с Офицерским полком и батареей, быстро развернул часть полка и атаковал противника; красные были смяты, отхлынули назад и попали под удар шашек черкесов. Перед вечером колонна прошла брошенные жителями хутора, где немного передохнула и в сумерках вошла в немецкую колонию Гначбау. До крайности утомленные и голодные люди заснули где пришлось. Конная бригада генерала Эрдели прикрывала отход армии с тыла и днем вела бой в районе Екатеринодара и только ночью подошла к колонии. На широкой улице колонии в несколько рядов расположился походный лазарет. В просторных домах устроились на ночлег добровольцы и значительное число раненых. Ночь прошла спокойно.

2 апреля. Здесь Добровольческой армии пришлось пережить моральный кризис и кажущуюся неминуемую гибель. Неудача под Екатеринодаром, первая неудача за весь поход, гибель вождя – все сказывалось в этот день.

В колонии выяснилось следующее: Партизанский полк, начав штурм Екатеринодара в составе 800 штыков, к концу боя имел 300; в Корниловском полку осталось едва 100 штыков; Офицерский полк в боях под Екатеринодаром и во время отхода от него потерял 50 процентов своего состава, то есть 350 бойцов, из которых около 80 человек было убито и до 50 пропало без вести. В полку оставалось не больше 400 штыков. Вся армия, начав бой под Екатеринодаром в составе до 6 тысяч бойцов, в колонии имела менее 3 тысяч бойцов и более 1500 раненых. Каковы были силы противника, стало известно позднее: от 40 до 50 тысяч. Известной стала и цифра его потерь – до 10 тысяч одними ранеными.

Поползли слухи о необходимости распылиться. Некоторые малодушные срезали погоны и другие знаки Добровольческой армии. 4-я рота Офицерского полка стала у штаба армии и выставила часовых... Скученность в небольшой колонии, начавшийся артиллерийский обстрел ее и наступление противника усиливали это подавленное настроение. К счастью, не все этому поддавались. Эта подавленность совершенно не коснулась возглавления армии. Все-таки некоторые ушли (например, командир 4-го кавалерийского корпуса генерал Гилленшмидт со своим вестовым) и бесследно пропали. Потихоньку ушли из наших рядов многие молодые кубанские казаки и возвратились в свои станицы.

Генерал Деникин решил двинуться на север, на станицу Медведовскую, а затем повернуть на восток, чтобы вырваться из густой сети железных дорог, идущих на Екатеринодар, Кавказ и Ростов. Кольцо, сжимавшее измученную армию, охватывало ее все плотней, и нужны были отчаянные усилия, чтобы прорывать его и двигаться дальше. Для большей подвижности приказано было бросить все лишние подводы и часть орудий, так как не было к ним снарядов. Четырехорудийные батареи становились двухорудийными, и при конной бригаде вместо двух орудий оставлено одно. Всех, кого можно, посадить на лошадей. Запас снарядов в артиллерийском парке выражался в количестве 40. Количество подвод уменьшилось на 200. Здесь лейб-казаки вошли в 1-й Конный полк полковника Глазенапа третьим взводом офицерского эскад-

рона. Взвод принял полубольной подьесаул С. Краснов. Хорунжие Ляхов, братья Чекуновы, подхорунжий Мигулин и казак Харламов получили лошадей убитых офицеров 1-го конного полка.

Чтобы скрыть направление движения армии, пришлось, несмотря на сильный артиллерийский обстрел и наступление противника, остаться в колонии до наступления темноты. Спешно похоронили офицеры в колонии двух своих убитых в бою и отправили в лазарет десяток раненых. В колонии пришлось оставить нескольких умирающих, уже умерших и застрелившихся, похоронить последних не было возможности. Испорченные 5 орудий, брошенное имущество и подводы оставались в колонии.

В полной ночной тишине – «не разговаривать, не курить» – двигалась по широкой степи колонна длинной лентой обоза в несколько верст. Предстояло снова переходить через железную дорогу, по которой кассировали неприятельские бронепоезда, а на станции стояли готовые к переброске в угрожаемый пункт красные эшелоны. На переход обоза с ранеными через полотно железной дороги нужно было не менее трех часов. В авангарде – генерал Марков со штабом и конвоем в 100 шашек и Офицерский полк с батареей. В арьергарде – бригада генерала Богаевского с батареей. Конница, и в составе ее взвод подьесаула Краснова с лейб-казаками, была направлена севернее Медведовской для порчи железнодорожного пути и отвлечения внимания противника. Черноземная пыль заглушает стук колес. Даже усталые кони не ржут.

Время подходило к четырем часам утра 3 апреля. В полуверсте от железнодорожной будки и переезда находится станция Медведовская, где, по сведениям, добытым от сторожа, стоят два бронепоезда и два эшелона красной пехоты, частью выгрузившейся и занявшей позицию в районе станции и окопавшейся за кладбищем фронтом к железной дороге, переезду и грунтовой дороге, идущей с переезда в станицу. Генерал Марков отдал короткие, ясные распоряжения подъехавшим к будке начальникам. Прошло с полчаса, как колонна остановилась. За это время части генерала Маркова подтянулись и приготовились к встрече бронепоезда и к атаке станции.

Офицерский полк быстро развернулся фронтом на станцию и перешел в наступление. Уже светало. Преодолев огонь противника, сидевшего в окопах, отчаянным порывом смяли и его. Когда офицерские роты шли в атаку на станцию, походный лазарет и обоз стали быстро переходить через переезд, попадая по пути в полосу пулеметного огня со стороны станции, снова ранив проезжавших раненых и тех, кто был у переезда, но это продолжалось короткое время, так как противник был сбит и обращен в бегство наступавшей офицерской ротой. За обозом и походным лазаретом переезд прошла 2-я бригада с батареей. Пробита брешь в кольце красных. Армия вышла из почти безвыходного положения. На бронепоезде захвачено два орудия, 360 снарядов, 100 тысяч ружейных патронов, большое количество пулеметных лент, а на станции в оставленном составе захвачены продукты, белье и медикаменты. Уничтожены полтора бронепоезда, один на переезде, а от другого на станции захвачена половина; другая половина с паровозом успела отцепиться, дала задний ход и скрылась с горизонта. Разъезд под командой подполковника Ряснянского захватил в станице группу комиссаров, а в станичном правлении отобранное у казаков оружие.

Бой у Медведовской является одной из самых ярких страниц истории Первого Кубанского похода. Не останавливаясь в Медведовской, армия, имея в авангарде Партизанский полк, прошла дальше еще 15 верст и остановилась на ночлег в станице Дядьковской, проделав за сутки до 40 верст и проведя весьма серьезный бой.

4 апреля дневка в станице прошла спокойно. Хотя армия и вышла из тесного окружения, но все же оставалась в окружении – куда бы она ни двинулась, ей придется снова переходить железную дорогу. Для ускорения движения армии и сбережения сил бойцов генерал Деникин приказал всю пехоту посадить на подводы, и в дальнейшем движение армии от Дядьковской

к станции Успенской было отлично организованным маршем для выхода из большевистского окружения.

В Дядьковской выяснилось чрезвычайно тяжелое положение раненых. На некоторых подводах раненые не выгружались трое суток; ни медикаментов, ни перевязочных материалов не было. Смертность усилилась. Генерал Деникин собрал старших офицеров и некоторых общественных деятелей, ехавших с армией, и на совещании было решено оставить в станции наиболее тяжело раненных, не могущих вынести быстрой и длительной езды. В Дядьковской мы еще не знали об ужасной участи, постигшей оставленных раненых в Елизаветинской. Это была тяжкая в моральном отношении мера, но другого выхода у нас не было. Из числа 200 человек, признанных врачами, что они не перенесут перевозки, полки замаскированно увезли с собой около 80 человек. Многие из них умерли в дороге, не вынеся тряски и отсутствия отдыха и ухода.

5 апреля с наступлением ночи не тревожимая противником армия, посаженная на подводы, тронулась из станицы дальше на восток на станицу Журавскую, где был большой привал. Ночью армия благополучно перешла Владикавказскую железную дорогу между станциями Выселки и Козырки.

6 апреля армия переменным аллюром ехала куда-то на восток. В пути были лишь большие и малые привалы. Погода стояла хорошая. Совершив переход в 65 верст, армия остановилась на ночлег в станице Бейсугской.

7 апреля утром армия двинулась быстрым маршем к хутору Владимирскому, где стала на большой привал. Ночью предстояло перейти железную дорогу в очень опасном месте, между станциями Тихорецкой и Кавказской, которые отделяет всего 60 верст, и можно было ожидать нападения противника с двух сторон. Выставив конные заслоны против этих станций, армия ночью в третий раз благополучно перешла железную дорогу между станциями Малороссийской и Мирской. К концу перехода через переезд, уже на рассвете, со стороны Кавказской появился поезд. Он был обстрелян и подбит нашей артиллерией. Он оказался товарным, и с него сгрузили лошадей, перевязочный материал и другое имущество.

8 апреля продолжение ночного марша в 45 верст. Остановка в Хоперских хуторах, но в них армия пробыла недолго, так как обнаружилось наступление противника со стороны железной дороги. Принимать бой в семи верстах от нее генерал Деникин не хотел, и ночным маршем армия двинулась дальше, на станицу Ильинскую, находящуюся в 23 верстах к северо-востоку.

9 апреля вечером армия приехала в станицу Ильинскую и расположилась на ночлег. 70-верстный переход с небольшими привалами сильно утомил и здоровых, и особенно раненых, большинство которых провели весь этот переход не сходя с подвод. За четверо суток армия проделала около 150 верст. Все нуждались в отдыхе. Объявлена дневка, а это значит многое: можно умыться, освежиться; избавиться от покрова пыли, проникшей сквозь одежду до тела; можно снять одежду, обувь, а раненым – оставить неудобное ложе. Отдых оказался длительным.

10 и 11 апреля армия оставалась на мосте, несмотря на то что 10-го противник вел наступление небольшими силами со стороны Дмитриевской, легко отбитое 2-й бригадой, после чего конница добила красных, заняв станицу Дмитриевскую. Наступила весенняя теплая солнечная погода. Сады в цвету, поля покрыты молодыми всходами. К этому благополучию присоединились и радостные слухи о восстании казаков против красных на Дону и о захвате донцами Новочеркасска, а также и о влитии в Офицерский полк пополнения – 200 кубанских казаков из числа призванных в армию Кубанским атаманом. Генерал Деникин послал из Ильинской разъезд под командой подполковника Барцевича на разведку в станицу Егорлыцкую. 11 апреля день прошел спокойно в Ильинской.

12 апреля армия спокойно и легко перешла в соседнюю станицу Успенскую, находящуюся в 28 верстах к востоку. В этой станице армия оставалась четыре дня. В Успенской были разгружены все подводы с ранеными, и они могли спокойно и более удобно отдохнуть.

Здесь люди помылись в бане, надели чистое белье и привели в порядок одежду, обувь и оружие. Для обеспечения армий были высланы заслоны к Дмитриевской, Расхаватской и посаду Наволокинскому. У последнего пришлось дать бой красным, имевшим там штаб местных большевистских войск. Рота корниловцев в 100 штыков и конница разбили скопище противника, но корниловцы потеряли до 60 человек убитыми. Красные были вооружены французскими винтовками устаревшей системы Гра, и крупные пули с тупыми концами оставляли ужасные разрывные ранения; этим и объясняются такие крупные потери убитыми. В Успенской узнали о начавшемся восстании на Дону.

14 апреля возвратился из Донской области подполковник Барцевич и привел с собой депутацию от донцов, численностью в 17 всадников, из станицы Егорлыцкой, подтвердивших известие о поголовном восстании донских казаков против советской власти. Дальнейший путь армии становился ясным, нужно двигаться на Дон. 14 апреля, в день прибытия депутации от донцов, генерал Деникин произвел первый смотр армии. Полки постарались привести себя в порядок к смотру нового вождя, к которому уже прониклись доверием и глубоким уважением, ибо для всех было ясно, что он вывел армию из тягчайшего положения, спас ее от распыления и вдохнул бодрость в утомленных бойцов. Все же перед генералом Деникиным, подъехавшим к частям с развевающимся национальным флагом, предстали худые, с обветренными лицами добровольцы, одетые в самые разнообразные шинели и тулупы, с нарисованными химическим карандашом погонами и в изношенной обуви. От прежних сомнений и угнетенного настроения не осталось и следа. Общий подъем духа увеличился, когда кое-кто у штаба армии лично видел и разговаривал с прибывшими для связи с Дона казаками Егорлыцкой станицы.

15 апреля генерал Деникин, на основании сведений, привезенных подполковником Барцевичем, и показаний прибывших казаков, решил двигаться на Дон и поддержать восстание донцов. Выступление было назначено с таким расчетом, чтобы ночью перейти железную дорогу между станциями Ея и Белая Глина. Выступать пришлось под прикрытием арьергарда, вступившего в бой с наступавшими с юга ставропольскими красноармейцами. В авангарде двигалась на подводах 1-я пехотная бригада генерала Маркова с батареей. В арьергарде – 2-я пехотная бригада генерала Богаевского с батареей. Колонна армии, выступившая после полудня на село Горькая Балка, двинулась сначала на северо-восток для введения в заблуждение противника, а затем уже в сумерках повернула на Горькую Балку. Предстояло пройти более 50 верст по открытой, ровной степи; по дороге ни одного хутора, ни одной хаты. Ночь была темная. В тиши раздавался лишь шум колес многочисленного обоза и топот коней.

16 апреля к рассвету колонна подходила к железнодорожному переезду. Колонна остановилась, ожидая донесения от передового разъезда. Вдруг в ночной тишине послышалось тяжелое пыхтение паровоза; все ближе и ближе, как будто бы остановился на месте. Томительное ожидание – откроет нас или нет? Пыхтение паровоза усилилось, ясно было слышно гроыхание цепей, стук буферов и шум колес; все дальше и тише пыхтение: поезд прошел дальше. Рассветало. Колонна стала быстро переезжать через железнодорожный переезд. На рассвете красный бронепоезд обнаружил хвост нашего обоза и пытался его обстрелять, но огнем нашей батареи был быстро отогнан, не причинив нам вреда. Последняя линия железной дороги перед Донской областью была пройдена. Это был четвертый переход железной дороги после снятия осады Екатеринодара. Авангард – Офицерский полк, – подходя к Горькой Балке, был встречен большими силами красных. В жестокой схватке сопротивление противника было сломлено, и он стал отходить и исчез из поля зрения, а появившийся снова бронепоезд был отогнан огнем нашей батареи, и авангард ворвался в Горькую Балку.

Большой привал в Горькой Балке прошел спокойно, и армия перешла в станицу Плоскую, куда прибыла вечером и расположилась на ночлег. До 70 верст прошла армия в течение суток, провела весьма серьезный бой. В Плоскую прибыл донской разъезд и донес, что на задонские станицы красные ведут наступление и казаки просят помощи. Эта помощь им была на следующий день выслана.

17 апреля генерал Деникин выслал из Плоской прямо в Егорлыцкую 1-й конный полк, в составе коего находились и лейб-казаки: подьесаулы С. Краснов и Ф. Рыковский, хорунжий Н. Ляхов и братья С. и Г. Чекуновы, подхорунжий Г. Мигулин и казак Харламов. После полудня армия тронулась из Плоской на село Лежанка Ставропольской губернии, ей памятное по бою 21 февраля. На этот раз село нас встретило без всякого сопротивления и с населением, уже не бросившим свои дома.

18 апреля. День прошел в Лежанке спокойно. Настроение у добровольцев было хорошее: выбрались из окружения, соединились с восставшими донцами; армия пополнилась кубанцами, и генерал Покровский сформировал конный отряд в составе нескольких сотен. Доносился отдаленный гул артиллерийской стрельбы – то донцы вели бой с красными у станицы Заплавской, расположенной в 14 верстах от Новочеркасска. Вечером было выставлено усиленное охранение с пулеметами.

19 апреля перед рассветом часть Офицерского полка была посажена на подводы и выехала в северо-восточном направлении. Было приказано выбить красных из села Лопанка, находящегося в 15 верстах. Произошел встречный бой, и стремительным ударом противник был опрокинут и село занято. Ночью части возвратились в Лежанку.

20 апреля 2-я и конная бригады срочно ушли на помощь донцам в Гуляй-Борисовку в тыл красным, наступавшим на донские станицы Егорлыцкую и Мечетинскую. В Лежанке остались 1-я бригада и конный отряд генерала Покровского, а с ними весь походный лазарет армии с 500 ранеными и обоз. Пройдя 15 верст, передовые части 2-й бригады вошли в соприкосновение с противником, и после первых стычек с красными последние прекратили наступление на Мечетинскую и стали поспешно отступать на слободу Гуляй-Борисовка. Наступала уже ночь, и генерал Богаевский с бригадой прекратил преследование, остановившись на отдых в большом хуторе. 1-му конному полку полковника Глазенапа было приказано после освобождения Егорлыцкой наступать к Мечетинской. Противник, заметив выход из Лежанки большой колонны, повел на село энергичное наступление с востока и юга. Их была подавляющая масса. 1-я бригада заняла позиции редкой цепью и, подпустив противника на тысячу шагов, сильным огнем заставила его залечь. Затем бригада перешла в атаку, поддержанная подвижными пулеметными батареями на тачанках, и обратила его в бегство по всему фронту. Бригада преследовала красных несколько верст. Наступила ночь. Выдвинувшимся вперед частям приказано было отойти к селу и выставить усиленное охранение. Потери в Офицерском полку были серьезные, до 50 человек. Был ранен и командир полка генерал Боровский.

После отдыха на хуторе 2-я бригада генерала Богаевского выступила около 10 часов вечера и, пройдя несколько часов в полной тишине, на рассвете 21 апреля атаковала слободу Гуляй-Борисовку Корниловским полком, шедшим в авангарде. По-видимому, противник не ожидал нашего появления. Из крайних хат началась беспорядочная стрельба, скоро прекратившаяся. Суматоха поднялась по всей слободе. Цепи корниловцев во главе с полковником Кутеповым ворвались в нее. Началась ловля и истребление неприятеля по дворам. Пленных сгоняли на площадь на краю слободы. Вскоре их набралось у партизан генерала Казановича более 300 человек. Здесь впервые от начала похода было получено приказание генерала Богаевского, по случае страстной субботы, пленных не расстреливать. Но суровая действительность заставила военно-полевой суд отнестись к некоторым из них более строго.

В страстную субботу конница генерала Эрдели вступила в Егорлыцкую, где была встречена казаками с хоругвями и иконами. Добровольческая армия соединилась с восставшими

донцами южных станиц. У армии теперь есть тыл, и в первой половине дня в тыл, в станицу Егорлыцкую, из Лежанки кружным путем ушел весь походный лазарет и обоз 1-й бригады. Обоз оставлял Лежанку под обстрелом артиллерии противника.

Обстрел начался с утра и постепенно усиливался. Было видно разворачивание красной пехоты. Затем вся эта масса перешла в наступление. Бой был жестокий. Бригада генерала Маркова с трудом сдерживала наступление превосходных сил противника. Неоднократно Офицерский и Кубанский стрелковый полки, поддержанные подвижными пулеметными батареями на тачанках, то там, то здесь переходили в контратаки, но красные, подаваясь в иных местах назад, поддерживаемые резервами, продолжали наступать. Упорный бой шел на самой окраине села, на кладбище. Красные захватили кирпичный завод и угрожали перерезать дорогу на Егорлыцкую. Для восстановления положения была послана инженерная рота – последний резерв генерала Маркова, численностью в 80 человек, и была снята с соседнего участка полурота в 50 человек. Немедленной атакой красные были выбиты из кирпичного завода и бежали, оставив на месте два пулемета и много патронов. По всему фронту наступление красных стало выдыхаться. Только к вечеру красные окончательно были отброшены от села в свое исходное положение. Выставив охранение, части бригады расположились в домах на окраине. В минувшем бою части бригады понесли чувствительные потери – до 80 человек, из которых 7 убитых потерял Офицерский полк; Инженерная рота потеряла убитыми 8 офицеров и свыше 20 ранеными. Снова при бригаде образовался походный лазарет со 150 ранеными. Вечером, в конце боя, из Лежанки в Егорлыцкую перешел штаб армии.

22 апреля. Первый день святой Пасхи прошел спокойно в 1-й бригаде в Лежанке. В светлый праздник добровольцам пришлось хоронить своих соратников на том же кладбище, где раньше были похоронены первые четыре жертвы начала похода. Конница встретила светлый праздник в Егорлыцкой. Бригада генерала Богаевского спокойно встретила светлый день в Гуляй-Борисовке. Вечером этого дня колонна 1-й бригады на подводах тронулась по дороге на Егорлыцкую, переехала мост через реку Егорлык, ту реку, которую 21 февраля переходил вброд Офицерский полк, но вскоре свернула с дороги вправо по направлению к железнодорожному разъезду Прощальный. В сумерках хвост полка был внезапно обстрелян наскочившим на него грузовиком с пулеметом, но одного артиллерийского выстрела было достаточно, чтобы грузовик поспешно скрылся.

23 апреля на рассвете 1-я бригада подошла к разъезду Прощальный на железнодорожной линии Батайск – Торговая. Высланные подрывники к станции Целина подорвали там путь, а бригада в это время основательно разрушила его у разъезда. Выполнив это задание, она двинулась в Егорлыцкую, куда и прибыла еще засветло, проделав за сутки до 50 верст. 2-я бригада провела этот день спокойно в Гуляй-Борисовке. 1-й конный полк полковника Глазенапа, а в составе его и лейб-казаки, с боя занял Мечетинскую, а на следующий день Кагальницкую. В этот день донские части Южной группы под командой полковников С. Денисова и И. Полякова разбили красных и вступили в Новочеркасск.

24 апреля. Находясь в Егорлыцкой, штаб армии точно узнал о занятии немцами Ростова, Батайска и станицы Ольгинской и об огромном движении большевистских эшелонов по железнодорожным линиям Ростов – Тихорецкая – Царицын. Перевозилась масса военных материалов, в частности боевых припасов, в которых сильно нуждалась Добровольческая армия ввиду массового прилива кубанцев в ее ряды. И генерал Деникин решил произвести набег на узловую станцию Сосыку и ближайшие к ней станции Крыловскую и Ново-Леушковскую, чтобы захватить боевой материал. Выслав в ночь на 25 апреля подрывную команду с конвоем черкесов для взрыва полотна железной дороги между Сосыкой и Ейском и перерезания телеграфных и телефонных проводов, чтобы все находившееся на станции Сосыке не могло ускользнуть при наступлении добровольцев, генерал Деникин приказал утром 25-го выступить 1-й пехотной

бригаде на подводах в направлении к станции Сосыке, 2-й пехотной бригаде – к станции Крыловской и конной бригаде – к станции Ново-Леушковской.

25 апреля утром 1-я пехотная и конная (лейб-казаки в этом набеге не приняли участия, так как 25 апреля прибыли в освобожденную казаками столицу Войска Донского, Новочеркасск. – И. К.) бригады выступили в юго-западном направлении и, совершив переход в 65 верст, расположились на ночлег в станице Незамаевской. 2-я бригада выступила из Гуляй-Борисовки и взяла с боя станицу Екатериновскую, в которой и расположилась на ночлег, выставив охранение.

26 апреля от станицы Незамаевской 1-я пехотная и конная бригады пошли по разным направлениям. Конница двинулась на станцию Ново-Леушковскую, а 1-я бригада, проехав на подводах около 30 верст, остановилась, не доезжая нескольких верст до станции Сосыка-Владикавказская. Разъезды от черкесского конного дивизиона, приданного бригаде, доносили, что станция занята большими силами противника с бронепоездом. По диспозиции штаба армии атака пехотной бригады должна была начаться одновременно с другими двумя бригадами с рассветом 27 апреля. С наступлением ночи 1-я бригада стала разворачиваться в боевой порядок: Офицерский полк для атаки станции Сосыка-Владикавказская, Кубанский строевой полк левее его. С занятием этой станции бригада должна была, заходя левым плечом вперед, наступать на станцию Сосыка-Ейская. 2-я бригада генерала Богаевского переночевала в Екатериновской. Красные, оправившись, сами перешли в наступление со стороны Крыловской с целью взять обратно Екатериновскую. Целый день партизаны и корниловцы отбивали красных, которые к вечеру расположились полукругом на ближайших подступах к станице Екатериновской. Наступила темная ночь. Генерал Богаевский для овладения станцией Крыловской, находящейся в 15 верстах к западу, принял немедленно другой план: кружный ночной обход и атака станции в другом направлении. Оставив для обороны Екатериновской станицы 2-й батальон Партизанского полка под командой капитана Бузуна¹⁰³ и приказав оставленному заслону все время вести огонь в прежнем направлении и беспокоить противника, генерал Богаевский с остальными силами бригады в полной тишине выступил около полуночи, когда уже вся станция спала, и, обойдя правый фланг противника, продолжил движение в южном направлении и на рассвете вышел в двух верстах против юго-восточного угла станции Крыловской.

Одновременно с выступлением обходной колонны был выслан разъезд в пять всадников-подрывников под командой подьесаула Вершинина. В состав этого разъезда вошел и автор этих строк, подхорунжий Авилов и еще два донца. Мы получили задание выйти в тыл красных и с рассветом подорвать железную дорогу южнее станции Крыловской, чтобы стоящие на этой станции неприятельские эшелоны и составы не ускользнули из наших рук при наступлении бригады. Оторвавшись от обходной колонны, мы двинулись в непроглядную тьму ушедшей ночи, взяв направление южнее Крыловской; всю ночь шли мы по степи, почти без дорог. Разъезд наш скрытыми путями весьма осторожно приближался к Владикавказской железной дороге. Рассветало. Степная тишина. Впереди расстилалось ровное поле. В набежавшем легком утреннем тумане в версте впереди виднелась одиноко стоящая хата, неподалеку от нее – пара амбаров, а немного дальше – два стога соломы. За этой придорожной усадьбой шагах в 500–600 дальше виднелась массивная железнодорожная насыпь высотой сажень в пять с крутым скатом, аккуратно выложенным прямоугольными, тщательно отесанными камнями. Неподалеку виднелся бетонный виадук. Красота и величина этой насыпи, тянувшейся вдаль, произвели на меня большое впечатление. С гребня этой насыпи была прекрасно видна впереди лежащая местность и наш разъезд, но никто из нас не обнаружил противника на насыпи. Разъ-

¹⁰³ Бузун Петр Григорьевич. Капитан. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода – в Партизанском полку, с 31 марта 1918 г. командир 2-го батальона и помощник командира Партизанского (Алексеевского) полка, с июня 1919 г. командир 1-го Алексеевского полка, с ноября 1919 г. полковник, с апреля 1920 г. командир Алексеевского полка. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. Убит 19 мая 1943 г. у Вальева (Югославия).

езд въехал во двор на короткий, пятиминутный, привал, всадники спешили и вошли в хату, а пишущий эти строки направился к стогам оправиться. В этот момент сзади ко мне неожиданно подходит в форменной австрийской шинели военнопленный работник в этой усадьбе и тихо говорит мне, что в стогу соломы спрятался красногвардеец с винтовкой. Сказав это, он удалился. Подойдя к стогам соломы, я громко сказал: «А ну-ка, выходи с винтовкой из соломы». Моментально из стога вылез молодой красноармеец в серой солдатской шинели и молча дал мне свою винтовку. «Идем со мной», – сказал я ему, и мы вдвоем молча пошли по направлению к хате. В этот момент подьесаул Вершинин с донцами вышел из хаты, и я ему в двух словах доложил о происшествии и передал ему захваченного и винтовку, а подьесаул Вершинин сию же минуту передал захваченного подхорунжему Авилову, что-то сказав ему. Авилов повел красноармейца за хату, где роковая пуля из нагана пресекла жизненный путь последнего. Разъезд выехал со двора и пошел рысью в направлении к насыпи. Не отъехали мы и сотни шагов, как внезапно со стороны красной заставы затакали редкие выстрелы и пули посвистывали над головами. Пришлось поспешно ретироваться и укрыться за хатами. К счастью, обошлось без потерь. Выполнить задание нам не удалось. В этот момент с Крыловской полным ходом уходил на наших глазах красный бронепоезд на юг, на Сосыку. Наш разъезд тронулся рысью к станции Крыловской. Генерал Богаевский с обходной колонной, сделав ночью почти без дорог около 15 верст, на рассвете 27 апреля вышел в двух верстах против юго-восточного угла станции Крыловской.

Наше появление для противника было полной неожиданностью. Головной конный взвод внезапно захватил заставу красных с пулеметом, причем несколько человек из ее состава застрелились. Станция мирно спала, так же как и семь эшелонов красных войск, которые в них находились в поездах. Еще до восхода солнца 2-я бригада развернулась для атаки, и батарея открыла огонь по поездам, пехота пошла в атаку. На станции началась суматоха, крики, беспорядочная стрельба, гудки паровозов, невообразимый шум, прерываемый частыми и меткими выстрелами нашей батареи. Снаряды пронизывали насквозь вагоны, из которых выскакивали и бежали в разные стороны красные. Вскоре, однако, три поезда один за другим полным ходом двинулись в направлении на станцию Сосыка-Владикавказская. Все они попали в руки 1-й бригады генерала Маркова; остальные четыре поезда двинулись на север, на станцию Кисляковскую. Услышав выстрелы у себя в глубоком тылу, красные, занимавшие позиции перед Екатериновской, начали поспешно отступать. Оставленный нами заслон капитана Бузуна перешел в наступление, и красные, взятые нами в два огня, рассеялись. В это время наш разъезд прибыл на станцию Крыловскую и присоединился к бригаде. Корниловцы захватили в станционных зданиях нескольких раненных накануне в бою у Екатериновской красноармейцев.

Вскоре с севера, со станицы Кисляковской, появился красный бронепоезд, который начал осыпать нас издали своими снарядами. В этом направлении был двинут из резерва Партизанский полк, вступивший в упорный бой с пехотой красных, наступавшей вместе с этим бронепоездом. Между тем после короткого боя с противником, занимавшим станцию Крыловскую, корниловцы захватили ее, взяв большую добычу, оружие, патроны, снаряды и два орудия с запряжками. Неприятель целый день вел упорное наступление со стороны станицы Кисляковской. Раненый генерал Казанович с величайшими усилиями удерживал наступавших, так как молодые кубанские казаки, влитые в полк, под вечер и ночью уже начали уходить поодиночке в свои станицы.

Также 1-я пехотная и конная бригады в этот день с рассветом перешли в наступление, атакуя противника на железнодорожных станциях Сосыка и Ново-Леушковская. Особенно упорное сопротивление красные оказали у станции Сосыки. Несколько бронепоездов поддерживали пехоту красных и сильно задерживали наступление добровольческих частей, которым пришлось брать не одну станцию, а весь узел из двух станций – Сосыка-Владикавказская и Сосыка-Ейская. Только к вечеру все четыре станции были взяты добровольцами. Благодаря

удачным взрывам, произведенным нашими подрывниками, много поездов не ускользнуло и добровольцам досталась большая военная добыча: оружие, патроны, снаряды и два орудия с запряжками. Подошедшие на присоединение к армии из станицы Незамаевской 500 казаков сразу же были вооружены захваченными на Сосыке винтовками и патронами и назначены на пополнение в 1-ю бригаду.

У Сосыки Офицерский полк понес тяжелые потери – около 100 человек, из которых на долю одной 1-й роты, попавшей под картечный и пулеметный огонь бронепоезда с дистанции в 200 шагов и подвергшейся атаке красной пехоты с флангов, пришлось 27 человек убитыми и 44 ранеными. Немалые потери понес и Кубанский стрелковый полк. Офицерский полк в этот день занял станицу Павловскую, радостно встреченный жителями, а к вечеру в Павловскую пришел и Кубанский стрелковый полк; ночью вся бригада двинулась дальше на север, в направлении Крыловской.

28 апреля. 1-я бригада пришла в станицу Ново-Михайловскую, в 6 верстах западнее Крыловской, занятой с боем 2-й бригадой, но еще ведшей жестокий бой с наступающим со стороны Кисляковской противником. Через несколько часов на станцию Крыловскую выступила 1-я бригада, но на ней не задержалась, а проследовала на восток через Екатериновскую в станицу Ново-Пашковскую, где и расположилась на ночлег. Проведя на станции Крыловской очень тревожную минувшую ночь, 2-я бригада генерала Богаевского вслед за 1-й отошла обратно в Екатериновскую, где и расположилась на ночлег. Генерал Деникин предполагал расширить наступление дальше к северу, в направлении Кисляковской, но противник, получив сильное подкрепление, оказывал настолько упорное сопротивление, что этот план был отставлен во избежание напрасных потерь и армия двинулась обратно к южным донским станицам, увозя на 400 подводах захваченную военную добычу, в том числе два орудия в запряжках.

29 апреля армия по высохшей дороге спокойно перешла в Гуляй-Борисовку. В этот прекрасный весенний день в степи, при громком пении многочисленных жаворонков, добровольцы забыли о недавнем упорном бое.

30 апреля 1-я пехотная бригада генерала Маркова и конная бригада генерала Эрдели перешли в Егорлыцкую, а штаб армии и 2-я пехотная бригада генерала Богаевского – в Мечетинскую. Переход прошел спокойно. Части стали по широким квартирам. Раненые отправлены в госпитали Новочеркасска.

30 апреля 1918 года – дата окончания Первого Кубанского генерала Корнилова похода, который продолжался 80 дней, от 9 февраля до 30 апреля. Пройдено по основному маршруту 1050 верст. Из 80 дней – 44-я армия вела бои и провела 12 тяжелых сражений. Вышла в составе около 400 бойцов, возвратилась в составе 5000, пополненная кубанскими казаками. Похоронила в Кубанской земле своего вождя и около четырехсот добровольцев. Вывезла более полутора тысяч раненых.

Противник был пассивен, и для Добровольческой армии наступил период полного отдыха. Донцы, прошедшие с армией Первый Кубанский поход, согласно приказу войскового атамана, оставили ряды Добровольческой армии и влились в Донскую армию. С их уходом один только Партизанский полк уменьшился в численности наполовину. Сильно ослаблялись кавалерийские части. Ушел генерал Богаевский на высокий пост в Донском правительстве. Ушла учащаяся молодежь, составлявшая 5-ю роту Офицерского полка.

Хан Р.-Б. Хаджиев¹⁰⁴ **Генерал Л. Г. Корнилов в «Ледяном походе»¹⁰⁵**

Как вы и чины штаба называли Верховного в походе и в бытность его в Быхове?

Слово «Верховный» закрепилось за генералом Л. Корниловым по моему настоянию, несмотря на то что многие штабные чины просили меня не называть генерала Корнилова Верховным после сдачи им верховной власти генералу Алексееву. В числе просивших были генерал Романовский, Виктор Иванович Долинский, Аркадий Павлович Корнилов (они были адъютантами Верховного). Я объяснил им всем, что Верховный на текинском языке означает Сердар и Уллу Бояр, командующий – Великий Бояр, поэтому мы впредь будем называть его Верховным. Для нас, текинцев, он был Верховным и остался. Выслушав мои доводы, Владимир Васильевич¹⁰⁶ и полковник Киселев сказали: «Ах, дорогой хан, если бы все были преданы Верховному, как вы, текинцы, тогда бы мы не были в таком положении, как сейчас!» Взяв меня за плечо, полковник Киселев добавил: «Ничего, ничего, называйте генерала Корнилова Верховным», и быстро направился к Верховному в кабинет.

Штабные чины в штабе после сдачи своего поста Алексееву называли генерала Корнилова «Ваше Превосходительство», а чины ниже генерала называли «Ваше Высокопревосходительство», конечно, кроме комитетчиков, называвших генерала Корнилова просто «господин генерал». Единственный из всех генералов генерал Деникин называл Верховного по имени и отчеству.

В какой одежде генерал Корнилов вышел в поход?

9 февраля 1918 года Верховный впервые вышел в поход в военной форме. Он был в кителе с полными генеральскими погонами, то есть без звезды, брюки темно-синего цвета с широкими генеральскими лампасами, и в высоких сапогах без шпор. Сверху кителя он носил простую солдатскую шинель, переделанную в полушубок. На плечах – генеральские погоны. На голове он носил солдатскую папаху с белой повязкой, как простой доброволец. Никаких орденов и других украшений как гражданского, так и военного характера он не носил, за исключением обручального кольца и другого, с китайскими буквами. Это кольцо служило ему печатью, которую он ставил на важных письмах, с которыми посылал меня в штаб и в иностранные миссии. Кольца эти он носил на безымянном пальце правой руки. Свой шейный крест на георгиевской ленте, офицерский крест 3-й степени на георгиевской ленте и орден Почетного легиона, украшенный лавровыми листьями, на темно-зеленой ленте Верховный еще в Быхове снял и упаковал в маленький кожаный бумажник, в котором, кроме этих вещей, он носил при себе некоторые личные документы, записи, список имен людей, количество снарядов, оставшихся в зарядных ящиках в каждом батальоне, патронов у генерала Эльснера.

Среди этих вещей находилась «Молитва офицера», которая очень понравилась Верховному, когда впервые за столом в Могилеве прочел эту молитву полковник Галицин. Верховный попросил полковника Галицина напечатать ее ему на отдельном листе. Все эти вещи с

¹⁰⁴ Хан Хаджиев Резак Бек, р. в 1895 г. в Хиве. Происходил из семьи хивинских ханов. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Тверское кавалерийское училище (1916). Поручик Текинского конного полка. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., личный адъютант Л. Г. Корнилова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Весной 1918 г. уехал в Хиву и воевал на Закаспийском фронте; затем через Багдад и Индию пробрался в Сибирь и воевал в армии адмирала Колчака. В эмиграции жил в Шанхае, затем в Японии, с 1962 г. – в Мексике. Умер 20 мая 1966 г. в Мехико. Автор книги о генерале Корнилове «Великий Бояр» (Белград, 1929).

¹⁰⁵ Интервью, данное газете «Русская Мысль». Впервые опубликовано: Русская мысль, № 1271–1272, 1274. 30 сентября, 2 и 7 октября 1958.

¹⁰⁶ Имеется в виду полковник Владимир Васильевич Галицин. С ноября 1917 г. он находился в рядах Добровольческой армии в Новочеркасске. Во время 1-го Кубанского похода находился при штабе армии.

окровавленным кольцом, которое снял я с пальца Верховного, я передал Наталии Лавровне в Новочеркасске. Также карты с кровавыми пятнами Верховного я вручил генералу Романовскому собственноручно.

В момент взрыва Верховный сидел за столом, одетый в полушубок, и на голове была папаха. Между ногами находилась его неизменная палка, преподнесенная ему в станице Ольгинской полковником Симановским. На рукоятке ее была надпись, вырезанная ножом: «Орлиное Гнездо. 1915 г.». На столе на карте лежала какая-то бумага, на которой Верховный писал резолюцию. Левая рука его лежала на бумаге. Он сидел ко мне в профиль, когда я показался в двери с чаем и куском белого хлеба, добытого для него от моего верного вестового Фоки. Эта было в момент взрыва.

Что он вам сказал, посылая достать русский флаг?

12 февраля 1918 года в станицу Ольгинскую прибыли, во главе с господином Краснушкиным¹⁰⁷ (он же Виктор Севский), другие газетные репортеры, просившие Верховного уделить им несколько минут. Главным образом их интересовала быховская жизнь Верховного и его бегство из Быхова на Дон. Но Верховный, обращаясь ко мне, сказал: «Хан, расскажите им, пожалуйста, все, о чем они вас спросят. Вот вам, господа, хан, мой близкий человек, он был со мной в Быхове, сделал очень много для нас всех и бежал вместе со мной, перенося все тяжести сидения в Быхове и похода. Он знает мою жизнь в этот период и может рассказать о ней так же, как я сам, а меня вы извините, я занят. Атаман Попов и другие ждут меня». С этими словами Верховный вошел в столовую, к ожидавшим его лицам. Там были, кроме Попова, следующие лица: генералы Деникин, Алексеев, Романовский и Сидорин. Они должны были совещаться относительно совместной борьбы против большевиков.

Во время моего рассказа господам репортерам пришел полковник Симановский, питавший большую симпатию ко мне за мою верную и преданную службу Верховному и не раз просивший меня беречь этого великого полководца. Он под командой Верховного брал недоступный пункт на Австрийском фронте, так называемое «Орлиное Гнездо», и Верховный очень ценил этого храброго полковника.

Симановский просил меня при удобном случае указать Верховному, чтобы он имел свой значок, по которому на поле сражения войска легко могли бы видеть его и ординарцы могли бы легко найти его штаб. «Я дал эту идею генералу Романовскому, – сказал Симановский, – который меня резко оборвал, сказав: «Полковник, у нас есть более важные дела, чем какой-то значок, о котором вы говорите».

Около шести часов вечера Верховный показался в нашей комнате. Поговорив и пошутив с журналистами, он вышел на крыльцо. Я вышел за ним. Он обратился к генералу Попову, который в это время, после совещания, сел на лошадь, чтобы ехать к своим казакам. Полковник Сидорин уже сидел на лошади. «Значит, вы меня известите немедленно, как только поговорите со своими. Время не терпит! Вы сами знаете, в каком положении дела», – сказал Верховный. «Так точно, Ваше Превосходительство!» – ответил Попов и в сопровождении 20 казаков вместе с Сидориным уехал из станицы Ольгинской.

«Ну как, хан, небось жарковато стало вам с этими господами, а? А что их больше интересовало?» – задал мне вопрос Верховный, держа руки в карманах. Ответив на вопросы, я предложил ему идею полковника Симановского. «Значок! Гм! Зачем?» Пауза. Потом: «Пожалуй, лучше трехцветный флаг! Наш национальный флаг!» – проговорил, глядя вдаль. Не говоря мне ни слова, Верховный пошел в свою комнату, то есть в столовую, где он принимал людей и работал.

¹⁰⁷ Краснушкин Вениамин Александрович. Из дворян Области Войска Донского, сын войскового старшины, казак ст. Константиновской. В 1917–1918 гг. редактор газеты «Вольный Дон» при атамане Каледине, в 1918–1919 гг. редактор журнала «Донская волна». Писатель (псевдоним – Вик. Севский). Расстрелян большевиками в 1920–1921 гг. в Ростове.

Входя в столовую, где был сервирован стол моим денщиком Фокой, и отломив кусок черного хлеба, при скудном свете керосиновой лампы, блестящими, черными как уголь глазами пронизывая меня насквозь, Верховный сказал: «Пожалуй, купите материал. Пусть сошьют нам трехцветный флаг. Это хорошая идея. Между прочим, где он, в какой части полковник Симановский?» На мой ответ о полковнике Симановском Верховный сказал: «Очень храбрый, но весьма горячий офицер. Позовите его ко мне при встрече, я хочу поблагодарить его за его прекрасную идею, спасибо и вам, что вы не забыли поведать мне это. Правда, хан, лучше поднимем наш трехцветный флаг, эмблему великого народа, и пойдем под этим флагом против тех, кто растоптал его». – «Ваше Высокопревосходительство, под этим флагом легче будет и умереть», – ответил я. «Да, да, хан, только поторопитесь, потому что послезавтра мы выйдем отсюда. Только жду подхода Маркова и ответа Попова», – сказал он. На мой вопрос, чем кончилось совещание, он ответил: «Разговорами!» – «А что, как генерал Попов?» – спросил я. «Болтал, обещал, но я не надеюсь на него. Когда-то вы сами сказали: в пустыне у путника только Аллах путеводитель. Да, пусть Он нам поможет... А что, чем вы нас хотите угостить, хан?»

Я принес рюмку и бутылку водки. Вошел Деникин. Верховный улыбнулся и сказал мне: «Есть ли у нас еще рюмочка?» Пока я наливал рюмочку, генерал Деникин произнес: «Где вы, Л. Г., добываете это неисчерпаемое количество влаги, так необходимой в такие тяжелые дни? Проклятье, никто не хочет продать Малинину (Малинин – его адъютант), и нигде не найти». Верховный, кивнув на меня подбородком, сказал: «Вот хан знает, где находится запас». – «Хан, пожалуйста, скажите Малинину, где вы добываете», – попросил меня Деникин. «Тогда, Ваше Высокопревосходительство, вы не удостоите вашим вниманием наш скромный обед», – сказал я Деникину. «Нет, хан, все же скажите Малинину или уж вы сами пойдите вместе с ним, где будет возможность это сделать», – сказал Деникин. Верховный, улыбаясь, сказал: «Хан, есть ли еще у вас для родной рюмки?» Я понял его и принес бутылку, на донышке которой ровным счетом Фока приготовил на две рюмки.

После ужина я пошел и купил материал для штандарта в 9 аршин. С хозяином лавки я отправился к Эльснеру, который рассчитался с лавочником. На другой день в десять часов утра, когда я возвращался, Верховный стоял на крыльце и держал в пике флаг, любуясь им. «Возьмите, хан, и передайте, пожалуйста, конвою!» – кратко произнес Верховный, вручив мне этот флаг.

Я вручил этот флаг начальнику конвоя, полковнику Григорьеву. Он передал его высокому, статному текинцу, который до смерти Верховного носил его. Когда Верховный посылал нас в атаку, то флаг оставался с ним, то есть с Верховным, а в остальных случаях флаг оставался со мной возле Верховного, под градом пуль. Большевики любили пальнуть в эту святую эмблему их матери России.

31 марта в 9 часов утра я и текинцы увезли тело Верховного в Елизаветинскую станицу, а флаг текинец оставил Деникину. Дальше я не знаю о судьбе флага.

Что случилось с его буланным конем и как он его звал?

Свою кобылу Верховный называл Булан. Она была поймана на поле сражения Корниловским полком на Австрийском фронте. Она принадлежала убитому австрийскому офицеру. Ее привели как раз после того, как я возвратился из конвоя, вручив флаг Григорьеву. Я доложил Верховному об ожидавшем Верховного унтер-офицере Корниловского полка Дронове. «Меня хочет видеть солдат Корниловского полка?» – сказал удивленный Верховный и тотчас же вышел на крыльцо. Это было в станице Ольгинской.

«Ваше Высокопревосходительство, вам от полка», – отчеканил Дронов, подводя кобылу Верховному. Он, потрепав по шее кобылу, поблагодарив полк, сказал: «Ведите в конвой». Булана я сдал в обоз Корниловского полка в Елизаветинской станице после того, как мы положили Верховного в гроб.

В апреле месяце я в последний раз увидел Булана в Мечетинской станице. Она была грязная, очень худая. На ней сидел какой-то кубанский казак. Дальше я не знаю о ее судьбе.

Носил ли Верховный оружие? Какое? Стрелял ли сам в боях?

Верховный носил при себе семизарядный карманный маузер. Верховный ни в кого не стрелял. Всегда его револьвер с часами марки «Павел Буре», с записной книжкой, со свечой и коробкой спичек лежал на ночном столике или же на стуле.

Курил ли он? Пил? Что любил из еды и напитков?

Верховный не курил. Любил он в походе выпить только одну рюмку водки перед обедом. Когда я ему доставал бутылку водки, он был очень доволен и благодарил меня. Ел Верховный очень медленно. Он не был требователен, а ел все, что Бог послал, и всегда оставался доволен едой. Любил пить чай и пил его изрядно.

Называли ли его какой-нибудь кличкой чины штаба?

Чины штаба называли Верховного «Ваше Высокопревосходительство», а чины Корниловского полка называли «Батькой».

Вы были свидетелем взрыва снаряда? В каком часу это было 31 марта 1918 года?

31 марта, когда в хату ударил снаряд, из обломков вытащили Верховного при помощи текинского офицера Силяба Сердарова, полковника Корниловского полка Романова (он был военным атташе в Румынии в 1915 году, когда впервые Верховный познакомился с ним, и он дал приют Верховному) и одного поручика из команды связи. Больше никого не было. Казановича не было.

Когда мы вытащили Верховного на руках, то во время спуска с лестницы к нам подбежали полковник Григорьев¹⁰⁸, генерал Романовский и другие. Голова Верховного была в моих руках. Он, открывая глаза и закрывая их, начал хрипеть. Мы его положили на землю, близ берега реки Кубани. Все лицо было покрыто пылью и известью, из рукава левой руки сочилась кровь. Вся одежда была покрыта пылью и известью как у меня, так и у него. Раньше, чем доктор-марковец подошел, он на мгновение открыл глаза, обвел нас взглядом и тотчас же захрипел и закрыл глаза навсегда. Доктор только ответил Деникину, спросившему: «Доктор, есть ли надежда?» – мотанием головы: дескать, нет!

Был ли еще кто-нибудь ранен или контужен, кроме вас, при взрыве снаряда на ферме?

Этим же снарядом был убит казак, лежавший на операционном столе. Операционная комната была рядом с комнатой Верховного. Кроме меня, были контужены доктор и сестра. Казак, о котором идет речь, находился недалеко от фермы, то есть где помещался Верховный. Он сидел и чистил пулемет. Его ноги были раздроблены шрапнелью. Верховный и я возвращались после того, как Верховный попрощался с телом полковника Неженцева. Он приказал мне позвать доктора, чтобы отнести раненого в операционную комнату. Это было семь тридцать. Стоны казака нервировали Верховного, и он то и дело справлялся, не пришел ли доктор. Помощник казака был убит на месте.

Я просил Верховного переменить штаб, указывая на частые разрывы снарядов над фермой. «Хорошо, хан, как только будет время, переменим», – сказал он и вышел в комнату, чтобы наложить резолюцию на донесение Эрдели. Верховный, генералы Деникин и Романовский хорошо знали, когда я говорил о моем предчувствии. Романовский, шутя, говорил, что я пророк. Верховный, шутя, отвечал: «Наш хан никогда не унывает. Правда, хан, иншаалла все будет хорошо! Я верю в его предчувствие...»

Сколько человек текинцев из полка остались в живых после похода из Быхова на Дон и сколько офицеров (60 человек привез Икоев) вы отправили в Хиву? В походе, кроме вас, было 6 человек?

¹⁰⁸ Имеется в виду полковник Владимир Дмитриевич Григорьев – командир Текинского конвоя Л. Г. Корнилова в 1-м Кубанском походе.

Число текинцев, оставшихся в живых и добравшихся в Ахал, – 100–150 человек. Это мне говорил сам командующий Закаспийским фронтом, генерал-майор Ураз Сердар, когда я прибыл в его распоряжение в Байрам-Али, где стоял его штаб. В походе в конвое было их 6 человек и три киргиза.

Перед походом был ли у генерала Корнилова разговор с Донским атаманом Поповым? Как Корнилов отнесся к решению Попова уйти в степи? Был ли раскол между Поповым и генералом Богаевским?

Верховный, да и все генералы старались склонить генерала Попова к совместной борьбе против большевиков, доказывая необходимость конницы в эти дни в Донской армии. Генерал Богаевский, как истинный патриот, решил идти за Корниловым. Он говорил, когда вопрос идет о судьбе России, то нужно забыть о Доне. На выходку Попова Верховный смотрел с сожалением, говоря мне, что жаль, что у русского человека очень мало развит организационный инстинкт. «У Попова чисто шкурный вопрос, хан», – закончил он перед выходом из Ольгинской станицы.

В походе высказывал ли какие-нибудь планы на будущее России?

Единственный его план и священная мечта была раздавить большевиков раньше, чем они организуются, и довести Россию до Учредительного собрания и самому служить русскому народу. А в походе он говорил: «Вперед, не тратя ни слов, ни времени».

Беспокоился ли о семье?

30 марта 1918 года, идя с Верховным на передовую линию под Екатеринодаром, мы попали под жестокий обстрел большевиков. Они открыли по нас артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь. Он и я находились совершенно в открытом поле. Глянув на меня, он приказал лечь и не идти дальше с ним, чтобы не увеличивать цель. Я напомнил ему о данном мною слове Таисии Владимировне (супруге его) не оставлять никогда его одного и быть везде с ним. У меня была цель, напоминая ему о его семье, удержать его от дальнейшего движения вперед. Взглянув на меня сурово, сказал одно слово: «Идемте!» Я и он пошли вперед. Мне показалось, что он не хотел думать о семье в этот страшный миг.

Немного раньше, – это было в Елизаветинской станице, когда он был в весьма хорошем настроении духа, узнав, что Брюховская станица выслала ему на помощь 60 конных казаков, – я напомнил ему о семье. Он, глядя в лазурное небо, произнес: «Я очень рад, хан, что они в безопасности, в руках хорошего и верного человека». Речь шла о генерале Мистулове, который приютил семью Верховного. «Ваше Высокопревосходительство, а как вы думаете о Юрике? Он не боится сейчас учиться среди настоящих разбойников-горцев? Он ведь нас, друзей-текинцев, боялся, принимая нас за баши-бузуков» («баши-бузук» по-турецки – «испорченная или шальная голова»), – сказал я. Верховный улыбнулся и ответил: «Нет, хан, он их не будет бояться, он сам баши-бузук!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.